

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2016 Том 16

ISSN 1814-733X

ISSN 1818-9601

Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Бегинина И. А., Ивченков С. Г., Малинский И. Г.** Административные барьеры, ограничивающие конкуренцию в Саратовском регионе: мнение предпринимателей 371
- Григорьева О. А., Зайцев Д. В., Дыльнова З. М., Селиванова Ю. В.** Трансформация социальной структуры России в контексте глобализации 378
- Калугина Т. А., Кошелев А. А.** Теоретико-методологическое обоснование понятия ценностных ориентаций в концепциях классиков западной социологии 381
- Новоселова Е. Н.** Тенденции и социально-экономические последствия трансформации возрастной структуры населения России 383
- Романовская О. А.** Лимб толерантности или засечная черта терпимости? Социологический этюд 387
- Немерюк Е. Е., Дыльнова З. М.** Приоритетные направления функционирования основных региональных информационно-аналитических центров (РИАЦ) Российской Федерации 390
- Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.** Удовлетворенность саратовских потребителей конкурентной средой через призму объема, качества, цен товаров и услуг 395
- Романовская О. А., Калугина Т. А.** Спортивность в координатах повседневности 403
- Никифоров Я. А.** Кризис социологической теории: есть ли выход? 406
- Немерюк Е. Е.** Реализация и поддержка социальной рекламы на федеральном и региональном уровнях 409
- Черевичко Т. В.** Развитие форм миграции труда под воздействием глобальных процессов 413
- Уфимцева Е. И.** Институциональные особенности первых церковных и воскресных школ в России: историко-социологический обзор 416

Слово молодым социологам

- Юренков И. Н.** Нестабильность социальной системы: основания и индикаторы 423
- Калинкин А. А.** Трансформация языковой личности в процессе конструирования социальной реальности киберпространства 425
- Шматова С. С.** Эволюция представлений о здоровье в классических социологических теориях 427

Политология

- Вилков А. А., Пивоваров В. А.** Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР 432
- Казаков А. А.** Концептуальные основы политико-правового обеспечения медийной грамотности 438
- Данилов М. В., Попонов Д. В.** Масс-медиа в политическом пространстве. Опыт экспертного составления рейтинга региональных СМИ 443
- Цаплин А. Ю.** Политико-правовые факторы становления электронной демократии в России 447
- Пашковский П. И.** Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования 452
- Бобыло А. М.** Образовательные аспекты российской политики в АТР 456
- Семёнова В. Г.** Становление парламентаризма в России: контуры новых политических институций 462
- Герасимова О. Е.** Социальная мобилизация этносов: основные этапы и факторы 466
- Мирзаханов Д. Г.** Политический ислам в современной России: историография проблемы 474
- Вилков А. А., Шестов Н. И.** 20 лет первому набору политологов в Саратовском государственном университете 479

Слово молодым политологам

- Ширханян С. С.** Проблема соотношения свободы и равенства в политической теории А. де Токвиля 482
- Камалетдинова А. И.** Информационное подавление электоральной активности 487

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 05.12.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,75 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 174-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Beginina I. A., Ivchenkov S. G., Malinskiy I. G.** Administrative Barriers Restricting Competition in Saratov Region: the Opinion of Entrepreneurs 371
- Grigorieva O. A., Zaytsev D. V., Dylnova Z. M., Selivanova Yu. V.** The Transformation of the Social Structure of Russia in the Context of Globalization 378
- Kalugina T. A., Koshelev A. A.** Theoretical and Methodological Substantiation of Value Orientations in the Concepts of Classical Western Sociology 381
- Novoselova E. N.** Trends and Socio-economic Consequences of the Population Age Structure Transformation in Russia 384
- Romanovskaia O. A.** Limb Of Tolerance vs Tolerance Defens Line? Sociological Studies 387
- Nemeryuk E. E., Dylnova Z. M.** Priority Areas of Functioning of the Main Regional Information and Analysis Centers (RIAC) of the Russian Federation 390
- Ivchenkov S. G., Shahmatova N. V.** Satisfaction of Saratov Consumers Competitive Environment Through the Prism of the Volume, Quality, Prices of Goods and Services 395
- Romanovskaia O. A., Kalugina T. A.** Athletic Coordinates Daily 403
- Nikiforov Ya. A.** Crisis of the Sociological Theory: Whether there is an Exit? 406
- Nemeryuk E. E.** Sales and Support for Social Advertising Federal and Regional Levels 409
- Cherevichko T. V.** Development of Labor Migration Forms under the Influence of Global Processes 413
- Ufimceva E. I.** Institutional Features of the First Church and Sunday Schools in Russia: Historical and Sociological Overview 416

A Word to Young Sociological Scientists

- Yurenkov I. N.** Analysis of the Instability of the Social System 423
- Kalinkin A. A.** Transformation of Language Personality in the Process of Constructing Social Reality in Cyberspace 425
- Shmatova S. S.** Evolution of Ideas about Health in Classical Sociological Theory 427

Politology

- Vilkov A. A., Pivovarov V. A.** The Propaganda Factor in the Disorientation and the Split of the Soviet Society and the Collapse of the USSR 432
- Kazakov A. A.** Conceptual Bases of Political and Legislative Support for Media Literacy 438
- Danilov M. V., Poponov D. V.** Mass Media in the Political Space. The Experience of the Expert of the Rating of Regional Media 443
- Tsaplin A. Yu.** Political and Legal Factors of E-democracy in Russia 447
- Pashkovsky P. I.** Foreign Policy Mechanism: Problematic Theoretical Aspects of the Research 452
- Bobylo A. M.** Educational Aspects of Russia's Policy in Asia-Pacific 457
- Semenova V. G.** Formation of Parliamentarism in Russia: Contours of New Political Institutions 462
- Gerasimova O. E.** Social Mobilization of Ethnic Groups: the Main Stages and Factors 467
- Mirzakhonov D. G.** Political Islam in Modern Russia: Historiography of Issue 474
- Vilkov A. A., Shestov N. I.** 20 Years of the First Political Science Enrollment at Saratov State University 479

A Word to Young Politological Scientists

- Shirkhanyan S. S.** The Issue of Freedom and Equality Correlation in the Political Theory of A. de Tocqueville 483
- Kamaletdinova A. I.** Information Suppression of Electoral Activity 487

Information about the Authors

490

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

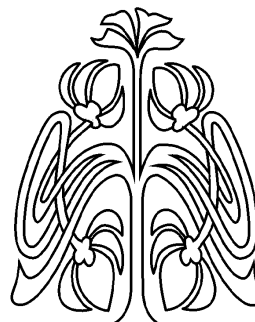
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

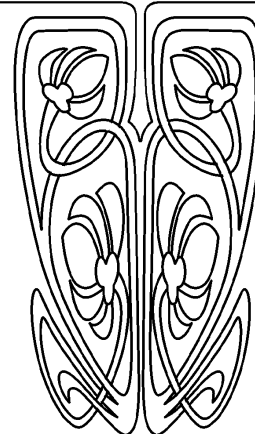
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

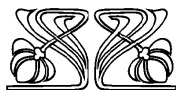
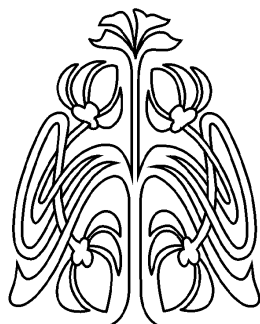
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

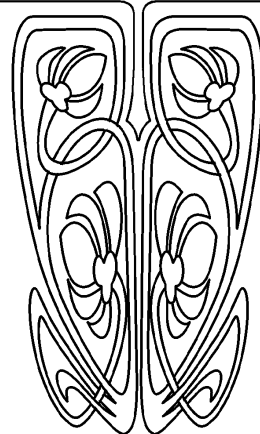

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Osadchaya G. I. (Moscow, Russia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.446

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ КОНКУРЕНЦИЮ В САРАТОВСКОМ РЕГИОНЕ: МНЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

И. А. Бегина, С. Г. Ивченков, И. Г. Малинский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru, ivchenkovsg@mail.ru, mig@info.sgu.ru

В статье раскрываются основные характеристики развития конкурентной среды в Саратовском регионе через такие индикаторы, как наличие и динамика изменений за последние три года административных барьеров ведения бизнеса. Выявляется отношение к этим барьерам предпринимателей, ведущих бизнес на различных географических рынках. Уточняется характер взаимодействия предпринимателей и органов власти. Конкретизируется общественное мнение предпринимателей об основных направлениях развития конкурентной среды в регионе.

Ключевые слова: конкурентная среда, предприниматели, административные барьеры, географические рынки.

Administrative Barriers Restricting Competition in Saratov Region: the Opinion of Entrepreneurs

I. A. Beginina, S. G. Ivchenkov, I. G. Malinskiy

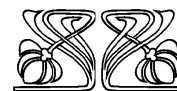
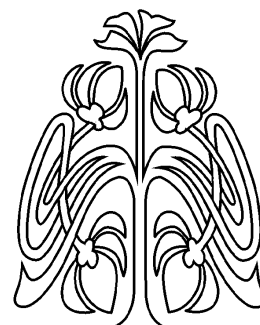
Article based on the results of the sociological research, conducted in the Saratov region, Saratov and reveals the main characteristics of the development of competition Wednesday in the region through such indicators as the existence and dynamics of changes over the past three years the administrative barriers to doing business. Taped to the barriers entrepreneurs doing business in different geographic markets. Specifies the nature of the interaction between entrepreneurs and Governments. Specified public opinion of entrepreneurs on main directions of development of competition Wednesday in the region.

Key words: competitive wednesday, entrepreneurs, administrative barriers, geographic markets.

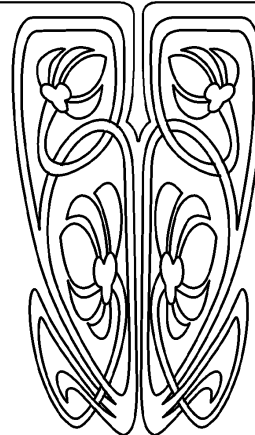
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-371-378

Особую значимость в формировании новых предпринимательских структур в отечественной экономике при переходе к рыночным отношениям приобретает создание конкурентной среды. Конкуренция – движущая сила рынка, источник получения дополнительных средств для инвестиционной деятельности компании. Чем меньше число фирм контролирует рынок, тем сильнее весы рыночного равновесия склоняются в сторону продавца, а не покупателя¹. Каждое предприятие в рыночной экономике действует в определенной конкурентной среде, факторы которой оказывают на него определенное влияние². Понятие «конкуренция» – достаточно сложное и многогранное, чем объясняется наличие множества определений³. Однако традиционно конкуренция рассматривается как борьба субъектов рынка за достижение своих целей: получение больше прибыли, лучших, выгодных поставок ресурса, сбыта товара и т. д.⁴

В связи с этим в Саратовском государственном университете в конце 2015 – начале 2016 г. была проведена серия из двух социологических опросов саратовских предпринимателей и потребителей. Вероятностная выборка проведенного опроса репрезентирует предпринимательское сообщество по критерию отраслевой принадлежности,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

организационно-правовой форме и пропорциям представленности в экономике Саратовской области. В 2015 г. было опрошено 100 представителей малого и среднего бизнеса г. Саратова в возрасте от 18 до 59 лет. Средний возраст по выборке составил 37 лет. В опросе предпринимателей приняли участие 79% мужчин, 21% женщин. В ходе социологического опроса 2016 г. была сформирована многоступенчатая квотно-территориальная выборка. Было опрошено 163 предпринимателя Саратовской области. При этом учитывался размер муниципального образования – крупный, средний, небольшой. Отбор предпринимателей осуществлялся в соответствии с размером и отраслевой принадлежностью бизнеса. Результаты опросов обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS. В ходе обработки использовались расчеты средних показателей, факторный, корреляционный и другие виды анализа сопряженности признаков.

В 2015 г. предприниматели разошлись в оценках приблизительного уровня конкуренции, с которым сталкивается их бизнес на основном целевом рынке. Так, 39% оценивали его как высокий. Слабость конкуренции отмечают 25% представителей бизнеса, столько же опрошенных утверждают, что конкуренция умеренная (табл. 1).

Таблица 1

Оценка предпринимателями уровня конкуренции на основном целевом рынке, % к опрошенным

Оценка уровня конкуренции	Процент
Слабая конкуренция	25,0
Умеренная конкуренция	25,0
Высокая конкуренция	39,0
Очень высокая конкуренция	11,0
Итого	100,0

В 2016 г. субъективная оценка предпринимателями конкурентных условий ведения бизнеса оценивалась через категории «нет конкуренции», «слабая конкуренция», «умеренная конкуренция», «высокая конкуренция», «очень высокая конкуренция» (табл. 2). 31,9% опрошенных предпринимателей оценили условия ведения бизнеса как умеренно конкурентные (в 2015 г. – 25,0%), 30,7% – как высоко конкурентные (в 2015 г. – 39,0%). Соответствие этих оценок данным 2015 г. показывает относительно стабильный характер процесса развития конкуренции.

Снижение барьеров для занятия бизнесом в 2015 г. (табл. 3) предпринимателями признано

Таблица 2

Субъективная оценка предпринимателями конкурентных условий ведения бизнеса

Конкурентные условия ведения бизнеса	Частота	Процент
Нет конкуренции	8	4,9
Слабая конкуренция	23	14,1
Умеренная конкуренция	52	31,9
Высокая конкуренция	50	30,7
Очень высокая конкуренция	18	11,0
Затрудняюсь ответить	12	7,4
Итого	163	100,0

Таблица 3

Влияние размера бизнеса на оценку предпринимателями снижения барьеров для занятия бизнесом, %

Размер бизнеса	Снижение барьеров для занятия бизнесом					
	Не могу оценить	Очень плохо	Неудовлетворительно	Удовлетворительно	Хорошо	Отлично
Малый	1,6	1,6	34,4	32,8	17,2	6,3
Средний	0,0	5,9	58,8	11,8	20,6	2,9

недостаточным, особенно для малого предпринимательства, в 64,7% случаев.

Для уточнения рейтинга отдельных параметров состояния конкурентной среды в 2015 г. были рассчитаны средневзвешенные баллы значимости каждого критерия (табл. 4). Оказалось, что выше всего (более чем на 3 балла) предприниматели оценили объем требований и отчетности для налоговых служб, возможности аренды помещений, взаимодействие бизнеса с органами власти. По остальным критериям состояние конкурентной среды оценивается как неудовлетворительное (менее чем на 3 балла). Таким

образом, выявилось неоднозначное отношение представителей бизнеса к работе власти. С одной стороны, у них есть вопросы к снижению барьеров для занятия бизнесом, возможности участвовать в тендерах и конкурсах, к доступности государственных услуг, с другой – они в большинстве своем удовлетворены взаимодействием с органами власти, доступностью власти и налоговой службы.

В ходе опроса предпринимателей 2016 г. (табл. 5) были выделены следующие индикаторы барьеров ведения бизнеса: сложность получения доступа к земельным участкам; нестабильность

Таблица 4

Оценка состояния конкурентной среды предпринимателями (по среднему значению)

Критерии оценки конкурентной среды	Средний балл по 5-балльной шкале
Наличие информации о состоянии рынков города/района	2,59
Наличие спроса и возможности у населения оплачивать эти товары или услуги	2,94
Взаимоотношение с другими фирмами-конкурентами	2,90
Возможность получения кредитов	2,94
Получение разрешения на открытие бизнеса	2,96
Возможности аренды помещений	3,09
Взаимодействие бизнеса с органами власти	3,45
Объем требований и отчетности для налоговых служб	3,10
Доступность государственных и муниципальных услуг	2,65
Возможность участвовать в тендерах и конкурсах, организуемых местными властями	2,80
Снижение барьеров для занятия бизнесом	2,63
Преодоление семейственности и клановости в органах власти	2,78

Таблица 5

Наиболее существенные административные барьеры, % к ответам

Административные барьеры	Процент
Сложность получения доступа к земельным участкам	13,8
Нестабильность российского законодательства, регулирующего деятельность предприятий	21,1
Коррупция	5,5
Сложность/затянутость процедуры получения лицензий	5,8
Высокие налоги	30,5
Необходимость установления партнерских отношений с органами власти	4,4
Ограничение/сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий	4,0
Ограничение органами власти инициатив по организации совместной деятельности малых предприятий	3,3
Давление со стороны органов власти, препятствующие ведению бизнеса	1,1
Силовое давление со стороны правоохранительных органов	2,2
Силовое давление со стороны проверяющих органов	2,9
Нет ограничений	5,5
Всего	100,0

российского законодательства, регулирующего деятельность предприятий; коррупция; сложность/затянутость процедуры получения лицензий; высокие налоги; необходимость установления партнерских отношений с органами власти; ограничение/сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий; ограничение органами власти инициатив по организации совместной деятельности малых предприятий; иные действия (давление со стороны органов власти, препятствующие ведению бизнеса, силовое давление со стороны правоохранительных органов, силовое давление со стороны правоохранительных органов).

К числу наиболее существенных административных барьеров ведения текущей деятельности предпринимателями Саратовской области в 2016 г. были отнесены: 1) высокий налог

(30,5%); 2) нестабильность российского законодательства, регулирующего деятельность предприятий (21,1%); 3) сложность получения доступа к земельным участкам (13,8%).

Большая часть опрошенных предпринимателей представляют рынок Саратовской области (58,9%), 16,6% – ориентированы на локальный рынок отдельного муниципального образования, 11,0% – реализуют свою продукцию на рынках Российской Федерации, 10,4% – на городских рынках РФ. И только 1,2% предпринимателей ориентированы на рынки СНГ.

Подавляющее большинство предпринимателей, работающих на различных географических рынках (табл. 6), полагают, что у них нет проблем с административными барьерами бизнеса. Однако 36,9% опрошенных предпринимателей, особенно на муниципальном (40,7%) и област-

Таблица 6

Степень распространения проблем предпринимателей, работающих на различных географических рынках, % по положительным ответам

Проблемы ведения бизнеса	Географические рынки бизнеса					По выборке
	локальный муниципальный рынок	рынок Саратовской области	рынки несельских субъектов РФ	рынки РФ	рынки СНГ	
Сложность получения доступа к земельным участкам	29,6	19,6	29,4	33,3	33,3	24,2
Нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность	40,7	40,2	29,4	27,8	–	36,9
Коррупция	18,5	6,5	11,8	11,1	–	9,6
Сложность/затянутость процедуры получения лицензий	14,8	9,8	–	11,1	33,3	10,2
Высокие налоги	37,0	56,5	76,5	38,9	–	52,2
Необходимость установления партнерских отношений с органами власти	3,7	6,5	11,8	11,1	33,3	7,6
Ограничение/сложность доступа к закупкам компаний с госучастием и субъектов естественных монополий	3,7	6,5	23,5	–	–	7,0
Ограничение органами власти инцидентов по организации совместной деятельности малых предприятий	3,7	4,3	11,8	11,1	–	5,7
Давление со стороны органов власти, препятствующие ведению бизнеса	–	1,1	5,9	5,6	–	1,9
Силовое давление со стороны правоохранительных органов	7,4	3,3	–	5,6	–	3,8
Силовое давление со стороны проверяющих органов	7,4	4,3	11,8	–	–	5,1
Нет ограничений	11,1	8,7	–	16,7	33,3	9,6

ном (40,2%) уровнях, уверены, что проблема с нестабильностью российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, есть. На муниципальном уровне предприниматели в два раза чаще других сталкиваются с проблемой коррупции. 10,2% предпринимателей, особенно муниципального уровня (14,8%), и каждый третий предприниматель на рынках СНГ сталкивались со сложностями, затянутостью процедуры получения лицензий.

Сходная ситуация и со взаимодействием предпринимателей и налоговых служб. Неудовлетворенность этим выказывают только представители сферы услуг (74,0%) и ЖКХ (50,0%). Большинство представителей других отраслей в той или иной степени удовлетворены взаимодействием с налоговыми службами. Однако 52,2% предпринимателей в 2016 г. сталкивались с проблемой высоких налогов. Особенно это касается предпринимателей, работающих на областных рынках, на рынках несельских субъектов РФ. Вместе с тем 63,0% предпринимателей муниципального уровня и все 100,0% работающих на рынках СНГ не считают налоговое обложение чрезмерно высоким.

С ограничением органами власти инцидентов по организации совместной деятельности малых предприятий встречались 5,7% опрошенных, особенно среди предпринимателей, работающих на рынках Российской Федерации. Они же иногда (соответственно 5,9 и 5,6%) сталкиваются с действием/давлением со стороны органов власти, препятствующим ведению бизнеса. Предприниматели муниципального уровня (7,4% против 3,1% по выборке), а также рынков Российской Федерации (5,6%) в два раза чаще других сталкивались с силовым давлением со стороны правоохранительных органов. Они же порой встречались с силовым давлением со стороны проверяющих органов (7,4% против 5,1% по выборке).

Вместе с тем только 9,6% опрошенных предпринимателей указали на отсутствие ограничений ведения бизнеса. В три раза чаще других на этом настаивали предприниматели, работающие на рынках СНГ (33,3%), а 90,4% предпринимателей, особенно работающих на рынках несельских субъектов РФ (100,0%), с этим не согласны. Подобная противоречивость ответов косвенным образом свидетельствует о слабости мелкого и

среднего бизнеса, его зависимости от органов власти и правопорядка.

В 2015 г. самые высокие оценки взаимодействия бизнеса и органов власти дали предприниматели, работающие в сфере строительства: 86,7% дали оценку «отлично», остальные либо удовлетворены существующим положением, либо оценивают ситуацию как «хорошую». Однако каждый второй представитель ЖКХ, 40,0% представителей промышленных предприятий и каждый третий работник здравоохранения оказались не удовлетворены этим взаимодействием. Предприниматели, занятые в строительстве и сельскохозяйственной отрасли, не удовлетворены доступностью государственных и муниципальных услуг (86,7 и 77,8% соответственно). Представители сферы образования и науки в 87,5% случаев оценили ситуацию как «очень плохую».

В 2016 г. большинство предпринимателей (92,4%), работающих на различных рынках, не смогли охарактеризовать свои отношения с органами власти как партнерские и даже не считают это необходимым. Только 7,6%, особенно на рынках Российской Федерации (около 11,0%) и на рынках СНГ (каждый третий), ощущают эту потребность. Таким образом, чем обширнее рынок, тем больше необходимость установления партнерских отношений с органами власти.

Около трети предпринимателей, оценивших эффективность действий органов власти

(табл. 7), говорят о том, что власти как мешают, так и помогают в равной степени (самый распространенный ответ). Пятая часть оценила помощь действующей власти в ведении бизнеса, 16,0% указали на то, что власти только мешают ведению бизнеса. И только 8,6% указали на то, что органы власти не предпринимают каких-либо действий, но их участие необходимо.

Среди предпринимателей локально-муниципального рынка большинство (56,5%) полагают, что в чем-то органы власти помогают, в чем-то мешают. Сходного мнения придерживаются 35,2% предпринимателей областного и 46,7% общероссийского уровня. Это мнение стало доминирующим в ответах всех предпринимателей (39,0%). По 17,4% предпринимателей муниципального рынка считают, что органы власти своими действиями помогают бизнесу или только мешают ему. Каждый третий работающий на рынках несельских субъектов РФ придерживается противоположных мнений, что органы власти помогают бизнесу своими действиями или органы власти только мешают бизнесу. Каждый второй предприниматель, работающий на рынках СНГ, полагает, что органы власти помогают бизнесу своими действиями или что органы власти не предпринимают каких-либо действий, но их участие необходимо. Таким образом, чем крупнее рынок, тем больше предпринимателей ощущают реальную помощь органов власти (табл. 8).

Таблица 7

Оценка влияния деятельности органов власти на бизнес, % к опрошенным

Влияние деятельности органов власти на бизнес	Процент
Органы власти помогают бизнесу своими действиями	21,5
Органы власти не предпринимают каких-либо действий, но их участие необходимо	8,6
Органы власти только мешают бизнесу своими действиями	16,0
В чем-то органы власти помогают, в чем-то мешают	29,4
Затрудняюсь ответить	24,5
Итого	100,0

Таблица 8

Оценка предпринимателями различной географии рынка деятельности органов власти, %

Деятельность органов власти на основном для бизнеса рынке	Географические рынки					По выборке
	локальный муниципальный рынок	рынок Саратовской области	рынки несельских субъектов РФ	рынки РФ	рынки СНГ	
Органы власти помогают бизнесу своими действиями	17,4	29,6	33,3	33,3	50,0	28,5
Органы власти не предпринимают каких-либо действий, но их участие необходимо	8,7	11,3	8,3	13,3	50,0	11,4
Органы власти только мешают бизнесу своими действиями	17,4	23,9	33,3	6,7	–	21,1
В чем-то органы власти помогают, в чем-то мешают	56,5	35,2	25,0	46,7	–	39,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Уровень удовлетворенности качеством услуг естественных монополий в Саратовском регионе низкий. Сроки получения доступа к услуге, условия и стоимость подключения практически по всем услугам чаще не удовлетворяют саратовских предпринимателей.

В 2016 г. треть опрошенных предпринимателей указывают на отсутствие административных барьеров для ведения текущей деятельности. Пятая часть респондентов говорят о наличии легкопреодолимых барьеров. Остальные считают существующие барьеры трудно- или вообще непреодолимыми. Особенно активно на отсутствии административных барьеров настаивали предприниматели областного уровня (51,5%), обще-

российского и уровня СНГ (66,7%). Среди предпринимателей локально-муниципального рынка и рынков несельских субъектов самым распространенным мнением стало то, что административные барьеры есть, но они преодолимы без существенных затрат (соответственно 36,8 и 30,8%). Однако предприниматели рынков несельских субъектов в 1,5 раза чаще других (36,8% против 19% в среднем по выборке) настаивали, что есть барьеры, преодолимые при осуществлении значительных затрат. Предприниматели этой категории и областных рынков также чаще других (соответственно 15,4 и 13,6% против 10,3% в целом по выборке) свидетельствовали, что есть непреодолимые административные барьеры (табл. 9).

Таблица 9

Оценка предпринимателями различной географии рынка, насколько преодолимы административные барьеры для ведения текущей деятельности и открытия нового бизнеса, %

Насколько преодолимы административные барьеры для ведения текущей деятельности и открытия нового бизнеса	Географические рынки					По выборке
	локальный муниципальный рынок	рынок Саратовской области	рынки несельских субъектов РФ	рынки РФ	рынки СНГ	
Есть непреодолимые административные барьеры	5,3	13,6	15,4	–	–	10,3
Есть барьеры, преодолимые при осуществлении значительных затрат	31,6	10,6	30,8	33,3	–	19,0
Административные барьеры есть, но они преодолимы без существенных затрат	36,8	24,2	30,8	26,7	33,3	27,6
Нет административных барьеров	26,3	51,5	23,1	40,0	66,7	43,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Около 40,0% опрошенных предпринимателей не смогли оценить изменения административных барьеров в Саратовском регионе за последние 3 года. При этом 16,6% считают, что бизнесу стало сложнее преодолевать административные барьеры, 16,0% изменений не обнаружили, для 14,1% опрошенных преодоление барьеров стало проще, чем раньше, и только 4,3% указали, что административные барьеры были полностью устранены. Среди предпринимателей локально-муниципального рынка по 28,6% опрошенных (и это – самые распространенные полярные мнения) заявили о том, что бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше, или, наоборот, что бизнесу стало сложнее преодолевать административные барьеры, чем раньше. 23,8% этой категории предпринимателей полагают, что уровень и количество административных барьеров не изменилось, 14,3% – что административные барьеры отсутствуют, как ранее, 4,8% – что ранее административные барьеры отсутствовали, однако сейчас появились. Предприниматели областного рынка чаще других (30,4% против 25,5% по выборке) полагают, что уровень и количество административных барьеров не изменилось. Однако каждый четвертый (26,8%) считает, что бизнесу стало сложнее преодолевать административные

барьеры, чем раньше. Напротив, 17,9% полагают, что бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше; 8,9% из них указали на то, что ранее административные барьеры отсутствовали, однако сейчас появились. И только 7,1% отметили, что административные барьеры отсутствуют, как ранее.

Доминирующим мнением предпринимателей рынков несельских субъектов РФ (38,5%) стало то, что бизнесу стало сложнее преодолевать административные барьеры, чем раньше. По 15,4%, наоборот, считают, что бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше, или что их уровень и количество не изменились, или что ранее они отсутствовали, однако сейчас появились. По 7,7% указали, что административные барьеры были полностью устранены или что административные барьеры отсутствуют, как ранее.

Среди предпринимателей, работающих на общероссийских рынках, самым распространенным мнением (44,4%) стало то, что бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше. На втором месте по распространенности среди них стало утверждение, что уровень и количество административных барьеров не изменилось (22,2%). По 11,1% опрошенных указали на то, что бизнесу стало слож-

нее преодолевать административные барьеры, чем раньше, что прежде административные барьеры отсутствовали, однако сейчас появились, или, наоборот, что административные барьеры отсутствуют, как и ранее.

Предприниматели, работающие на рынках СНГ, оказались наиболее позитивно оценивающими изменения уровня административных барьеров на рынке в течение последних трех лет. Каждый третий указал на то, что административные барьеры были полностью устранены, что бизнесу стало проще преодолевать административные барьеры, чем раньше, и что административные барьеры отсутствуют, как ранее. Таким образом, чем крупнее рынок, тем позитивнее предприниматели оценивают сокращение административных барьеров и возможности их преодоления.

В ходе исследования 2016 г. было выявлено, что большинство предпринимателей при рассмотрении направлений развития конкуренции указали на создание системы информирования населения о работе различных компаний, защите прав потребителей и состоянии конкуренции в районе (40,4% опрошенных). Кроме этого, 36,4% предпринимателей предлагают вести жесткий контроль за тем, чтобы одна компания не захватывала полностью рынок, т. е. отмену монополий. Также часть предпринимателей желают, чтобы в городе и районе поддерживались новые направления развития экономики (27,3% опрошенных).

Еще одним немаловажным фактором развития конкуренции в районе, по мнению предпринимателей, является увеличение контроля над работой естественных монополий, таких как водоснабжение, электро- и теплоснабжение, ж/д и авиатранспорт (23,2% респондентов). Такие естественные монополии сдерживают возможности предпринимателей в развитии свободной конкуренции. Немаловажное значение в развитии конкурентной среды предприниматели отдают вопросам контроля над ростом цен (20,2% респондентов), качества продукции (16,2%). Данные направления должны быть под жестким контролем государства и органов власти на местах, позволяя сделать механизмы формирования конкуренции более доступными и прозрачными.

Анализ данных опросов предпринимателей показал, что в 2015 г. большая часть предпринимателей указали, что они столкнулись с проблемами использования родственных или иных личных связей с чиновниками для создания конкурентных преимуществ (58,8% опрошенных) и конкурентным давлением посредством рекламы (52,5%). Причем эти две проблемы каждым пятым предпринимателей переживаются как наиболее острые и злободневные. В 2016 г. к числу наиболее существенных административных барьеров ведения текущей деятельности пред-

принимателями Саратовской области отнесены: высокий налог; нестабильность российского законодательства, регулирующего деятельность предприятий; сложность получения доступа к земельным участкам. В наибольшей степени с проблемой высоких налогов сталкиваются предприниматели, работающие на областных рынках и рынках несельских субъектов РФ.

Чем больше административных барьеров на рынке, тем ниже оценивается уровень конкурентной среды в регионе. Треть опрошенных предпринимателей указывают на отсутствие административных барьеров ведения текущей бизнес-деятельности. Пятая часть респондентов говорят о наличии легкопреодолимых барьеров. Остальные считают существующие барьеры трудными или непреодолимыми вообще. Условия преодоления административных барьеров обладают негативной динамикой. За последние три года, по оценкам предпринимателей, либо ничего не изменилось, либо стало сложнее. Вместе с тем чем крупнее рынок, тем позитивнее предприниматели оценивают сокращение административных барьеров и возможности их преодоления.

Оценка влияния деятельности властей на бизнес неоднозначна. Около трети предпринимателей, оценивших эффективность действий органов власти, говорят о том, что они как мешают, так и помогают в равной степени. Пятая часть оценили помощь действующей власти в ведении бизнеса, 16,0% указали на то, что власти только мешают ведению бизнеса, и только 8,6% отметили, что органы власти не предпринимают каких-либо действий, но их участие необходимо. Чем крупнее рынок, тем больше предпринимателей ощущают реальную помощь органов власти.

Подавляющее большинство предпринимателей, работающих на различных рынках, не сталкивались с действиями органов власти, препятствующими ведению бизнеса. Вместе с тем только 9,6% опрошенных указали на отсутствие ограничений ведения бизнеса. В три раза чаще других на этом настаивали предприниматели, работающие на рынках СНГ (33,3%). Подавляющее большинство предпринимателей, работающих на различных рынках, полагают, что у них нет проблем с административными барьерами. Однако каждый десятый имел дело с коррупцией. На муниципальном уровне предприниматели в два раза чаще других сталкиваются с этой проблемой. Большинство предпринимателей не смогли охарактеризовать свои отношения с органами власти как партнерские и даже не считают это необходимым. Однако чем обширнее рынок, тем больше необходимость установления партнерских отношений с органами власти.

Таким образом, по мнению предпринимателей, уровень конкуренции в регионе умеренно высок и имеет тенденцию к стабильному росту.

Основными направлениями деятельности по развитию конкурентной среды в регионе должны стать мероприятия контролирующего и информационного характера, реализация которых позволит предпринимателям более комфортно заниматься бизнесом.

Примечания

¹ См.: Дулясова М. В., Петухов Ю. С. Создание конкурентной среды – неперемное условие формирования

предпринимательских структур в России // Российское предпринимательство. 2002. № 9 (33). С. 71–76.

² См.: Агафонова М. С. Экономические отношения фирмы с различными субъектами // Журнал экономической теории. 2007. № 4. С. 162–163.

³ См.: Гуляев Г. Ю. Эволюция теории конкуренции // Изв. ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teorii-konkurentsii> (дата обращения: 29.01.2016).

⁴ См.: Кондратов М. В. Формирование и развитие теории конкуренции // Молодой ученый. 2010. № 6. С. 146–149.

Образец для цитирования:

Бегинина И. А., Ивченко С. Г., Малинский И. Г. Административные барьеры, ограничивающие конкуренцию в Саратовском регионе : мнение предпринимателей // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 371–378. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-371-378.

УДК 316.342.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. А. Григорьева, Д. В. Зайцев

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.
E-mail: grigorievaoa@mail.ru, zaitsevd@bk.ru

З. М. Дыльнова, Ю. В. Селиванова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

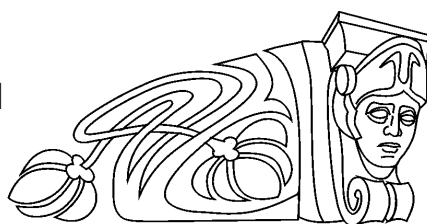
Статья посвящена социологическому анализу особенностей социальной стратификации российского общества в контексте развития глобализационных процессов. Рассматривается в критическом ключе исследовательский и интерпретационный потенциал неовеверианского, неомарксистского, ресурсного и иных теоретических подходов, раскрытых в монографических работах. В аспекте моделирования социальной структуры современного общества репрезентированы мнения о взаимосвязи социальных статусов и социальной стратификации, социальной идентификации и социальной мобильности, что является новым для отечественной социологической науки.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, глобализация, социальная трансформация, социальное неравенство.

The Transformation of the Social Structure of Russia in the Context of Globalization

O. A. Grigorieva, D. V. Zaytsev,
Z. M. Dyl'nova, Yu. V. Selivanova

The article is devoted to the sociological analysis of the social stratification of the Russian society in the context of globalization processes. Examines in a critical way research and interpretative potential neoliberalismo, neo-Marxist, resource and other theoretical approaches disclosed in monographic works. In the aspect of modeling

the social structure of modern society represented the views about the relationship between social status and social stratification, social identity, and social mobility that is new to the national social science.
Key words: social stratification, social structure, globalization, social transformation, social inequality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-378-381

Современная социальная структура становится все более полиморфной и разнородной. При этом постоянно наблюдаются появление новых взаимосвязей и размывание имеющихся между структурными элементами общества. Устоявшейся тенденцией выступают общее истончение, снижение степени зависимости данных частей друг от друга, их виртуализация, что отчасти обусловлено развитием процессов глобализации. В современной России влияние данных процессов детерминирует крупномасштабные преобразования, затрагивающие все сферы и элементы социального целого.

Применительно к проблематике трансформации социальной структуры в качестве элементов могут выступать (в зависимости от избранного теоретического подхода) как группы людей, занимающих определенные позиции «социального поля», так и определенные типы отношений (предписанные соответствующим статусным позициям «роли»), выполняемые функции). Так, Т. Заславская определяет основные социальные группы, составляющие структуру российского общества, их процентное соотношение на основе данных, полученных в ходе мониторинговых исследований, проводимых ВЦИОМ в 90-е гг. XX в.¹ А. Дмитриев берет за основу структурирования размер доходов, уровень образования и

престиж, а Н. Римашевская – доход и размер собственности². Д. Львов основными критериями статуса общественных групп, а соответственно, и социальной стратификации общества предлагает считать «политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал... – в масштабах собственности, доходов и в уровне жизни; социокультурный потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и профессионализма работников, особенности образа и качества жизни, и, наконец, социальный престиж, являющийся концентрированным отражением названных выше признаков»³.

В этой ситуации методологического дисбаланса заслуживает внимания подход Н. Тихоновой, представленный в ее книге «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), где объединены результаты комплекса авторских исследований⁴. Появление новой монографии известного ученого всегда является значимым событием в науке. По своей тематике и содержанию – это одно из первых в постперестроечный период фундаментальных исследований, посвященных анализу, систематизации, обобщению и генерации нового знания о социальной стратификации. Книга является продолжением целого ряда исследований по данной проблематике (например, Ю. В. Арутюнян, Л. А. Гордон, З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, В. И. Ильин, Л. Г. Ионин, В. В. Радаев, Н. М. Римашевская, О. И. Шкаратан) и содержит оригинальное трактование неовеберийанского, неомарксистского, ресурсного подходов для характеристики и сопоставления моделей социальной структуры.

Анализ методологических предпосылок научной работы показывает, что продуктивно не только опираться на известные социологические теории (теории рационального выбора Дж. Коулмана, теории У. Уорнера о роли субъективных, оценочных характеристик в определении социального статуса, теоретические положения П. Таузенда о специфике социального неравенства применительно к низшим стратам) при интерпретации действий акторов, но и учитывать особенности российской действительности, где цели избираемых стратегий могут заметно отличаться от европейских или американских аналогов.

На многие актуальные вопросы социального устройства в указанном труде представлены ответы, например, о том, каковы сегодня общие контуры социальной структуры российского общества, что собой представляют его основные классы, как сказались на их представителях массовая смена социальных статусов, обусловившая различия в судьбах людей, принадлежавших ранее к одним и тем же социальным группам, и какие факторы предопределили новый статус человека в сложившейся сегодня в России социальной структуре. В основе ответов на эти вопросы

лежит опыт исследований автора в рамках проектов Института социологии РАН, НИУ ВШЭ 1994–2013 гг.

Общая логика работы предполагает изложение результатов применения к российской действительности ставших классическими концепций стратификации (одноступенчатой по уровню благосостояния, марксистской/неомарксистской и веберийанской/неовеберийанской концепций анализа социальной структуры общества) для получения с их помощью картины социальной структуры России, а затем анализ модели данной структуры, построенной в рамках альтернативного подхода к стратификации, обладающего, на наш взгляд, существенно большими эвристическими возможностями, нежели классические подходы. Речь идет о сравнительно новом для эмпирических стратификационных исследований, хотя и берущим в концептуальном плане свое начало еще от классиков социологической мысли, ресурсном подходе.

К одному из основных достоинств текста следует отнести серьезную теоретическую проработку вопроса. В первом разделе «Факторы стратификации в российском обществе» подробно рассматриваются теоретико-методологические и исторические предпосылки исследования детерминант стратификации российскими и зарубежными социологами. В то же время в тексте представлен богатый эмпирический материал, результаты осмысления изысканий ведущих российских исследователей, множество примеров из реальной жизни, иллюстрирующих грани социальной стратификации и актуальные проблемы ее исследования. Интересным является предпринятое сравнение мнения населения о социальной структуре общества с той ее картиной, которая получается при сведении в единую модель представлений людей об их месте в обществе, поскольку именно такое сравнение помогает понять сложившуюся структуру социальных позиций, определяющих «коридор возможностей» отдельных акторов. Для этой цели в монографии используются как графические, так и вербальные тесты. С опорой на данные ISSP-1992, включавшего не только 17 стран Европы и Северной Америки, но и Россию, выстраивается модель социальной структуры российского общества в момент вступления его в активную фазу трансформаций.

Базируясь на анализе конкретного эмпирического материала, Н. Тихонова предпринимает попытку ответить на вопрос, чем же обуславливается новый социальный статус человека в условиях резкого изменения социальной структуры общества. Убедительно доказывается различие представлений о социальных статусах в разных обществах, что обуславливает сложность объективного исследования стратификационных особенностей, замера статусных позиций. Например: «...как быть со студентами из семей

миллионера и рабочего, неужели уравнивать их статус, так как оба они, рассматриваемые изолированно, просто студенты? Или как оценивать статус проживающих совместно с детьми пенсионеров, где в одном случае работающий член семьи является президентом крупного банка, а в другом – неквалифицированным рабочим с сезонной занятостью?»⁵

Ответ на данный вопрос не только дает возможность глубже понять социальную жизнь сегодняшней России и результаты длящихся уже более двух десятилетий реформ, но и способствует углублению понимания вектора дальнейшей эволюции российского социума. Более того, при всех несомненных различиях в механизмах стратификации относительно стабильных обществ и обществ трансформационного типа попытка такого анализа способствует правильному пониманию механизмов социальной стратификации и социальной мобильности в современном мире в целом.

Во втором разделе «Социальная структура российского общества через призму “одноступенчатых” классовых подходов» дается описание основных типов методологических подходов к анализу классовых структур («одноступенчатый» и «многоступенчатый»), распределения слоев/классов российского общества по шкале «бедность – богатство» и факторов, обуславливающих принадлежность к ним, выстраивается модель стратификации российского общества по критерию уровня жизни. Как свидетельство того, что российское общество все ближе подходит к закрытому классовому воспроизводству и одновременно все дальше уходит от меритократического идеала, рассматриваются изменения, произошедшие за последние десять лет: например, снизилась роль таких факторов стратификации, как возраст, собственный образовательный уровень и тип поселения, где проживает человек.

Удачен подход в определении «поворотных точек» в исследовании социальной стратификации: анализ элементов социальной структуры, выбор методологии исследования, фокуса (на одномерную или многомерную стратификацию), объекта изучения (индивид или совместно проживающие члены одной семьи), а также характера зависимости между выделенными элементами социальной структуры. Дискуссионный стиль изложения позволяет предложить читателю самому определить, насколько данные «поворотные точки» действительно значимы. Представлены аргументация проблемных моментов «поворотных точек», полемика с зарубежными и отечественными учеными. Например, отмечается, что, «...если рассматривать проблему социальной стратификации в рамках вертикальных ее моделей (присутствующих практически у всех классиков социологии, работавших с проблематикой стратификации, – от О. Конта до Э. Гидденса), то сразу возникает вопрос о выделении

доминирующих систем стратификации и определении сравнительной значимости различных критериев стратификации применительно к конкретному анализируемому типу общества»⁶.

В разделе «Российское общество в зеркале ресурсного подхода к стратификации» данный подход рассматривается как новая теоретическая парадигма стратификационных исследований, наряду с рассмотрением иных концептуальных подходов к проблематике социальной стратификации в конце XX – начале XXI в. Общие контуры и конкретные особенности сложившейся в России модели социальной структуры фиксируются автором при использовании основных теоретических подходов к стратификации – одноступенчатого классового анализа (стратификация по уровню жизни), марксистского и неомарксистского подходов, вебериянской и неовебериянской традиций классового анализа, поскольку рассмотрение социальной структуры российского общества в рамках каждого из них позволяет зафиксировать особенности этой структуры или важные для ее понимания особенности российского общества в целом, незаметные в рамках других подходов. Однако эффективность применения этих подходов в России весьма проблематична, поскольку «концептуально модели классового анализа были созданы для описания обществ совсем иного типа, чем современное российское общество»⁷.

Наиболее подходящим для анализа системы стратификации общества современной России, по мнению автора, является ресурсный подход. Интерес вызывает рассмотрение методологических проблем его применения в стратификационных исследованиях, что позволяет внутренне непротиворечиво объяснить причины устойчивости неравенств между различными социальными группами в российском обществе.

Интересны в научном плане комментарии об оправданности социального неравенства в конкретном обществе, степени антагонистичности характера взаимоотношений между разными социальными группами, об угнетении или эксплуатации как характеристике отношений между элементами различных социальных структур: «...соблазн сформулировать свою “гражданскую позицию” по этим вопросам бывает настолько велик, что невольно начинаешь думать – может быть, отказ от анализа взаимоотношений между компонентами социальной структуры будет меньшим из зол, особенно в ситуации, когда нехватка эмпирических данных об этих отношениях невольно подталкивает к замене их личными представлениями о том, “что такое хорошо и что такое плохо”»⁸.

На основе проведенных исследований актуален вывод о том, что в процессе развития демократических и рыночных реформ социальная структура российского общества претерпела значительную трансформацию. Социальное не-

равенство в современной России – логическое следствие наличия на момент начала реформ 1990-х гг. у разных групп населения разного объема ресурсов, во многом – накапливавшихся на протяжении поколений. В целом эмпирические данные свидетельствуют о том, что различные виды капитала концентрируются в настоящее время хотя и в разных комбинациях, но в основном у одних и тех же людей, которые представляют собой особую группу «новых капиталистов». Сегодня мы находим подтверждение тому, что, несмотря на очевидные сдвиги в направлении становления классовой структуры российского общества, данный процесс не завершен. Это является характерным для современных рыночных систем, особенно в контексте глобализации. Органичное применение различных концептуальных методологий позволяет объяснить многие реальные изменения и формирование социальной структуры России.

Примечания

- ¹ См., например: *Заславская Т. И.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. 2001. № 8. С. 3–7; *Ее же.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 39.
- ² См., например: *Римашевская Н. М.* Бедность и маргинализация населения // Социс. 2004. № 4. С. 26–29; *Львов Д.* Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: Экономика, 1999. С. 86.
- ³ *Львов Д.* Указ. соч. М., 1999. С. 86.
- ⁴ См.: *Тихонова Н.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; ИС РАН, 2014.
- ⁵ Там же. С. 24–25.
- ⁶ Там же. С. 21.
- ⁷ Там же. С. 363.
- ⁸ Там же. С. 26.

Образец для цитирования:

Григорьева О. А., Зайцев Д. В., Дыльнова З. М., Селиванова Ю. В. Трансформация социальной структуры России в контексте глобализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 378–381. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-378-381.

УДК 316.7

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ КЛАССИКОВ ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Т. А. Калугина, А. А. Кошелев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются теоретико-методологические особенности социологической интерпретации понятия ценностей и ценностных ориентаций в русле концепций представителей различных школ западной научной мысли. В работе проанализированы фундаментальные концепции Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина и др. Кроме того, в статье актуализировано значение теоретических подходов западных изыскателей и их роль в разработке проблематики ценностей в контексте социологической науки.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, типология ценностей.

Theoretical and Methodological Substantiation of Value Orientations in the Concepts of Classical Western Sociology

Т. А. Kalugina, A. A. Koshelev

The article deals with theoretic and methodological features of a sociological interpretation of values and value orientations in line with the concepts of Western scientific schools representatives. This paper analyzes the fundamental concepts of E. Durkheim, M. Weber,

P. Sorokin and others. In addition, the article raises the importance of Western theoretical approaches and their role in the development of values in the context of social science.

Key words: values, value orientations, typology of values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-381-383

Вопросы ценностных ориентаций всегда сопровождалась пристальным вниманием со стороны представителей различных школ социологической мысли. И это вполне объективно, так как процесс трансформации современных ценностей, на наш взгляд, находится еще в активном состоянии, формируя все новые принципы мироустройства социума.

Ценности – это определенные общественные явления и институты, которые представляют наибольшую социальную значимость для индивида в современном социуме. Ценности можно дифференцировать на материальные и духовные и в то же время подчеркнуть особую значимость духовных ценностей, образующих социокультурное пространство социальных взаимодействий.

Проблематика ценностей и ценностных ориентаций рассматривалась в научных трудах ис-

следователями различных эпох. В то же время в теории социологии принято считать, что одним из первых обозначил особую социальную значимость понятия «ценность» немецкий ученый М. Вебер. Наиболее значимое свойство ценности, согласно его размышлениям, заключается в генерации системы заповедей и требований, посредством которых устанавливается порядок в обществе. Ценностно-рациональная модель М. Вебера определяется степенью значимости предмета или явления, мотивирует индивида к особому типу поведения, формируя тем самым нормы, определяющие порядок в социальной системе. Мотивационное поведение, в рамках научных изысканий М. Вебера, определяют четыре основных мотиватора социального действия. Ценностно-рациональный тип поведения индивида предполагает религиозно-эстетическую основу, при этом последствия подобных действий не имеют определенного значения¹. М. Вебер отдельное внимание уделял специфике социологического анализа и различию в нем между оценкой и отнесением к ценности, а также затрагивал понятие «ценности» в своих концепциях «идеальных типов» и «интереса эпохи».

Изучаемая проблематика затронута и в работах известного социолога Э. Дюркгейма, который рассматривал ценности как совокупность общественных представлений, не зависящих от оценки отдельно взятых индивидов. Механизм восприятия ценностей индивидом определяется принуждением, в основе которого лежит общественное мнение. Э. Дюркгейм отмечал необходимость конструирования иерархической ценностной системы, основными компонентами которой являются экономические, религиозные, нравственные, эстетические и метафизические подсистемы. Полученные из этих подсистем ценностные суждения выступают как общественные ориентиры социального поведения, тем самым выполняя интегрирующую роль в становлении общественного порядка и органической солидарности в социуме².

Примерно в этот же период У. Томас и Ф. Знанецкий подчеркивали взаимосвязь категорий «социальная ценность» и «социальная установка». В их концепции можно обнаружить некое сходство с научными представлениями Э. Дюркгейма. Как и Дюркгейм, данные изыскатели рассматривали социальную ценность как некую константу, служащую ориентиром для поведения индивида в социуме. Но, в отличие от Э. Дюркгейма, они определяли категорию «социальная установка» как индивидуальный процесс сознательной деятельности индивида. Иными словами, социальная установка и социальная ценность дублируются на личностном уровне, так как имеют общее связующее звено – деятельность.

В процессе исследования авторы приходят к выявлению двух видов социальных ценностей

– предметных (внешних, объективных) и субъективных (внутренних). У. Томас и Ф. Знанецкий вкладывали в понятие ценности символический смысл, определяющий групповые стандарты поведения. К заслугам данных ученых, безусловно, можно отнести актуализацию понятия «социальная ценность» на фундаментальном уровне научного познания³.

Продолжение анализа ценностей как основополагающей социологической категории нашло отражение в работах П. Сорокина и Т. Парсонса. П. Сорокин рассматривал социальную ценность в социокультурном контексте. По его мнению, ценность – это совокупность норм и правил поведения, являющаяся фундаментом любой культуры и выступающая интегрирующим фактором построения общественной системы. Смена общественных формаций сопровождается изменением социальных ценностей и культурных установок⁴.

Т. Парсонс, анализируя общественные системы, среди всех функциональных потребностей наиболее важной считал воспроизводство образца и ситуационизированных общественных ценностей. Сама же социальная ценность представляет собой элемент, обеспечивающий взаимодействие социальной и культурной системы. В его понимании, ценностью может быть назван «элемент общепринятой символической системы», выступающий «в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющихся альтернатив ориентации»⁵.

Следовательно, в вышеупомянутых концепциях понятие «ценность» имеет ярко выраженную связь с понятием «ценностная ориентация». В этом смысле социальная ценность становится четким выражением традиции культуры того либо иного социума⁶.

Интересным представляется мнение известного ученого М. Рокича, который выделяет терминальные и инструментальные ценности. Терминальные ценности предполагают наличие некой цели индивидуального существования, интегрирующее движение к ней с точки зрения и личного, и общественного. Инструментальные ценности основаны на мнении о присутствия образа действий, который является предпочтительным для личности и общества, независимо от ситуации. Классификация ценностей, по М. Рокичу, характеризуется следующими признаками:

- уходят корнями в культуру, общество и индивида;
- осуществляют влияние на все сферы общественной жизни;
- небольшое количество, которое может быть достоянием деятельности человека;
- обладание людьми идентичными ценностями, хотя и в разной степени⁷.

Основываясь на исследованиях М. Рокича, израильский ученый Ш. Шварц системати-

зировав различные научные подходы в единое понимание категории «социальные ценности». Используя накопившийся теоретический и практический потенциал, а также результаты собственных эмпирических исследований, он предложил концепцию круговой модели, разделенную на две конфликтные оси: «открытости изменениям – консерватизма» и «самовозвышения – самоотраженности». В основе данных осей представлены десять базовых общественных ценностей, нашедших отражения в любой культурной цивилизации и отличающиеся универсальными, а также гуманистическими признаками. Близость ценности в круговом направлении отражает положительный характер мотивационного действия, отдаленность, соответственно, имеет отрицательное значение. К примеру, ценности универсализма и доброты относятся к полюсу самоотраженности, который противоречит ценностному полюсу самовозвышения (достижение, власть) и т. д. Каждая страна, по мнению Ш. Шварца, испытала на себе конфликты между ценностями динамики и статики, индивидуализма и коллективизма⁸. Выявленные им десять ценностных признаков являются продуктом основных потребностей индивида, а именно: биологических потребностей, потребностей взаимодействия и потребностей стабильности социальных групп.

Следует отметить, что выводы Ш. Шварца стали одними из приоритетных в проблематике изучения социальных ценностей гуманитарными дисциплинами. Попытки последователей увеличить количество базовых ценностей в настоящее время не принесли ощутимых результатов.

Таким образом, классики социологической мысли подчеркивают интеграционный характер социальных ценностей, которые устанавливаются индивидами коллективно и регламентируются для принятия общественным мнением того либо иного социума. В своих концепциях ученые не затрагивают индивидуальных особенностей личности в процессе осмысления и принятия ими социальных ценностей.

Примечания

- 1 См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- 2 См.: Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные суждения» // Социс. 1991. № 2. С. 106–114.
- 3 См.: Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М., 1994. С. 182–194.
- 4 См.: Сорокин П. Кризис нашего времени // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- 5 Парсонс Т., Шилз Э., Олдс Д. Ценности, мотивы и системы действия. О структуре социального действия. М., 2002. С. 90.
- 6 См.: Спиридонова В. Проблема ценностей в социологии (Историко-теоретический аспект). СПб., 2004.
- 7 См.: Яницкий М. Ценностные ориентации личности как динамическая система. URL: <http://hpsy.ru/public/x2753.htm> (дата обращения: 18.05.2016).
- 8 См.: Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values : Theory and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / ed. M. Zanna. N. Y., 1992. Vol. 25. P. 74–79.

Образец для цитирования:

Калугина Т. А., Кошелев А. А. Теоретико-методологическое обоснование понятия ценностных ориентаций в концепциях классиков западной социологии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 381–383. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-381-383.

УДК 314.18

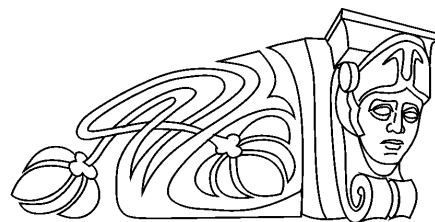
ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Е. Н. Новоселова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: novoselova@socio.msu.ru, alena_n@mail.ru

В статье анализируются основные тенденции трансформации возрастной структуры населения России – старение населения и уменьшение численности трудоспособного населения. Представлена сравнительная характеристика процесса старе-

ния населения России со странами Западной Европы. Приведены статистические данные, характеризующие процесс старения населения России, определены основные причины, дана оценка социально-экономических последствий этого процесса.

Ключевые слова: возрастная структура населения, демографическое старение, рождаемость, смертность, демографическая нагрузка пожилыми, последствия старения населения.

Trends and Socio-economic Consequences of the Population Age Structure Transformation in Russia

E. N. Novoselova

This article analyzes the main trends of the age structure transformations among Russian population – the population aging and decline of the working-age population. Comparative analysis of the Russian and Western European aging population is presented. Author uses statistical data characterizing aging of the Russian population, main reasons and socio-economic consequences of this process are determined.

Key words: population age structure, population aging, birth rate, mortality rate, demographic burden of elderly, consequences of an aging population.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-383-387

Возрастная структура, т. е. распределение населения по возрастным группам и возрастным контингентам – одна из базовых характеристик населения, которая играет очень важную роль во всех общественных процессах и находится в тесной взаимосвязи со всеми демографическими процессами. Исследование тенденций изменения возрастного состава населения той или иной страны является важным условием определения ее будущего. Возрастная структура крайне важна с точки зрения установления перспективных характеристик человеческого потенциала, являющегося в современном мире одним из главных факторов экономического роста, от состояния которого зависит эффективность использования всех прочих ресурсов развития.

На сегодняшний день основной тенденцией развития возрастной структуры населения мира выступает его прогрессирующее старение. Главный тренд в этом процессе задают наиболее развитые страны, большинство из которых перешагнули порог демографической старости уже довольно давно¹.

Население Земли будет продолжать становиться старше, менее чем через 40 лет люди старше 60 лет составят пятую часть общей численности населения планеты. По прогнозам ООН, к 2030 г. количество людей в возрасте старше 60 лет достигнет почти полутора миллиардов человек (16%), а к 2050 г. превысит 2 миллиарда (22%). «К 2050 будет 93 страны со средним возрастом населения более 40 лет, 48 из них в развивающемся мире»².

Трансформация возрастной структуры населения, а именно его демографическое старение, затрагивает практически все стороны деятельности и сферы жизни государства и общества: здравоохранение, образование, страхование, уровень и структуру потребления, социальное обеспечение и т. д. Эта тенденция имеет множество экономических, политических и социальных последствий, поэтому детальный, как теоретический, так и практический, анализ процесса старения населения России, которая не является исключе-

нием из общемировой тенденции, будучи страной с весьма существенным демографическим дисбалансом и постоянно увеличивающимся числом пожилых людей, весьма своевремен и актуален.

Относительно первопричин старения населения среди ученых существует единое мнение – это снижение рождаемости, в результате которого в возрастной структуре населения уменьшается доля детей и увеличивается доля пожилых. Другими факторами, безусловно, являются увеличение продолжительности жизни и объем миграционных процессов, однако воздействие этих факторов более слабое, чем влияние, которое оказывает на старение населения нисходящая динамика рождаемости. В России снижение рождаемости является практически единственной причиной старения населения, а высокий уровень смертности замедляет этот процесс, так как в нашей стране в преклонном возрасте люди живут значительно меньше, чем в добившихся успехов в увеличении продолжительности жизни странах³.

Формирование демографически старого население в России проходило постепенно, начиная с 1940-х гг. В категорию «старых» население России перешло в конце 1960-х гг., а в ближайшее время, по прогнозам специалистов, ситуация только ухудшится, старение населения ускорится и к 2025 г. доля россиян старше 65 лет может достигнуть 18%, т. е. старше 65 лет уже будет каждый пятый житель нашей страны⁴, а к 2050 г. Россия переместится в категорию стран со средним возрастом населения 40–49 лет.

В середине XX в. в Западной Европе доля лиц старших возрастов была на 60% выше, чем в России, а в 2000 г. – уже менее чем на 20%, индекс старения в Западной Европе был на 100% выше российского показателя, а к 2000 г. это разница составила уже лишь 26%; за полвека более чем в три раза уменьшилась относительная разница между Россией и Западной Европой в значениях демографической нагрузки за счет пожилых⁵.

В настоящее время в России 12,9% от общего числа жителей – люди старше 65 лет. РФ занимает 17-е место в мире по уровню старения⁶. Ситуация внутри страны неоднородна, есть как «молодые», так и «старые» регионы⁷.

Особенность старения населения России в том, что, в отличие от большинства развитых стран, население которых стареет с двух сторон, как «сверху», так и «снизу», Россия стареет исключительно за счет низкой рождаемости, т. е. «снизу». Показатели рождаемости в России ниже уровня простого воспроизводства населения, однако в последнее время, по данным Росстата, имеется некоторый рост.

Данный рост происходит медленно, основной причиной чего, по мнению большинства экспертов, является пока еще благоприятная воз-

растная структура, т. е. многочисленность женщин средних и старших репродуктивных возрастов. Положительная тенденция, свидетелями которой мы являемся, продлится недолго, и уже в следующем десятилетии ярко выраженным станет совсем другой тренд – к уменьшению рождаемости. Сейчас рожают женщины самого многочисленного поколения. В 1987 г. в России родилось около 2,5 млн человек, а в 1997–1998 гг. – 1,2 млн. Именно это малочисленное поколение будет рожать в 2020 г., положительное влияние фактора структуры уже исчерпало себя. «Более того, не менее половины из 30% рождений, вызванных “материнским капиталом”, приходится на стимулирование отложенных до этого рождений, т. е. те, кто планировал иметь второго ребенка, скажем, в 2017 г., благодаря “материнскому капиталу” смогли родить второго ребенка сейчас, но, к сожалению, они не собираются увеличивать количество своих детей до третьего»⁸, таким образом, снижение рождаемости в России происходит в результате массового отказа от рождения детей высокой очередности.

Для реального роста рождаемости нужно радикальное изменение норм, ценностей, мотивов, необходимы комплексные изменения всей социально-экономической реальности. Пока же мы наблюдаем совершенно иные тенденции – женщины все чаще стали сознательно откладывать деторождение и ставить перед собой совершенно другие задачи: образование, карьеру, эксперименты с образом и стилем жизни⁹.

Возраст рождения первого ребенка во многом зависит от возраста вступления в брак, желания получить хорошее образование и найти высокооплачиваемую работу. Как показывают статистические данные, российские женщины стали все чаще откладывать рождение детей на более поздний срок.

Негативное влияние данного феномена на динамику рождаемости очевидно – с возрастом ухудшается репродуктивное здоровье женщины, и добровольное откладывание может привести в итоге к бездетности, кроме того, с возрастом растут притязания к уровню жизни, и рождение ребенка может рассматриваться как фактор, который этот уровень жизни неизбежно понизит или помешает его достигнуть.

Очевидно, что способность женщины к зачатию и вынашиванию ребенка изменяется на протяжении ее жизни, «существуют объективные биологические ограничения репродуктивного возраста женщины»¹⁰, откладывание деторождения увеличивает риск остаться инфертильной, и чем старше женщина, тем выше этот риск, таким образом, «добровольная» бездетность, из-за откладывания деторождения на более поздний срок в молодости, в зрелом возрасте оборачивается вынужденной бездетностью.

Многодетность постепенно становится маргинальной стратегией репродуктивного по-

ведения в современном мире, потребность в нескольких детях постепенно исчезает, нормой же делается доведенная до абсолюта малодетность, т. е. однодетность. Переход на малодетность оказывает серьезное влияние на возрастную состав населения. Удельный вес детей и подростков постепенно сокращается, зато растет удельный вес старшего поколения. Такая, в общем-то, негативная для российской демографии возрастная структура населения уже сложилась на следующие десятилетия, и значительно повлиять на нее невозможно.

Сокращение удельного веса молодежи и рост количества людей старших возрастов в структуре населения страны означает сокращение численности населения, находящегося в трудоспособном возрасте, что вызывает ряд экономических проблем: сокращение человеческого капитала и снижение производительности труда, увеличение расходов на здравоохранение, увеличение нагрузки пожилыми на работающее население, рост нагрузки на пенсионную систему и социальное страхование и т. д.

Снижения рождаемости и переход на однодетный образ жизни, несомненно, ведет к старению населения, смертность же влияет на возрастную структуру населения более неоднозначно. Например, если смертность снижается в детских возрастах, а в этом аспекте большинство развитых стран мира достигли серьезных успехов, это омолаживающе действует на структуру населения.

Одним из важнейших факторов старения населения, бесспорно, является рост продолжительности жизни, но он становится действительно значимым исключительно при низком уровне рождаемости, причем вклад в старение смертность вносит только в том случае, если в совокупности с тем, что много людей доживает до старших возрастов, увеличивается и продолжительность жизни в этих возрастах. А в России ни одно из этих условий не выполняется. В отличие от других стран с низкой рождаемостью, глубокая старость населению России пока точно не грозит. Доля лиц 80–85 лет и старше еще крайне мала. По этому показателю Россия занимает 37-е место в списке из 43 европейских стран, США и Японии¹¹.

Продолжительность жизни россиянина, по данным на 2014 г., составляет 70,9 года, при этом продолжительность жизни российских женщин в 2015 г. достигла своего исторического максимума – 76,5 года¹², тогда как продолжительность жизни мужчин составила 65,1 года¹³. Таким образом, Россия занимает по разным оценкам 111–129-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни¹⁴ наряду с КНДР, Бангладеш, Непалом, Монголией, Узбекистаном, Фиджи, Филиппинами. По этому показателю наша страна отстает не только от более развитых стран, но и от государств с похожим уровнем развития экономики.

За последнюю четверть века продолжительность жизни в России выросла лишь на 1,74 года, в то время как во всем мире прирост этого показателя составил 6,2 года. Еще меньше выросла продолжительность здоровой жизни россиян – на 1,6 года, составив 58,9 года для мужчин и 66,6 года для женщин¹⁵.

Старение населения нашей страны имеет ярко выраженное «женское лицо». Феминизация старения в России и в мире носит долгосрочный характер и обусловлена влиянием массы находящихся в сложной взаимосвязи факторов: экономических, культурных, социальных и др. Мужская смертность в наиболее дееспособных возрастах в несколько раз превышает смертность женщин, что находит свое отражение в колоссальных гендерных различиях в продолжительности жизни. Средняя продолжительность жизни мужчины в России почти на 12 лет ниже продолжительности жизни женщины¹⁶.

Даже с учетом продолжительности жизни российских женщин вероятность дожить до преклонного возраста у наших соотечественников значительно ниже, чем в других странах. В России вероятность дожить до 65 лет, существующая при рождении, составляет 78% для женщин и 48,4% для мужчин, а, например, в Норвегии – 90,8 и 83,5% для женщин и мужчин соответственно, 93,0% женщин и 85,0% мужчин в Японии, 81,3% женщин и 72,7% мужчин в Китае¹⁷. Это одна из причин того, почему Россия остается относительно молодой, по стандартам развитых стран. Высокая смертность – явление, несомненно, негативное, однако именно она тормозит процесс старения российского общества, который так пугает своими экономическими и социальными последствиями.

Старение населения ставит перед обществом, помимо демографических, серьезные социально-экономические, социально-психологические, медико-социальные и этические проблемы. Среди основных социально-экономических проблем, вызванных такой деформацией возрастной структуры населения, можно выделить следующие: рост нагрузки на бюджет страны по причине сокращения налоговых поступлений и роста расходов на содержание растущей армии лиц пожилого возраста; рост демографической нагрузки на работающее население, отечественная экономика в скором времени может столкнуться с элементарной нехваткой людских ресурсов; изменение уровня и характера потребления; изменение структуры электората в пользу пожилых; повышение нагрузки на систему здравоохранения, медицинское и социальное обслуживание; рост пенсионных затрат и, как следствие, необходимость трансформации пенсионной системы, изменения пенсионного возраста, что крайне затруднительно из-за высокой смертности взрослых в России, в условиях которой нельзя ориентироваться на более высокий

возраст выхода на пенсию в западных странах.

Тенденция старения населения, по-видимому, необратима, остановить данный процесс мы не можем: сложность в том, что «мы столкнулись с ситуацией, в которой никогда раньше не жили, у мира пока нет опыта построения общества, где пожилые люди занимают значительную часть населения»¹⁸. Однако старение населения не ставит перед человечеством неразрешимых задач, и большинство ученых видят в старении населения объективную и неизбежную реальность. Действительно, старение населения мира уже заложено в его нынешнем возрастном составе, но свой вклад в омоложение возрастного состава населения может внести рождаемость, повышение которой сделает общество более молодым, а значит, более здоровым, энергичным, преуспевающим по экономическому состоянию, в интеллектуальном и в творческом планах.

Примечания

- 1 См. об этом: *Слука Н. А.* Геодемографические феномены глобальных городов. Смоленск, 2009.
- 2 *Карпова В. М.* Сценарии развития процессов старения населения в зависимости от демографической политики // *Социология : методология, методы и математическое моделирование.* 2009. № 29. С. 88.
- 3 См.: *Население России, 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад.* М., 2000.
- 4 См.: Доля россиян старше 65 лет к 2025 году достигнет 18 процентов // ПРАЙМ-ТАСС, 19.11.2007. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0311/rossia01.php> (дата обращения: 03.11.2015).
- 5 См.: *Сафарова Г.* Демографические аспекты старения населения России // *Демоскоп Weekly.* № 317–318. 21 января – 3 февраля 2008. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/analit03.php#_FNR_4 (дата обращения: 03.11.2015).
- 6 См.: *Шабунова А. А., Барсуков В. Н.* Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // *Проблемы развития территории.* 2015. Вып. № 1 (75). С. 76–85.
- 7 См.: *Грицюк М.* Способ борьбы со старостью. 13 миллионов российских пенсионеров вынуждены работать // *Рос. газ.* 2013. 2 окт.
- 8 *Крупнов Ю.* Демографическая катастрофа или демографическая революция : выбирать нам. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=23&idArt=2123 (дата обращения: 03.11.2015).
- 9 См.: *Селивинова Е.* Чайлдфри : без паники. Социологический взгляд. «Работа для меня – более интересная игрушка, чем ребенок» // *Частный корреспондент,* 21 мая 2010 года. URL: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446 (дата обращения: 03.11.2015).
- 10 *Малева Т., Тындик А.* Потенциал роста рождаемости в Москве // *Демоскоп Weekly.* № 585–586. 10–23 февраля 2014. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema07.php> (дата обращения: 03.11.2015).

- ¹¹ См.: Васин С. Россия стареет хуже других стран // Демоскоп Weekly. № 357–358. 15–31 декабря 2008. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema02.php> (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹² См.: Продолжительность жизни женщин в России достигла своего исторического максимума // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2015/03/09/2251-prodolzhitelnost-zhizni-zhenschin-v-rossii-dostigla-svoego-istoricheskogo-maksimuma> (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹³ Данные на 2013 год, на 2015 год данные пока не опубликованы.
- ¹⁴ См.: United Nations Development Programme. Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en> (дата обращения: 03.11.2015); Звездина Н. В., Иванова Л. В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопр. статистики, 2015. № 7. С. 10–19.
- ¹⁵ См.: Мануйлова А. Продолжительность жизни в РФ растет в разы медленнее, чем в мире // Коммерсантъ. 2015. 28 авг.
- ¹⁶ См.: Варламова М. А., Синявская О. В. Портрет пожилого населения России // Демоскоп Weekly. № 627–628. 26 января – 8 февраля 2015. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0627/tema01.php> (дата обращения: 03.11.2015).
- ¹⁷ См.: Доклад о развитии человека : Культурная свобода в современном многообразном мире. М., 2004. С. 190–193.
- ¹⁸ Будущим Петербурга стали пожилые люди, а не дети. URL: <http://jvideya.blogspot.ru/2012/08/blog-post.html> (дата обращения: 03.11.2015).

Образец для цитирования:

Новоселова Е. Н. Тенденции и социально-экономические последствия трансформации возрастной структуры населения России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 383–387. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-383-387.

УДК 316.014

ЛИМБ ТОЛЕРАНТНОСТИ ИЛИ ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА ТЕРПИМОСТИ? СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

О. А. Романовская

Межрегиональный институт развития образования, Саратов
E-mail: romanovska.ol@yandex.ru

В статье представлены размышления об официальной традиции толерантности. Автор раскрывает социальные механизмы формирования ценностных ориентаций «культуры религиозного» мира, иллюстрирует свои выводы фиксацией трех элементов ценностной ориентации респондента – когнитивного, аффективного и поведенческого элемента, который выявляется анализом реальных поступков.

Ключевые слова: коннотация, толерантность/интолерантность, социокультурная практика, религиозность.

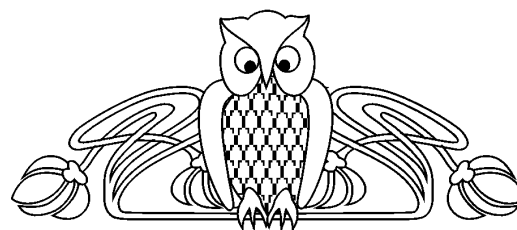
Limb of Tolerance vs Tolerance Defens Line? Sociological Studies

O. A. Romanovskaia

The article presents reflections on the official tradition of tolerance. The author reveals the social mechanisms of formation of valuable orientations of the «religious culture» of the world, illustrates its findings fixing the three elements of the value orientation of the respondent – cognitive, affective and behavioral element that reveals the real behavior analysis.

Key words: connotation, tolerance/intolerance, socio-cultural practices, religiosity.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-387-389

В 1995 г., по случаю пятидесятилетнего юбилея ЮНЕСКО, день 16 ноября был объявлен Международным днем толерантности. Отечество наше, как государство-член Генеральной Ассамблеи ООН, ежегодно «отмечает» День толерантности. В умственный обиход россиян стараниями официальных СМИ прочно вошло убеждение, что толерантным быть хорошо, интолерантным – плохо! Имеет ли мировое сообщество серьезные возражения против этой осознанной социокультурной практики? Толерантность давно относится к числу «обязательных» общечеловеческих ценностей.

Очевидно, что мировое сообщество далеко от идеалов толерантного сообщества, схематично, но исчерпывающим образом изложенных в Декларации принципов толерантности¹. Внимательное прочтение этого документа не оставляет сомнений в том, что толерантность – это необходимое условие мира во всем мире; это гармония в многообразии; это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира; это не уступка, не снисхождение или потворство; это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и т. п. Есть ли принципиальные возражения на эти утверждения?

На уровне лозунга идея толерантности является легкой для понимания и осуществления. Однако проблема заключается в том, что при подобном отношении мы упускаем саму суть вопроса. Когда слово «толерантность» вошло в русский словарный обиход? Когда понятие «толерантность» вошло в российский умственный обиход? Вопросы эти неслучайны. Можно предположить, что чуть более двадцати лет назад и началась российская история «толерантности». На вопрос «Толерантен ли я?» нетрудно дать ответ – «Да». Но вот на вопрос «Терпим ли я?» – ответ дать затруднительно. И происходит это потому, что понятие «толерантность» не имеет в русском ментальном пространстве точной коннотации. Следуя этой логике, «толерантность» и «терпимость» – не одно и то же.

Коннотация – это лексическая информация, сопутствующая основному содержанию слова, понятия, т. е., дополнительные черты, оттенки, иногда едва уловимые. Иными словами, коннотация – это те образы, которые вызывает данное слово. Коннотация может быть положительной, отрицательной, нейтральной. Пример отрицательной коннотации – «свастика», «поп», «сектант»; положительной – «крест», «священнослужитель», «верующий». Какая же лексическая информация сопутствует понятию «толерантность»?

Обозначим лишь то, что можно верифицировать самым простейшим способом, наглядном уровне познания, доступном каждому индивиду. На вопрос «Какого человека можно назвать толерантным?» – следует незамедлительный ответ: «Того, кто терпим» или «Того, кто может/хочет терпеть».

Итак, обычно при исследовании ценностных ориентаций (а толерантность – это ценностная ориентация) фиксируются три элемента структуры респондента – когнитивный «что Вам известно о ...?»; аффективный – «как Вы оцениваете (как правило, эмоционально)...?»; поведенческий элемент, который выявляется анализом реальных поступков. Иными словами, мы знаем, что такое толерантность (или не знаем), но эмоционально, субъективно, на основе своего жизненного опыта способны оценивать, что есть терпимость, активно рефлексировав по поводу терпения, но не всегда поступаем так, как нам предписывают мораль, совесть, здравый смысл, боязнь социального контроля со стороны писаных и неписаных норм и законов.

Для иллюстрации возможных искажений, как на аффективном, так и на когнитивном уровнях, приведем типичный пример исследования степени религиозной толерантности индивида. По распространенному определению, толерантность – это «...терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению»², т. е. чувство, терпимость как эмоция, в которой должен быть четко выражен аффективный компонент. Поэтому ре-

спонденту задается вопрос типа: «Считаете, что взаимодействие с людьми иных вероисповеданий часто бывает источником неприятностей?», или «Всегда находите возможность мирно договориться в межрелигиозном споре?». Как правило, подавляющее число респондентов на эти вопросы дают «добрые» утвердительные ответы. Но «невинная» нетерпимость на бытовом уровне представлена весьма широко, поэтому приходится сомневаться в искренности респондентов, не потому, что люди лживы, а потому, что не учитываются, в общем-то, очевидные вещи.

Вспоминается, на наш взгляд, почти «киношный» сюжет, событие 2011 г. Перед зданием евангельского молитвенного дома в г. Пензе «Живая вера» неизвестный с помощью баллончика с краской написал слово «секта»³. Служители дома задержали злоумышленника и передали его наряду с милицией. Через сутки у этого же здания вновь была обнаружена надпись «секта», сделанная красной краской на заборе. Через неделю правоохранительными органами было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении православного священника, написавшего слово «секта». Случай неединичный, но вылившийся в интересную полемку.

В пензенской газете «Молодой ленинец», было опубликовано интервью с протоиереем (профессором МДА) Андреем Кураевым под заголовком «Протоиерей Кураев вывел формулу конца света». В интервью, в частности, на вопрос корреспондента об отношении к задержанию милицией молодого священника Русской православной церкви, который писал баллончиком с краской на заборе молитвенного дома Церкви Христиан Веры Евангельской слово «секта», российский религиозный и общественный деятель, протоиерей РПЦ, проповедник и миссионер, автор официального учебника по Основам православной культуры, высказал свое полное одобрение действиям священника и желание нанести подобные надписи на все дома, где собираются сектанты⁴.

В долгу не остался и заместитель Начальствующего епископа Управляющий делами РОСХВЕ, член Экспертного совета Комитета Государственной думы РФ по делам общественных объединений и религиозных организаций епископ Константин Бендас, направивший в адрес священника Андрея Кураева открытое письмо. Епископ-дуэлянт предположил, что «молодость ревностна не всегда по уму. Да и как еще молодому священнику обратить на себя внимание вышестоящего начальства? Можно, конечно, детский приют организовать или наркоманов да алкашей спасать из рабства пагубной страсти, привлечь прихожан глубокой и харизматичной богословской проповедью, но это долго и мучительно. А так, на заборе пару ругательств накалякал и уже о тебе в центральной прессе написали, да

еще и с фотографиями автора и его творений. Вот она, слава!»⁵

Если дать произошедшему оценку не с позиций правовой культуры, а с точки зрения социально-исторической, то явственно проявляется унилатеральный социальный контроль со стороны обеих сторон, где, как это ни парадоксально, – преступление без жертвы, потому что трудно определить, кто «первее» стал жертвой. Более того, тип поведения священника в этой истории является самым опасным видом девиантного поведения, так же как и сарказм епископа-пятдесятника, потому что предполагает согласие с одобряемыми данной культурой целями, но отрицает социально одобряемые способы их достижения.

Куда качнется социальный маятник? «Незаконно, но справедливо», либо «законно, но несправедливо». Приходится не только констатировать, но и помнить при вынесении суждений, что толерантность имеет личностное измерение. Поэтому, выбирая в качестве предмета анализа такие сложные социально-психологические образования, как стереотипы, ценности, конфессиональные идентификации, т. е. глубоко затрагивающие аффективный уровень индивида, необходимо учитывать переплетение в индивидуальном сознании двух реальностей: отраженной непосредственно в виде субъективных переживаний и ощущений и опосредованно – через систему общественно выработанных способов осознания (через языковые формы).

Полагаем, что «человек толерантный» независимо от его религиозной идентичности, так же как «человек религиозный» независимо от степени экспрессии, ответственен за личное решение о месте его мировоззрения в более широкой и эклектичной современной системе общественных представлений о мироустройстве. Более того, исторический дискурс, регулируемый социокультурной традицией, свидетельствует, что второе тысячелетие над Богом данной землей – русской, имперской, советской, российской, возносится в смирении и терпении христианская молитва. Это непереносимое условие возрастания христиан в духовной жизни. В 1919 г., когда в России полыхала Гражданская война, на казачьем Дону во время кровавых, жестокосердных событий заседал Донской миссионерский комитет. Председатель комитета, ректор Донской духовной семинарии архимандрит Григорий представлял миссионеров, заявляя главной задачей не борьбу с сектантами и староверами, а усиление религиозно-нравственного просвещения народа.

«Противосектанская православная миссия – это не борьба с народом, а борьба за народ!»⁶

Очевидна, на наш взгляд, современная качественная дистанция между духовной традицией государства светского и мировоззрения, освященного Словом Божиим. Запрет на публичные проповеди и открытое распространение содержания религиозных учений, санкционированный ст. 142 УК РСФСР (принят 27 октября 1960 г.)⁷, предусматривающей исправительные работы до одного года и денежный штраф, существовавший на протяжении жизни нескольких поколений; репрессивные меры против священнослужителей и верующих, способствовали формированию табу на публичные разговоры о Боге. Каждый человек, отваживающийся на открытый разговор о Христе, Троице, Духе Святом, воспринимался как источник опасности, поэтому любая несанкционированная государством проповедь на подсознательном уровне до сих пор воспринимается как угрожающая ситуация. При этом человек не может четко отрефлексировать источник угрозы – содержание послания, личности посланников, последствия контакта.

Авторская презумпция заключается в том, что, трактуя «толерантность» в широком смысле как способность к признанию или практическое признание и уважение убеждений и действий других людей, социолог-полевик усложняет для себя выбор эмпирических способов установления соответствия знания действительности.

Примечания

- 1 См.: Декларация принципов толерантности (утв. резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года). URL: <http://www.tolerance.ru/index.html> дата обращения: 13.08.2016).
- 2 Садохин А. П. Этнология. Словарь. М., 2002. С. 147.
- 3 См.: Оживи веру. Христианские статьи, проповеди и видео. URL: <http://www.alivefaith.ru> (дата обращения: 01.09.2016).
- 4 См.: Молодой ленинец. 2010. 30 марта.
- 5 Иисус любит тебя! : [христианский сайт]. URL: <http://jesuslove.ru/3702-otkrytoe-pismo-episkopa-k-bendasaroxve-protodiakonu-andreyu-kuraevu.html> (дата обращения: 12.08.2016).
- 6 Донская христианская мысль. 1919. № 30–31. С. 328–329.
- 7 См.: Правовая библиотека. Законодательство России, Беларуси, Украины и других стран. URL: <http://pravo.levonevsky.org/kodeksru/uk/19601027/index02.htm> (дата обращения: 14.08.2016).

Образец для цитирования:

Романовская О. А. Лимб толерантности или засечная черта терпимости? Социологический этюд // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 387–389. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-387-389.

УДК 316.334.2(470+571)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННО- АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ (РИАЦ) РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Е. Немерюк, З. М. Дыльнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

В статье рассматриваются приоритетные направления функционирования основных региональных информационно-аналитических центров Российской Федерации. Обращается внимание на то, что приоритетными задачами региональных информационно-аналитических центров выступают аналитическая обработка информации и предоставление неформальных и формальных информационных связей; поиск источников информации о проблемах.

Ключевые слова: информационно-аналитический центр, экспертная деятельность, информация, национальная безопасность, стабильность, стратегический риск.

Priority Areas of Functioning of the Main Regional Information and Analysis Centers (RIAC) of the Russian Federation

E. E. Nemeryuk, Z. M. Dylnova

The article discusses the functioning of the main priorities of the regional information and analytical center of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the priorities of regional information and analysis centers perform analytical processing of information and the provision of informal and formal information communications; search for information about problems Sources.

Key words: Information and analytical center, expert activities, information, security, stability, strategic risk.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-390-395

Разрушение системы подготовки и принятия решения после 1991 г. привело руководителей субъектов к созданию информационно-аналитических подразделений, в задачи которых входят обеспечение необходимыми сведениями руководства регионов и выработка концептуальных предложений.

Одним из крупных научно-исследовательских и аналитических центров, учрежденных Президентом Российской Федерации, является Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Его главная задача – информационное обеспечение аппарата Правительства, Администрации Президента РФ, Совета безопасности, Совета Федерации и Государственной думы, министерств и ведомств. Для данных структур РИСИ готовит информационно-аналитические материалы, предоставляет рекомендации и экспертные оценки¹.

Российский институт стратегических исследований анализирует и прогнозирует тренды

социально-экономических и политических процессов на региональном и глобальном уровнях; рассматривает способы урегулирования кризисных ситуаций, которые представляют собой угрозу региональной и глобальной стабильности; занимается изучением взаимоотношений России с другими странами, а также вопросами обеспечения национальной безопасности; уделяет внимание борьбе с терроризмом; исследует возможные пути сохранения стратегической стабильности в новых геополитических условиях и оценивает факторы стратегического риска; противодействует фальсификации истории на постсоветском пространстве.

Российский институт стратегических исследований имеет свои региональные центры, которые находятся в таких городах РФ, как Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Калининград, Архангельск, Ростов-на-Дону, Владивосток, Симферополь и Челябинск. Также, следует отметить, представителями Института ведется информационно-аналитическая работа и за рубежом: во Франции, Польше, Финляндии, а также в Приднестровье и постоянным представительством РИСИ в Сербии.

Остановимся подробнее на рассмотрении каждого из региональных центров РИСИ.

Основной целью деятельности Центра исследований проблем стран ближнего зарубежья (ЦИПСБЗ) является содействие разработке политики Российской Федерации в отношении новых независимых государств, а также прогнозирование и анализ процессов на постсоветском пространстве.

Организационно в структуру Центра входят три сектора, дифференцированных по территориальному принципу: кавказских исследований, центральноазиатских исследований, а также европейских стран Балтии и СНГ.

Центр исследований проблем стран ближнего зарубежья координирует деятельность Таврического, Днестровско-Прутского, Челябинского, Уральского, Черноморско-Каспийского и Черноморского региональных информационно-аналитических центров².

Основная проблематика экспертной деятельности ЦИПСБЗ связана с изучением внутренней и внешней политики постсоветских государств, русского мира, миграционных процессов, деятельности ЕС и США на территории бывшего СССР. Особое внимание уделяется отношениям новых независимых государств с

Российской Федерацией, приграничному сотрудничеству.

В центре внимания специалистов Центра – исследование процессов евразийской интеграции. С 2013 г. на постоянной основе действует «Евразийский форум РИСИ» – экспертная площадка для обмена мнениями всех, кто разделяет идеи евразийской интеграции.

В декабре 2014 г. был создан, а в апреле 2015 г. открыт в г. Симферополь Таврический информационно-аналитический центр (ТИАЦ). Он осуществляет свою исследовательскую деятельность в области международных отношений и мировой политики, социологии и смежных областях.

Предметом деятельности Таврического информационно-аналитического центра являются политические, экономические и социально-политические процессы в странах Черноморско-средиземноморского региона. Особое внимание уделяется деятельности в регионе ведущих мировых игроков: крупных межгосударственных объединений, альянсов и организаций, таких как ОБСЕ, ЕС, НАТО.

Свои задачи ТИАЦ РИСИ видит в создании и обеспечении деятельности авторитетного экспертного форума по изучению и отслеживанию политических, социальных и военно-политических тенденций в регионе Большого Средиземноморья в интересах укрепления международной безопасности в XXI в.

Следующим подразделением Центра исследований проблем стран ближнего зарубежья является Днестровско-Прутский информационно-аналитический центр РИСИ (ДПЦ РИСИ) – единственное обособленное научно-исследовательское подразделение Института, действующее на постоянной основе за пределами Российской Федерации. Центр был учрежден в 2013 г., официальное открытие состоялось в марте 2014 г. в г. Тирасполе.

Главной задачей Днестровско-Прутского центра РИСИ является всестороннее развитие и укрепление экспертно-аналитических, научных, образовательных и культурно-гуманитарных связей между Российской Федерацией и Приднестровской Молдавской Республикой, а также конструктивными силами Республики Молдова. Уникальность ДПЦ РИСИ заключается и в том, что, помимо деятельности в рамках научных программ, Центром реализуется ряд молодежных и социально-экономических проектов.

Центр на регулярной основе осуществляет подготовку аналитических материалов, а также проводит в Днестровско-Прутском регионе научно-практические круглые столы, семинары и конференции. В своей информационно-аналитической работе Центр опирается на поддержку авторитетных региональных научно-исследовательских институтов, а также сотрудничает с независимыми учеными и экспертами.

Челябинский информационно-аналитический центр является обособленным научно-исследовательским подразделением Российского института стратегических исследований в г. Челябинске³. Он создан в 2014 г. и проводит научно-исследовательскую и информационно-аналитическую работу по следующим направлениям:

- внешняя и внутренняя политика государств Центральной Азии; их взаимоотношения с Россией, Китаем, США и странами Запада; экономика Центрально-Азиатского региона; положение здесь русскоязычного населения; активность экстремистских и террористических организаций; межэтнические, территориальные и иные конфликты в ЦАР и т. д.;

- внешнеэкономические и политические связи иностранных государств и международных организаций с субъектами Российской Федерации, входящими в состав Уральского федерального округа;

- этноконфессиональная обстановка в Уральском федеральном округе; деятельность в округе иностранных террористических и экстремистских организаций и религиозных сект.

Уральский региональный информационно-аналитический центр является обособленным научно-исследовательским подразделением Российского института стратегических исследований в г. Екатеринбурге. Центр создан в ноябре 2009 г. и проводит научно-исследовательскую и информационно-аналитическую работу по направлениям, аналогичным Челябинского информационно-аналитического центра.

Для решения поставленных задач Уральский центр РИСИ осуществляет подготовку аналитических материалов, организует научно-практические мероприятия, поддерживает контакты с авторитетными отечественными и зарубежными исследователями и институтами. В число постоянных партнеров Центра на Урале входят Администрация губернатора Свердловской области, Уральская торгово-промышленная палата, Штаб Центрального военного округа, Уральский федеральный университет и др.

В Ростове-на-Дону в 2009 г. создан Черноморско-Каспийский региональный информационно-аналитический центр РИСИ. Сфера научных исследований – социально-экономические и общественно-политические процессы в Черноморско-Каспийском регионе, в том числе на Украине, Юге России, Северном Кавказе, в Грузии, Абхазии, Южной Осетии, Армении, Азербайджане⁴.

Черноморско-Каспийский информационно-аналитический центр РИСИ является одним из ведущих экспертных центров на Юге России по изучению актуальных социальных, политических и экономических процессов в Черноморско-Каспийском регионе, в том числе: проблем российско-украинских отношений (приграничного сотрудничества, военно-политического

кризиса на Донбассе); интеграции Кавказа в общегосударственное пространство; изучения и противодействия экстремизму; проблем военно-патриотического и духовного воспитания молодежи и т. д.

Структурным подразделением Российского института стратегических исследований также является Черноморский информационно-аналитический центр РИСИ. ЧИАЦ РИСИ был учрежден в июне 2015 г., официальное открытие состоялось в сентябре 2015 г. Главной его задачей является всестороннее развитие экспертно-аналитических, научных, образовательных и культурно-гуманитарных направлений деятельности в Крымском федеральном округе, их интеграция в состав России. ЧИАЦ РИСИ функционирует в тесном сотрудничестве с Крымским федеральным университетом имени В. И. Вернадского, Севастопольским государственным университетом. Центр на регулярной основе проводит в Крымском федеральном округе международные конференции, общественные форумы, научно-практические круглые столы, семинары, осуществляет подготовку аналитических материалов, проводя мониторинг и анализ актуальных социальных, политических, экономических и ключевых геополитических процессов в Крымском федеральном округе. В своей информационно-аналитической работе ЧИАЦ РИСИ опирается на поддержку авторитетных региональных научно-исследовательских институтов, а также сотрудничает с независимыми учеными и экспертами.

Российский институт стратегических исследований осуществляет комплексное изучение проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности России и защитой ее национальных интересов в гуманитарной сфере.

Эксперты Центра гуманитарных исследований Института проводят исследования по следующим основным направлениям: этнокультурные, языковые и этноконфессиональные процессы в странах СНГ и странах Запада в контексте их взаимодействия с Россией; гуманитарная политика стран Запада, их взаимоотношения с Россией, странами СНГ и международными организациями; фальсификации российской истории и вопросы противодействия им; религиозный фактор в международных отношениях; информационная политика стран СНГ, ЕС и США в гуманитарной и конфессиональной сферах на российском направлении; гуманитарные аспекты положения соотечественников и русскоязычного населения в странах СНГ и Запада; в задачу ЦГИ входит организация и проведение международных научных мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров) по актуальным гуманитарным проблемам.

Задачей Приволжского (Казанского) регионального центра этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований является информирование высших орга-

нов власти Российской Федерации о процессах в этноконфессиональной сфере в Поволжском регионе. Исследовательская работа в Центре направлена на мониторинг и анализ процессов, происходящих в этнической и религиозной сферах как в Татарстане, так и в Поволжье в целом. Один из приоритетов Центра – выявление зарубежного влияния на межнациональные и межконфессиональные отношения в Поволжье, определение его характера и масштабов, а также оценка степени угрозы, которое оно может представлять для национальной безопасности Российской Федерации. На основе исследований специалистов Центра формируются рекомендации для высших федеральных органов власти.

С января 2010 г. в Санкт-Петербурге действует Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр Российского института стратегических исследований. Он является структурным подразделением Российского института стратегических исследований и специализируется как в области систематической работы в электронных средствах массовой информации, так и в исследовании проблем государственно-церковного партнерства, духовного мира традиционных конфессий и нетрадиционной религиозной активности⁵.

Санкт-Петербургский региональный информационно-аналитический центр РИСИ осуществляет подготовку аналитических материалов, организует научно-практические мероприятия, поддерживает контакты с отечественным и зарубежным академическим сообществом. В число постоянных партнеров Центра входят Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе, Администрация губернатора и Законодательное собрание Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургская митрополия РПЦ и др.

Следует отметить, что в связи с тем, что в непосредственной близости от границ России происходят политические процессы на огромном пространстве от Северной Африки до Тихого океана, возникает смещение фокуса внимания мировой политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона вкупе с кардинальными переменами на Ближнем Востоке. Данное обстоятельство диктует необходимость пристального внимания к этим процессам. Актуальность обуславливается также и тем, что они протекают и напрямую затрагивают национальные интересы России.

В сфере постоянного мониторинга и анализа специалистов Центра Азии и Ближнего Востока находятся экономическое сотрудничество, политические изменения, а также основные тенденции на Ближнем Востоке и в Азии. В свете обостряющейся конкуренции за мировое господ-

ство между США и Китаем Центр анализирует основные направления внешней политики ведущих мировых держав на ближневосточном и азиатском направлениях, проводит мониторинг современного состояния политики и экономики стран Азии и Ближнего Востока, анализирует динамику политических процессов, выявляет возможные изменения расстановки политических сил и воздействий внутривосточных процессов в рассматриваемых странах на их внешнюю политику.

Центр Азии и Ближнего Востока изучает конфликтогенные ситуации и прогнозирует их развитие в свете интересов национальной безопасности России, выявляет в соответствии с задачами федеральной целевой программы развития Дальнего Востока и Забайкалья возможности деятельного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Также Центр осуществляет свою исследовательскую деятельность по таким направлениям, как: укрепление позиций России в странах Персидского залива и Средиземноморья, в восточной Евразии и Северной Африке; определение роли и места России в происходящих в регионе процессах, возможности деятельного участия в международном посредничестве и в разрешении конфликтных ситуаций.

В число региональных представительств Российского института стратегических исследований на территории Российской Федерации входит также и региональный центр Азиатско-тихоокеанских исследований в г. Владивостоке. Основными направлениями исследований, которые он проводит, являются изучение ситуации в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также анализ в данном регионе ключевых экономических, политических и геополитических процессов.

Среди приоритетных тем исследований РИСИ следует указать: внешнеэкономическую деятельность и социально-экономическое положение регионов России; прогноз развития и мониторинг современного состояния ведущих отраслей экономики зарубежных стран и России, анализ динамики развития ситуации на мировых рынках промышленных и сырьевых товаров и ее влияния на развитие базовых отраслей промышленности и экономическую безопасность страны; научно-техническое и экономическое сотрудничество России со странами Европы; экологию и антропогенную деятельность; изучение возможности использования зарубежных методов регулирования и управления экономикой в интересах России, внедрения в промышленность новых технологий; государственную экономическую, налоговую и кредитно-финансовую политику; финансовую и банковскую систему стран СНГ и России⁶.

На основе кооперации Российского института стратегических исследований и Северно-

го (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова создан Арктический региональный информационно-аналитический центр, который ориентирован на исследование социально-экономических процессов развития приарктических и арктических территорий, обобщение, анализ и распространение информации об исследовательских возможностях и инициативах в Арктике. Центр участвует в реализации государственной политики России в Арктической зоне в соответствии с Государственной программой Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» в целях эффективного и безопасного освоения Арктики.

В качестве приоритетных направлений исследований Арктического регионального информационно-аналитического центра следует указать: создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; обеспечение комплексной безопасности; комплексное геополитическое и социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации; обеспечение экологической безопасности особо охраняемых приарктических территорий и Северного Ледовитого океана; развитие инновационных технологий и прикладных и фундаментальных наук, ориентированных на обживание и освоение северных территорий; международное сотрудничество в Арктике.

В рамках евроатлантической проблематики проводятся исследования по таким основным направлениям, как: внешнеполитическая стратегия США в Евроатлантическом регионе и тенденции ее развития; внешняя и внутренняя политика ведущих стран Европы, государств Балтии и Центрально-Восточной Европы; актуальные проблемы международных отношений; проблемы эволюции Евросоюза и вопросы взаимодействия по линии Россия – ЕС.

Балтийский информационно-аналитический центр представляет собой региональное представительство Российского института стратегических исследований, которое осуществляет свою деятельность в г. Калининграде. Исследовательская работа данного регионального центра является составной частью более широкого направления евроатлантических исследований РИСИ.

Российский институт стратегических исследований также проводит комплексные исследования по проблемам национальной безопасности России и ведущих стран мира, военной политики и стратегии, развития военно-технического и оборонного потенциала, сохранения стратегической стабильности в новых геополитических условиях, распространения оружия массового поражения (ОМП) и средств его доставки.

В рамках данного направления научной деятельности осуществляются: изучение военно-по-

литических аспектов национальной безопасности России, анализ опасностей и угроз военного характера интересам России в различных регионах мира, выявление мер по их предотвращению и ликвидации; изучение путей сохранения стратегической стабильности в мире и обеспечения безопасности России в процессе сокращения стратегических и обычных вооружений и вооруженных сил; исследование военно-политической ситуации в стратегически важных для России регионах мира, прогноз развития кризисных ситуаций и их влияния на безопасность России, анализ современных военно-стратегических концепций и принципов использования вооруженных сил; изучение научно-технических аспектов обеспечения национальной безопасности России, исследование политики ведущих стран мира по использованию достижений науки и техники в разработке перспективных систем вооружения и военной техники, в области контроля над экспортом ключевых технологий.

В число региональных представительств Российского института стратегических исследований на территории России входит также Приволжский региональный информационно-аналитический центр (ПРИАЦ), располагающийся в Нижнем Новгороде. Его исследования направлены на изучение проблем функционирования военно-промышленного комплекса Приволжского региона. Большое внимание уделяется вопросам использования существующего интеллектуального потенциала для решения задач обеспечения национальной безопасности России и ее интересов. Исследовательская работа Приволжского регионального информационно-аналитического центра является составной частью более широкого направления евроатлантических исследований РИСИ.

Федеральной службой по труду и занятости Российской Федерации запущена в действие информационно-аналитическая система Общероссийская база вакансий «Работа в России». Информационный портал является важным инструментом реализации государственной политики в сфере занятости населения, направленным на стимулирование внутренней трудовой мобильности, сглаживание диспропорций на рынке труда, снижение напряженности на рынке труда трудоизбыточных регионов⁷.

Уникальная база вакансий портала содержит более 1,4 млн предложений от работодателей всех регионов Федерации, в том числе более 48 тысяч рабочих мест от предприятий и организаций Иркутской области. Интернет-ресурс призван помочь соискателям найти работу не только по месту жительства, но и в любом регионе Российской Федерации, пройти собеседование с работодателем. База резюме и вакансий формируется на основании информации, содержащейся в информационных системах органов службы занятости населения, информации, размещаемой

самостоятельно работодателями и соискателями, а также информации частных агентств занятости, коммерческих порталов по поиску и подбору работы. Впервые на информационном портале для граждан, которые рассматривают возможность трудоустройства на территориях, отличных от места жительства, представлена интерактивная карта привлекательности регионов. Можно узнать о показателях уровня жизни в интересующем регионе: о среднем уровне доходов, доступности жилья, детских садов, возможностях получения образования. Портал предоставляет информацию об инвестиционных проектах, реализуемых в каждом регионе, о крупных работодателях и их кадровой потребности, статистику по рынку труда. Все сервисы портала бесплатны и для соискателей, и для работодателей.

При Правительстве Российской Федерации в декабре 2005 г. создан Аналитический центр, представляющий собой источник оперативного и компетентного экспертного мнения по широкому спектру вопросов, затрагивающих социально-экономическое развитие страны. Одной из приоритетных задач Аналитического центра является информационно-аналитическое обеспечение деятельности правительства⁸.

Следует отметить, что информационно-аналитические службы на федеральном уровне имеются в том или ином виде при государственных комитетах или министерствах, а также они функционируют и в других центральных органах исполнительной власти.

В качестве главных задач региональных информационно-аналитических центров можно указать такие, как анализ работы территориальных органов управления, обоснование и подготовка для различных категорий лиц, принимающих решения, альтернатив управляющих решений на базе имеющейся информации; разработка рекомендаций по оптимизации организационной структуры управления регионом, поиск и обнаружение в сфере регионального управления проблемных областей и методов их решения; экспертиза приоритетных инвестиционных проектов, управленческих решений, нормативных документов, которые подготовлены к принятию местными органами государственной власти.

Таким образом, приоритетными задачами региональных информационно-аналитических центров являются аналитическая обработка информации и предоставление неформальных и формальных информационных связей, поиск источников информации о проблемах. В Российской Федерации в направлении информационно-аналитического обеспечения аппарата Правительства, Администрации Президента РФ, Совета безопасности, Совета Федерации и Государственной думы, министерств и ведомств осуществляют свою деятельность Российский институт стратегических исследований, включа-

ющий в свою структуру региональные информационно-аналитические центры, Аналитический центр при Правительстве РФ, информационно-аналитические службы при государственных комитетах или министерствах.

Примечания

¹ См.: Российский институт стратегических исследований : [сайт]. URL: <http://www.riss.ru> (дата обращения: 07.04.2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Общероссийская база вакансий «Работа в России». URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 06.04.2016).

⁸ См.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://ac.gov.ru/> (дата обращения: 06.04.2016).

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е., Дыльнова З. М. Приоритетные направления функционирования основных региональных информационно-аналитических центров (РИАЦ) Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 390–395. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-390-395.

УДК 316.4.066

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ САРАТОВСКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДОЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЪЕМА, КАЧЕСТВА, ЦЕН ТОВАРОВ И УСЛУГ

С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ivchenkovsg@mail.ru, ShakhmatovaNV@info.sgu.ru

В статье по результатам социологических исследований, проведенных в Саратове и Саратовской области, раскрываются основные характеристики развития конкурентной среды в регионе через такие индикаторы, как степень удовлетворенности различных категорий населения ценами, качеством, ассортиментом товаров и услуг производителей. Выстраиваются рейтинги рынков по этим показателям, уточняется их динамика за последние три года. Конкретизируется динамика количества организаций, представляющих товары и услуги, выявляется отношение населения к качеству услуг естественных монополий.

Ключевые слова: конкурентная среда, потребители товаров и услуг, цена, качество, ассортимент товаров и услуг производителей.

Satisfaction of Saratov Consumers Competitive Environment Through the Prism of the Volume, Quality, Prices of Goods and Services

S. G. Ivchenkov, N. V. Shahmatova

Article based on the results of the sociological research, conducted in the Saratov region, Saratov and reveals the main characteristics of the development of competition Wednesday in the region through such indicators as the level of satisfaction with the various categories of the population, prices, quality, range of goods and services producers. Line up the ratings of markets for these indicators, clarifies their dynamics over the past three years. Specify dynamics of organizations, representing the goods and services identified public attitudes about the quality of services of natural monopolies.

Key words: competitive environment, consumers of goods and services, price, quality, range of goods and services producers.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-395-402

Переход России к рыночным отношениям обусловил возрождение и рост влияния конкуренции на деятельность экономических субъектов. В связи с этим для каждого отдельно взятого предприятия, отраслей народного хозяйства и в целом для экономики существенно возрастает значение механизма конкуренции, который можно рассматривать как определенную форму развития производительных сил, форму развития факторов производства или экономических ресурсов общества, а также как основной инструмент координации действий всех участников общественного производства¹. Иными словами, конкуренция – это борьба товаропроизводителей и других субъектов рыночной среды за достижение максимальных прибылей и других целей путем удовлетворения разнообразных потребностей потребителей с полным использованием при этом собственных ресурсов и возможностей внешней среды, устранением слабых собственных сторон и угроз извне². Конкурентная среда представляет собой некоторое количество организаций, которые усиливают свое экономическое положение с целью привлечь покупателей, предлагая лучшие товары по сравнению с конкурентами³. Поэтому социологический мониторинг удовлетворенности населения по этим показателям является важной характеристикой конкурентной среды в

регионе, особенно в условиях продолжающегося экономического кризиса.

В связи с этим в Саратовском государственном университете в конце 2015 – начале 2016 г. были проведены два социологических опроса саратовских потребителей. В 2015 г. опрошено по бесповторной квотно-территориальной выборке 487 горожан в возрасте от 15 до 89 лет. Критерии отбора – пол, возраст и район проживания. 46,2% составили мужчины, 53,8% – женщины. В ходе социологического опроса 2016 г. была сформирована многосупенчатая квотно-территориальная выборка, учитывающая расположение районов Саратовской области, размер муниципального образования (крупный, средний, небольшой). Было опрошено 47% мужчин, 53% женщин различных возрастных групп. Результаты опросов обрабатывались на базе компьютерной программы SPSS. В ходе обработки использовались расчеты средних показателей, факторный, корреляционный и другие виды анализа сопряженности признаков.

Анализ результатов опроса 2015 г. показал, что можно выделить несколько рынков, которые, по значимому мнению населения, являются в некоторой степени избыточными, – розничная торговля (так считают 35,3% опрошенных), рынок услуг связи (14,4%), рынок туристических услуг (8,9%), рынок грузовых перевозок (8,5%), рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом (8,2%). Однако большинство потреби-

лей считают эти рынки достаточными (от 57,6 до 74,6%). Вторая группа рынков также полагается достаточной большинством опрошенного населения, однако редко кто охарактеризовал их как избыточные, которых «чересчур много»: рынок медицинских услуг (достаточными их считают 70,6% опрошенных), рынок услуг дошкольного образования (65,8%), рынок услуг ЖКХ (53,2%), рынок услуг в сфере культуры (52,3%). Третью группу рынков составляют те, которые считаются недостаточно объемными, по общественному мнению потребителей. Так, рынок услуг дополнительного образования только 48,2% опрошенных считают достаточным, 48,6% – недостаточным и 3,6% полагают, что его нет совсем. Рынок услуг социального обслуживания населения 43,2% опрошенных считают достаточным, 44,1% – недостаточным, 2,4% – что его нет совсем. Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья 35,6% опрошенных считают достаточным, 48,4% – недостаточным, 9,3% считают, что его нет совсем. Рынок услуг детского отдыха и оздоровления только 33,8% опрошенных считают достаточным, 56,9% – недостаточным, 4,4% полагают, что его нет совсем.

В 2016 г. по уровню цен на товары и услуги (табл. 1) потребители, по сути, выделили несколько групп рынков, различающихся по степени удовлетворенности населения этими характеристиками.

Таблица 1

Удовлетворенность населения Саратовской области уровнем цен, % по каждому рынку

Рынки	Удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Итого
Рынок услуг связи	31,6	37,6	21,3	8,0	1,5	100,0
Розничная торговля	30,1	30,9	20,2	17,5	1,2	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	24,6	26,4	27,9	15,8	5,3	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	24,2	35,5	26,0	12,8	1,5	100,0
Рынок грузовых перевозок	14,3	42,7	22,8	13,0	7,2	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	13,1	31,5	31,8	16,8	6,7	100,0
Рынок туристических услуг	12,2	38,5	25,1	19,1	5,1	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	11,0	34,9	22,3	28,0	3,8	100,0
Рынок медицинских услуг	9,6	18,4	30,7	40,0	1,2	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	9,6	19,1	33,0	31,5	6,8	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	9,2	24,2	42,8	16,2	7,6	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	8,2	18,0	34,0	31,1	8,6	100,0
Рынок услуг ЖКХ	6,3	19,3	25,9	46,7	1,8	100,0

По мнению потребителей, качество товаров и услуг в Саратовской области также различается (табл. 2). Рейтинг удовлетворенности качеством возглавляют 6 рыночных сегментов, где доминируют позитивные оценки качества (так их оценивают большинство опрошенных – от 56 до 70%): рынок услуг дошкольного образования, рынок услуг связи, розничная торговля, рынок грузовых перевозок, рынок туристических услуг, рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом. Вслед за лидерами можно выделить группу тех, чье качество

товаров и услуг вызывает примерно сходные пропорции одобрения и неодобрения. К ним относятся рынки услуг дополнительного образования, услуг в сфере культуры и услуг социального обслуживания населения. Замыкают рейтинг удовлетворенности качеством рынки, по отношению к которым доминируют негативные оценки, – рынки услуг детского отдыха и оздоровления, услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, медицинских услуг, услуг ЖКХ.

Таблица 2

Удовлетворенность населения Саратовской области качеством товаров и услуг, % по каждому рынку

Рынки	Удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Итого
Рынок услуг дошкольного образования	23,8	39,2	21,2	10,2	5,5	100,0
Рынок услуг связи	23,8	46,2	19,8	8,1	2,0	100,0
Розничная торговля	19,2	44,3	21,7	12,8	1,9	100,0
Рынок грузовых перевозок	15,3	40,5	22,9	11,8	9,5	100,0
Рынок туристических услуг	13,4	45,9	20,8	12,7	7,1	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	12,8	43,2	28,1	13,9	2,0	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	12,5	30,8	32,6	16,5	7,5	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	11,7	47,3	23,2	14,6	3,1	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	10,1	34,5	28,5	17,8	9,1	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	9,1	28,7	36,7	17,5	8,0	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	8,6	18,9	37,4	24,3	10,7	100,0
Рынок медицинских услуг	7,0	41,9	26,4	23,4	1,2	100,0
Рынок услуг ЖКХ	5,0	21,5	34,5	37,1	1,9	100,0

По спектру ассортимента и возможностям выбора товаров и услуги (табл. 3) также выделено три группы рынков Саратовской области. К первой группе рынков с позитивной оценкой ассортимента большинства опрошенных относятся рынки розничной торговли, услуг дошкольного образования, услуг связи, услуг перевозок пассажиров наземным транспортом, грузовых перевозок, туристических услуг.

Более осторожно потребители оценили возможности выбора второй группы рынков (позитивные и негативные оценки даны примерно в равной степени). Это касается рынков услуг дополнительного образования, услуг в сфере культуры, услуг детского отдыха и оздоровления, медицинских услуг. Самые низкие оценки в данной категории получила третья группа рынков – услуг психолого-педагогического сопрово-

ждения детей с ограниченными возможностями здоровья, услуг социального обслуживания населения, услуг ЖКХ.

По мнению потребителей, в сравнении с другими регионами, в Саратовской области выше цены на такие товары и услуги, как коммунальные услуги (37,5%), продукты питания (22,8%), мясная продукция (9,4%), бензин (6,1%), молочная продукция (5,0%), медицинские услуги (4,7%). Рост цен на все отметили 4,0% опрошенных. Наряду с этим, потребители указали на рост цен (в порядке убывания) на образование (3,4%), туризм (3,4%), морепродукты (2,7%), общественный транспорт (2,7%), детскую, взрослую одежду (2,4%), хлебобулочную продукцию (2,4%), автомобили (2,3%), фрукты, овощи (2,0%), бытовую химию (1,7%), бытовую технику (1,7%), косметику, шампуни, парфю-

Таблица 3

**Удовлетворенность населения Саратовской области возможностями выбора товаров и услуг,
% по каждому рынку**

Рынок	Удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Итого
Розничная торговля	29,5	40,5	18,1	8,8	3,1	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	27,2	28,7	24,0	13,8	6,3	100,0
Рынок услуг связи	26,0	45,6	21,6	4,1	2,6	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	18,3	45,6	22,2	10,9	3,0	100,0
Рынок грузовых перевозок	18,1	41,3	21,3	8,7	10,6	100,0
Рынок туристических услуг	15,8	44,7	23,4	6,2	9,9	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	14,1	24,9	36,1	16,4	8,6	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	11,4	34,6	33,7	16,0	4,2	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	11,2	27,5	34,6	17,1	9,7	100,0
Рынок медицинских услуг	10,8	43,5	26,1	17,1	2,5	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	9,9	22,6	34,6	22,6	10,3	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	9,7	31,8	31,4	17,0	10,1	100,0
Рынок услуг ЖКХ	7,9	28,8	29,7	27,0	6,7	100,0

мерию (1,4%), медикаменты, лекарства (1,0%), недвижимость, землю, квартиры (1,0%), связь, Интернет (1,0%), мебель (0,7%), строительные материалы (0,7%), крупы (0,7%), удобрения (0,3%), алкоголь, сигареты (0,3%).

Данные табл. 4 показывают, как род деятельности (статус) влияет на оценку цен на товары и услуги в Саратовской области. Наиболее остро

на цены продуктов питания реагируют студенты (учащиеся) и домохозяйки(ева). Домохозяйка также особенно волнуют высокие цены на образование. Пенсионеры острее всех реагируют на рост цен на все товары и услуги. Однако острее всего высокие цены практически на весь спектр товаров и услуг воспринимаются безработными лицами.

Таблица 4

**Влияние рода деятельности на мнение о высоких ценах на товары и услуги в Саратовской области,
% по каждому товару (услуге)**

Товары и услуги	Род деятельности					Итого
	Работаю	Без работы	Учусь /студент	Домохозяйка(ин)	Пенсионер	
Продукты питания	22,6	22,2	28,0	28,6	19,0	23,3
Бензин	7,2	11,1	2,0	–	5,3	6,1
Медицинские услуги	3,8	33,3	3,9	–	9,5	5,1
Молочная продукция	2,4	11,1	13,5	–	5,0	4,7
Все	1,5	22,2	5,9	–	14,3	3,7
Образование	3,4	11,1	–	14,3	–	3,4
Туризм	4,3	11,1	–	–	–	3,4
Морепродукты	1,0	11,1	8,0	–	5,0	2,7
Общественный транспорт	1,9	11,1	3,9	–	5,3	2,7
Детская одежда, взрослая одежда	1,9	22,2	2,0	–	–	2,4
Хлебобулочная продукция	2,4	11,1	–	–	5,0	2,4
Автомобили	1,5	11,1	5,7	–	–	2,4
Бытовая химия	1,9	11,1	–	–	–	1,7
Бытовая техника	1,5	11,1	2,0	–	–	1,7

Окончание табл. 4

Товары и услуги	Род деятельности					Итого
	Работаю	Без работы	Учусь /студент	Домохозяйка(ин)	Пенсионер	
Косметика (шампуни, парфюмерия)	1,5	11,1	–	–	–	1,4
Медикаменты, лекарства	–	11,1	–	–	10,0	1,0
Недвижимость (земля, квартиры)	–	11,1	2,0	–	5,0	1,0
Связь, Интернет	–	11,1	1,9	–	5,3	1,0
Мебель	0,5	11,1	–	–	–	0,7
Строительные материалы	–	11,1	–	–	5,0	0,7
Крупы	–	11,1	–	–	5,0	0,7
Удобрения	–	11,1	–	–	–	0,3
Алкоголь, сигареты	–	11,1	–	–	–	0,3

Динамика количества организаций, представляющих товары и услуги на Саратовских рынках за последние три года (2013–2015), по результатам опроса 2016 г., представлена в табл. 5. Они демонстрируют три группы рынков. Первая группа, по мнению большинства потребителей, выказала за три года значительный количественный рост данных организаций. Это относится к розничной торговле, рынкам услуг связи, дошкольного образования, медицинских услуг, перевозок пассажиров, грузовых перевозок. Вторая группа рынков, по мнению населения, получила более осторожные оценки в плане увеличения и неизменности числа своих предприятий. Это касается рынков услуг ЖКХ, туристических услуг, услуг дополнительного образования. При характеристике третьей

группы рынков потребители больше настаивали на неизменности количества предприятий в данной сфере. Это относится к рынкам услуг в сфере культуры, социального обслуживания населения, психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, детского отдыха и оздоровления.

Как демонстрируют результаты опроса (табл. 6), большинство потребителей полностью удовлетворены только электроснабжением (50,6%) и газоснабжением (50%). Полностью или частично они удовлетворены телефонной связью и (чуть меньше) теплоснабжением. Больше всего полностью или частично не удовлетворено население водоснабжением, водоотведением (43,7%) и водоочисткой (41,6%).

Таблица 5

Мнение потребителей о количественной динамике организаций, представляющих товары и услуги на Саратовских рынках за последние три года, % по каждому рынку

Рынки	Количественная динамика организаций, представляющих товары и услуги на Саратовских рынках				Итого
	Снизилось	Увеличилось	Не изменилось	Затрудняюсь ответить	
Розничная торговля	6,1	75,1	15,9	2,9	100,0
Рынок услуг связи	2,4	61,1	33,0	3,5	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	7,7	58,4	23,6	18,0	100,0
Рынок медицинских услуг	6,4	55,9	34,2	3,4	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	4,8	55,6	34,7	4,8	100,0
Рынок грузовых перевозок	5,1	50,2	30,6	14,1	100,0
Рынок услуг ЖКХ	6,8	46,3	42,4	4,5	100,0
Рынок туристических услуг	9,9	46,3	32,8	11,0	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	8,3	44,8	33,9	13,0	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	9,3	38,3	45,5	6,9	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	8,3	35,5	45,8	10,3	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	6,3	33,6	38,2	21,9	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	10,3	33,3	45,1	11,2	100,0

Таблица 6

Оценки потребителями качества услуг естественных монополий в Саратовской области, % по каждой услуге

Услуга	Оценки качества					Итого
	Удовлетворительно	Скорее удовлетворительно	Скорее не удовлетворительно	Не удовлетворительно	Затрудняюсь ответить	
Электроснабжение	50,6	30,0	10,1	8,1	1,2	100,0
Газоснабжение	50,0	33,3	10,0	5,5	1,2	100,0
Телефонная связь	47,6	31,6	12,0	7,3	1,5	100,0
Теплоснабжение	33,6	34,1	18,2	12,9	1,2	100,0
Водоснабжение, водоотведение	16,4	31,6	18,9	24,8	8,3	100,0
Водоочистка	15,1	41,8	24,6	17,0	1,5	100,0

Данные табл. 7 наглядно показывают, что за последние три года потребители ощутили рост цен во всех сегментах рынка, особенно в розничной торговле (86%), на рынках услуг свя-

зи (73,2%), дошкольного образования (75,2%), ЖКХ (78,6%), перевозок пассажиров наземным транспортом (75,5%), медицинских (79,9%), туристических услуг (73%).

Таблица 7

Мнение населения Саратовской области о динамике уровня цен, % по каждому рынку

Рынки	Динамика цен				Итого
	Снизились	Увеличились	Не изменились	Затрудняюсь ответить	
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	5,3	59,1	17,5	18,1	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	4,6	64,1	19,0	12,4	100,0
Рынок туристических услуг	4,2	73,0	13,4	9,5	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	4,0	68,9	16,1	11,0	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	3,8	62,8	25,7	7,7	100,0
Рынок услуг связи	3,6	73,2	19,7	3,4	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	3,3	75,2	12,7	8,8	100,0
Рынок услуг ЖКХ	3,1	78,6	14,9	3,4	100,0
Рынок медицинских услуг	2,9	79,9	14,2	2,9	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	2,5	75,5	17,6	4,5	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	2,3	62,1	23,5	12,1	100,0
Рынок грузовых перевозок	2,3	63,3	21,0	13,4	100,0
Розничная торговля	2,2	86,0	9,6	2,2	100,0

Некоторое снижение цен наблюдалось ими лишь в незначительных пропорциях на рынках услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, дополнительного образования, туристических услуг, детского отдыха и оздоровления.

По мнению большинства потребителей (табл. 8), качество услуг на трех рынках осталось неизменным. Это касается рынков услуг связи (51,7%), услуг перевозок пассажиров наземным транспортом (55%) и ЖКХ (50,4%). Улучшение качества товаров и услуг чаще отмечалось в розничной торговле (33,9%), на рынках услуг дошкольного образования (33,7%), дополнительного образования (33,4%), перевозок пассажиров (8,5%), медицинских услуг (27,9%), услуг

детского отдыха и оздоровления (27,4%). Ухудшение качества товаров и услуг чаще отмечалось на рынках услуг ЖКХ (25,3%).

Что касается динамики возможностей выбора (табл. 9), то, по мнению большинства опрошенных, она не изменилась. Вместе с тем несколько рынков позволили населению увидеть позитивную динамику расширения ассортиментов товаров и услуг и возможностей выбора. Это касается рынков розничной торговли (48,7% опрошенных), услуг связи (40,6%), медицинских услуг (40,1%) и услуг дошкольного образования (38,5%).

Таким образом, исследование 2015 г. показало, что по уровню удовлетворенности функционирования товарных рынков недовольство населения сосредоточено вокруг бензина и ди-

Таблица 8

Мнение потребителей Саратовской области о динамике качества товаров и услуг, % по каждому рынку

Рынки	Динамика качества товаров и услуг				Итого
	Снизилось	Улучшилось	Не изменилось	Затрудняюсь ответить	
Рынок услуг связи	10,8	34,7	51,7	2,7	100,0
Розничная торговля	19,1	33,9	44,8	2,2	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	15,2	33,7	41,2	9,9	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	11,9	33,4	45,5	9,1	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	12,2	28,5	55,0	4,3	100,0
Рынок медицинских услуг	21,6	27,9	47,5	3,0	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	14,1	27,4	45,9	12,6	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	13,2	24,3	39,1	23,4	100,0
Рынок услуг ЖКХ	25,3	20,4	50,4	3,9	100,0

Таблица 9

Мнение потребителей Саратовской области о динамике ассортимента товаров и услуг, % по каждому рынку

Рынки	Динамика выбора товаров и услуг				Итого
	Снизился	Увеличился	Не изменился	Затрудняюсь ответить	
Розничная торговля	6,5	48,7	40,7	4,0	100,0
Рынок медицинских услуг	8,4	40,1	47,7	3,8	100,0
Рынок услуг дошкольного образования	7,9	38,5	42,2	11,3	100,0
Рынок услуг связи	–	–	51,5	4,6	100,0
Рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом	3,3	32,5	57,3	6,9	100,0
Рынок туристических услуг	7,3	28,7	51,2	12,8	100,0
Рынок услуг ЖКХ	9,7	28,6	55,8	5,9	100,0
Рынок услуг в сфере культуры	4,8	26,5	59,3	9,4	100,0
Рынок грузовых перевозок	3,3	25,5	54,1	17,0	100,0
Рынок услуг дополнительного образования	6,5	23,8	54,2	15,5	100,0
Рынок услуг детского отдыха и оздоровления	7,5	22,5	56,0	14,1	100,0
Рынок услуг социального обслуживания населения	5,4	20,3	58,5	15,9	100,0
Рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья	6,0	19,3	52,8	21,9	100,0

зеля: саратовцев не устраивает уровень цен, качество, ассортимент. Тем не менее, чаще всего отмечается некачественное предоставление услуг по управлению многоквартирными домами. Ощущаются проблемы в медицинской сфере: жителей Саратова не устраивают цены на лекарственные препараты и стоматологию, а также качество медицинских услуг. Наибольшее число претензий у населения к стабильности услуг по уходу за детьми и гражданами с ограниченной деятельностью. Также у саратовцев вызывают вопросы их качество и ассортимент. Нестабильно представлены на рынке услуги учреждений дошкольного образования и общественного транспорта. В отношении последнего опрошенные также отмечали недостаточное качество и

ассортимент. Лидером по количеству негативных отзывов в отношении ассортимента стал рынок мебели. Не хватает саратовцам ассортимента сельхозинвентаря, мелкой сельхозтехники, удобрений, имеются вопросы и к стабильности присутствия данных товаров на рынке.

В 2016 г. отчасти избыточными рынками, в общественном мнении потребителей, являются розничная торговля, рынки услуг связи, туристических услуг, грузовых перевозок, перевозок пассажиров наземным транспортом. Однако большинство потребителей считают эти рынки достаточными, как и рынки медицинских услуг, дошкольного образования, ЖКХ, сферы культуры. Недостаточно объемными представляются потребителям рынки услуг дополнительного об-

разования, социального обслуживания населения, психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, детского отдыха и оздоровления.

По уровню цен на товары и услуги к первой группе рынков можно отнести те, где доминантой является полная и почти полная удовлетворенность ценами: рынок услуг связи, розничная торговля, рынок услуг дошкольного образования, рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом. Ко второй группе относятся рынки, где оценка удовлетворенностью цен в основном позитивная, но более осторожная: грузовых перевозок, услуг дополнительного образования, туристических услуг, услуг в сфере культуры. К третьей группе относятся рынки с преимущественно неудовлетворительным (по мнению потребителей) уровнем цен: медицинских услуг, услуг детского отдыха и оздоровления, услуг социального обслуживания населения, услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, услуг ЖКХ. Последний лидирует, по негативным оценкам населения.

За последние три года потребители ощутили рост цен во всех сегментах рынка, особенно в розничной торговле, на рынках услуг связи, дошкольного образования, ЖКХ, перевозок пассажиров, медицинских, туристических услуг (73,0%). Анализ показал, что наиболее остро на цены продуктов питания реагируют студенты (учащиеся) и домохозяйки(ева). Домохозяйка также особенно волнуют высокие цены на образование. Пенсионеры и безработные острее всех реагируют на рост цен всего спектра товаров и услуг в регионе.

Рейтинг удовлетворенности качеством возглавляют рынки услуг дошкольного образования, связи, грузовых перевозок, туристических услуг, перевозок пассажиров, розничная торговля. Амбивалентные рынки, вызывающие сходные пропорции одобрения и неодобрения, – рынки услуг дополнительного образования, в сфере культуры и социального обслуживания населения. Негативные оценки доминируют при характеристиках качества рынков услуг детского отдыха и оздоровления, психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, медицинских услуг, услуг ЖКХ.

По вариативности возможностей выбора товаров и услуг лидерство оказалось у розничной торговли, рынков услуг дошкольного образования, услуг связи, услуг перевозок пассажиров наземным транспортом, грузовых перевозок, туристических услуг. Более осторожно потребители оценили возможности выбора второй группы рынков (позитивные и негативные оценки

даны примерно в равной степени). Это касается рынков услуг дополнительного образования, услуг в сфере культуры, услуг детского отдыха и оздоровления, медицинских услуг. Самые низкие оценки в данной категории получила третья группа рынков – услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, услуг социального обслуживания населения, услуг ЖКХ.

Значительный количественный рост организаций за три года, по мнению большинства потребителей, наблюдался в розничной торговле, на рынках услуг связи, дошкольного образования, медицинских услуг, перевозок пассажиров, грузовых перевозок. Менее динамичными выглядели рынки услуг ЖКХ, туристических услуг, услуг дополнительного образования. Статичностью отличались, по мнению потребителей, рынки услуг в сфере культуры, социального обслуживания населения, психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, детского отдыха и оздоровления.

По критерию расширения за три года ассортимента товаров и услуг и возможностей выбора наиболее динамично выглядели розничная торговля, рынки услуг связи, медицинских услуг и дошкольного образования. Статичность выявлена потребителями относительно рынков услуг связи, услуг перевозок пассажиров и ЖКХ. Улучшение качества товаров и услуг чаще отмечалось в розничной торговле, на рынках услуг дошкольного образования, дополнительного образования, перевозок пассажиров, медицинских услуг, детского отдыха и оздоровления. Ухудшение качества товаров и услуг чаще отмечалось на рынках услуг ЖКХ (25,3%). Выявленные противоречия в этом развитии свидетельствуют о значительном потенциале роста уровня конкуренции в регионе. Все это дает возможность осторожно-позитивно оценивать развитие конкурентной среды в регионе.

Примечания

- 1 См.: Паныко Ю. В. Особенности формирования конкурентной среды на мезоэкономическом уровне : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2007.
- 2 См.: Романович Н. А., Агафонова М. С. Теоретические основы конкурентной среды предприятия // Международный студенческий научный вестн. 2014. № 1. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=11827> (дата обращения: 12.06.2015).
- 3 См.: Армстронг М. Основы стратегического менеджмента. Как стать лучшим руководителем. Ростов н/Д, 2005.

Образец для цитирования:

Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Удовлетворенность саратовских потребителей конкурентной средой через призму объема, качества, цен товаров и услуг // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 395–402. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-395-402.

УДК 316.37

СПОРТИВНОСТЬ В КООРДИНАТАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

О. А. Романовская

Межрегиональный институт развития образования, Саратов
E-mail: romanovska.ol@yandex.ru

Т. А. Калугина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: kaluginaTA@yandex.ru

Статья посвящена описанию сущностных составляющих методологии повседневности. Представлены авторская рефлексия феномена спортивных практик и эмпирический анализ мнений о повседневной спортивности.

Ключевые слова: повседневные спортивные практики, модный тренд, социально одобряемый стандарт.

Athletic Coordinates Daily

О. А. Romanovskaia, Т. А. Kalugina

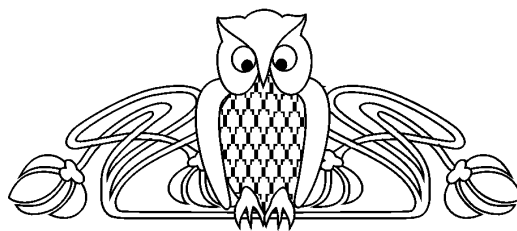
The article describes the essential components of the methodology of everyday life. The author's reflection of the phenomenon of sports practices and empirical analysis of the views of everyday sportiness.

Key words: daily sports practice, fashion trend, socially approvable standard.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-403-405

На современном этапе существования социологической науки явственно проявляется тенденция к умножению теорий среднего уровня. «Отраслевой» характер исследований свидетельствует, прежде всего, о бурно растущем интересе не только к изучению общества как целостного организма, включающего основные макросоциологические структуры, но и к исследованию различных их элементов, т. е. явлений экономической, социальной, политической, духовной сфер жизни. Общество стремится познать механизмы и тенденции собственного развития и обращается с этой целью к науке, выдвигая требование конкретного анализа локальных социальных явлений и процессов.

Реагируя на соответствующие общественные потребности, социологическая наука в рамках отраслевой социологии реализует имеющийся у нее существенный ресурс, обращая особое внимание на специальное и углубленное изучение отдельных сфер, явлений и процессов. Этот научный интерес приводит и к познанию общества, его конкретных повседневных практик с целью развития социологического знания, которое все более дифференцируется. Любая отрасль социологического знания имеет свои пред-

мет и объект исследования и представляет собой специальную систему знаний с установившимся категориальным аппаратом, операциональными дефинициями, специфическими методами теоретического и эмпирического исследования, принципами взаимосвязи с другими, смежными отраслями науки.

Анализируя проблематику общественного здоровья, социологии спорта, социологии досуга и свободного времени, очевидной становится область, составляющая проблемное поле таких явлений, как культура тела, спорта, красоты. Феномен спортивных практик, на наш взгляд, должен анализироваться не только в парадигме теорий среднего уровня, где более рассматривается двигательный аспект, но и на уровнях эстетической и нравственной компонент и, что особенно важно, на микроуровне – повседневности.

Повседневность рассматривается с различных точек интерпретации, но особое внимание уделяется моменту понимания того, что «повседневность» сложно поддается рефлексии. Изучение повседневности сложно оснащено в методологическом отношении, так как невозможно обойти вниманием ни дисциплинарные порядки, ни «душевные структуры». Поведение, нормы, ценности тех или иных социально-статусных групп в лучшем случае представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти «странности» могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах. Повседневная жизнь – область микросоциологии, связанная с анализом практик, взаимодействий и культурой организации.

Среди современных концепций выделяется концепция габитуса П. Бурдьё, который предложил данное понятие для характеристики мира повседневности как системы определенных практик, выражающих основные предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Габитус определяет реакцию на реальность, организуя наши предпочтения в систему различий, структурирующих социальную реальность. Габитус предстает как культурная организация повседневных практик, включающих вкус и эмоции¹.

Из сказанного, однако, не следует, что социология повседневности совершенно чужда «большим теориям» или «большим нарративам». Авто-

ры разделяют научные позиции представителей новейшей французской (и в целом франкофонной) социологии повседневности, в частности, идеи инверсионной интерпретации повседневности М. Маффесоли². Возвращаясь к габитусу, отметим, что с позиций П. Бурдьё можно подвергнуть критике традиционные теории физической культуры, которые рассматривали повседневные спортивные практики в рамках упрощенного, грубо материалистического подхода.

Тем не менее, использование системного подхода в анализе феномена спортивных практик достаточно часто наталкивается на попытки «объективизированного» рассмотрения человеческой телесности как «данного извне» феномена. Феноменологическая трактовка понятия «феномен» самая влиятельная в науке. Лаконичное определение сформулировал М. Хайдеггер³, последователь Э. Гуссерля – «себя-в-себе-самопоказывающее». Феномен, согласно объяснениям Хайдеггера, отличается от явления и от видимости (кажимости).

Общепринятого определения понятия «спортивные практики» в современной литературе мы не обнаружили. Практически каждая работа, посвященная фундаментальным проблемам спортивной деятельности, содержит свое определение, подчеркивающее те или иные стороны этой деятельности. Между тем феномен спортивных практик как явление не есть простая сумма целей и задач, стоящих перед его участниками. Нельзя сводить этот феномен лишь к соревновательной деятельности, игнорируя его множественные социальные функции. Сведение спортивных практик к игровому времяпрепровождению становится нелепым, если принимать во внимание напряженность личных усилий многих увлекающихся строительством тела людей.

Основные особенности спортивных практик, как нам видится, вытекают из единства в них объективного и субъективного. Отсутствия антагонизма, т. е. принципиального отторжения возможности потери жизни, социального статуса или средств к существованию вследствие проигрыша, по мнению многих исследователей, изначально отделило спортивные практики от разнообразных способов ведения конкурентной борьбы, придало им «гуманный» характер.

Для получения информации, ориентированной на иллюстрацию вышесказанного, мы провели авторское структурированное пилотажное исследование. На вопрос «Считаете ли Вы, что занятия физкультурой и спортом полезны для Вашего и общественного здоровья?» (в % от числа опрошенных 2016 г., г. Саратов, n = 100 человек (по случайной выборке)) 100% респондентов дали утвердительный ответ. На вопрос «Как часто Вы занимаетесь физкультурой и спортом?» (та же группа респондентов) ответы распределились следующим образом: ежедневно – 4% (утренняя зарядка); два–три раза в неделю – 4%

(посещение фитнес-клубов, «качалок»); один раз в неделю – 5% (бассейн, корпоративный футбол, волейбол и другие игровые виды спорта, встречи со спарринг-партнером по теннису); один–три раза в месяц – 7% (набор спортивных практик тот же); реже – 10%; никогда – 70% опрошенных; затруднившихся с ответом не было.

Очевидно, что заявленный интерес к физкультуре и спортивности – это преимущественно социально одобряемый стандарт и модный тренд современности. Включенность в персональные занятия весьма низкая.

Дополним сказанное анализом групповых фокус-интервью, нарративов, индивидуальных лейтмотивных интервью, отмечая единодушие во мнениях респондентов, относящихся к спортивным занятиям с пиететом.

Коллективная сумма мнений интервьюируемых такова:

Инт.: Не секрет, что сейчас массовый спорт либо дотируется государством, либо в него вкладывают деньги меценаты. Считаете ли Вы, что российский массовый спорт должен стать бизнесом?

Х.: Массовые занятия спортом в большей части своих проявлений не должны быть бизнесом. Весь спорт условно можно разделить на три составляющих части: профессиональный спорт, спорт массовый и спорт высших достижений. Министерство спорта России занимается спортом массовым и спортом высших достижений, делая акцент на последнем. А вот профессиональный спорт – это бизнес. Бизнесом является и спортивная индустрия, то есть та часть нашей экономики, которая нацелена на обслуживание потребностей спорта: производит спортивные товары и оборудование, какие-то услуги, необходимые не только спортсменам. Но даже в том случае, когда спорт является бизнесом, он нуждается в жестком государственном регулировании. Это происходит во всем цивилизованном мире, так должно быть и у нас в России.

Инт.: Помните о покупке футбольного клуба «Челси» Романом Абрамовичем?

Х.: «Челси» – это профессиональный спорт. А значит, бизнес. Вложения в профессиональный спорт – это либо спонсорство, либо инвестиции капитала для получения прибыли и некоторых дивидендов. «Челси» куплен в интересах бизнеса. Прибавилось ли у «Челси» болельщиков в России? Неизвестно. И все-таки бизнес в профессиональном спорте – это бизнес со значительной долей социальной ответственности.

Инт.: Какими качествами должен обладать успешный человек?

Х.: В основном это качества, которые для спорта являются определяющими и которые каждый из нас хотел бы развивать в себе. Они совпадают с основными критериями общества: коллективизм, лидерство, стремление к цели, самопожертвование. Все то же самое необходи-

мо в любой деятельности. Спорт – это пример маленькой модели общества и модели человека. Если коротко – нужно обладать хорошими спортивными качествами.

Инт.: Отношение к так называемым «новым русским» и элитарным спортивным практикам?

Х.: «Новые русские» – это все-таки скорее образ из анекдотов. Хочется, чтобы в полной мере возродилась советская система спортивных секций, хотя бы для детей и молодежи, тех, кто сам еще не имеет возможности оплатить свои спортивные пристрастия.

Приведем результаты фокус-группы с саратовскими студентами, выбравшими своей будущей специальностью «работу с молодежью». Респонденты свидетельствуют о том, что портрет современного подростка в основной своей массе – бездельно слоняющийся и склонный к девиациям:

– бездельничают – «бесполезно проводят время, сидят в сетях, смотрят из Интернета»; «матерятся»; «пьют, курят электронные сигареты»; «им ничего не интересно».

Понятно, что участники фокус-группы строят свои представления о современных подростках не столько на основе непосредственных контактов с ними, сколько исходя из различных социальных стереотипов. Справедливости ради отметим, что своих младших родственников, знакомых подростков и «детей своего круга» опрошиваемые оценивали не столь критично. Большинство участников фокус-группы считают, что в детской среде перечисленные «пороки» распространены в основном из-за того, что сейчас в стране плохо развита система социализации подрастающего поколения: мало детских организаций наподобие пионерской, секций, кружков внешкольного досуга и т. п.:

– «Будет финансироваться организация детского досуга, дети не будут употреблять те же наркотики, не будут сами как-то добывать деньги противозаконными путями»; «им, бедным, заняться нечем»; «все предоставлены сами себе, родителям некогда, государство не хочет»; «их досуг не организован ни взрослыми, ни государ-

ством»; «дети и подростки не могут заниматься спортом, ходить в театры и кино, словом, организовано проводить свой досуг не только из-за отсутствия соответствующих организаций, но и по причине того, что финансовые возможности их родителей ограничены»; «даже бесплатные кружки и секции все равно требуют от родителей дополнительных финансовых вложений, что далеко не каждый может себе позволить»; «посещение бесплатное, а атрибутика, если фигурное катание – коньки, еще что-то, если борьба – кимоно и т. д., то есть все равно капитальные вложения нужны в любые занятия».

Участники фокус-группы были единодушны во мнении, что на государстве лежит обязанность обеспечить людям такой уровень жизни, чтобы они были в состоянии оплатить услуги подобных организаций, в том числе и негосударственных. Неудивительно, что при столь высокой степени неудовлетворенности современными социальными институтами, ответственными за социализацию подрастающего поколения, участники фокус-группы испытывают «ностальгию со слов старших» по соответствующим институтам советского прошлого.

Полагаем, что такой высокий уровень поддержки идеи возрождения советской системы общественного воспитания обусловлен не столько стремлением к реставрации советского прошлого, сколько существующей в нынешнем российском обществе острой потребностью в общедоступных структурах, организующих досуг не только подрастающего поколения, но и представителей разных возрастных категорий.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Бурдые П.* Структура, габитус, практика. СПб., 2003; *Его же.* Практический смысл. М., 2001.
- ² Инверсионная интерпретация повседневности вытекает из систематической переоценки реалий сегодняшнего общества, выразившейся в сознательном переходе от индивидуалистической парадигмы к парадигме социетальной.
- ³ См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время. СПб., 2002. С. 28–31.

Образец для цитирования:

Романовская О. А., Калугина Т. А. Спортивность в координатах повседневности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 403–405. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-403-405.

УДК 316.012

КРИЗИС СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikiforovy@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы отечественной и западной социологической науки, связанные с отсутствием единого теоретического фундамента, отказом от теоретических изысканий, повальным увлечением эмпирическими исследованиями. Особое внимание уделяется причинам подобного состояния науки и возможным путям поиска выхода из него.

Ключевые слова: кризис социологии, теоретический застой, интеллектуальный капитал, идейная нейтральность, социальный заказ.

Crisis of the Sociological Theory: Whether there is an Exit?

Ya. A. Nikiforov

In article the problems of Russian and western sociological science connected to the lack of theoretical base, refusal of theorizing, common passion in empirical researches are considered. The special attention is paid to the reasons of such state of science and possible ways out.

Key words: crisis of sociology, theoretical stagnation, intellectual capital, ideological neutrality, social order.

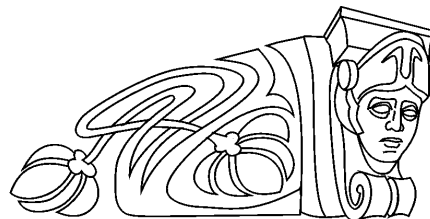
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408

Кризис социологии, о котором так давно и много пишут и говорят как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе, ставший «притчей во языцех», имеет множество измерений.

Однако начинать нужно «ab ovo», т. е. с проблем социологической теории.

Сегодня в России статус социологии в общественном сознании чрезвычайно низок. Ее достижения остаются неизвестными и невостребованными даже со стороны тех, кто ежедневно имеет дело с общественными явлениями и процессами. В российском массовом сознании господствует убеждение, что социологи занимают исключительно опросами общественного мнения, практическим обслуживанием электорального процесса и маркетинговых кампаний.

Причиной такого низкого престижа нашей науки является отсутствие значимых достижений, интеллектуальный застой. При этом массово издаются книги и журналы по социологической проблематике, в каждом вузе страны существуют социологические факультеты, кафедры и центры, диссертационные советы, ежегодно выпускающие сотни дипломированных и остепененных специалистов. В чем же дело?

Ответ очевиден и неутешителен. Отсутствуют самостоятельные, эмпирически подтвержденные теоретические концепты, утверждающие оригинальный и позитивный взгляд на социальную реальность, дающий, в свою очередь, возможность продуктивно ставить и решать практические и исследовательские задачи.

Причины подобного теоретического застоя уже неоднократно декларировались и обсуждались. Некоторые из них более явные: отсутствие систематических дискуссий между социологическими школами; несущественность взаимодействия между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками; потребительское отношение власти к социальным исследованиям; общее снижение уровня научной квалификации; засилье оценки научного творчества, поощряющее многочисленные малосущественные публикации и не стимулирующее долговременные, трудоемкие исследования и проч.

Другие причины, являясь латентными, тем не менее, остаются актуальными. Одной из главных в этом ряду представляется утрата идейного капитала. В сегодняшней России интеллектуальный капитал в социологии практически перестал накапливаться. Каждое новое направление теоретико-методологической моды (как правило, указанное на Западе) почти полностью нивелирует и обесценивает начала оригинальных исследований. Всевозможные тренды оккупируют пространство социологического дискурса, дискредитируя прежние подходы.

При этом сохраняется некий общий базис негативного характера. Обществоведы с единым сердцем, обычно несвойственным в отношении других дискуссионных вопросов, выступают против общенаучного подхода (пренебрежительно именуемым «позитивистским линейным мышлением», «наследием истмага» и т. д.) к выявлению закономерностей общественной жизни и закреплению их в эмпирически проверяемых теориях. Образовалось устойчивое своеобразное протестное антитеоретическое согласие.

Нельзя сказать, что данная, можно сказать, мировоззренческая установка – исключительно отечественное достояние.

Кризис западной социологии, предсказывавшийся западными учеными в течение всей второй половины XX в., действительно произошел, и он продолжается до сегодняшнего дня. Ныне социологию привычно называют мультипарадигмальной системой знания, в которой по-прежнему сосуществуют и соперничают разные концепции

развития науки. Главная проблема заключается в том, что в современной социологии не удается обосновать и создать единого основания научного знания. Отсутствуют даже попытки создать такой фундамент, обреченно предлагается по факту признать теоретический и методологический плюрализм социологии. Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. наглядно демонстрируют созревшую готовность радикальной постановки назревшего вопроса. Главный редактор журнала «Международная социология» С. Аржоманд полагает, что социология в нынешнем ее состоянии неспособна давать ответы на самые насущные вопросы общественной жизни¹. Ему вторят многие («Социология: наука или антинаука?»; «Имеет ли смысл социология?»; «Социология без общества», «Станет ли социология когда-нибудь нормальной наукой?»)². Большинство коллективных дискуссий в современной, например британской, социологии так или иначе вращается вокруг темы прикладной ангажированности социологии, ее заикленности на примитивной эмпирике; дискутируются возможности нашей науки продуцировать качественное теоретическое знание. «Главное достоинство академической социологии – длительное осмысление и анализ, обеспечивающие выработку ценного теоретического знания, и именно это вступает в активное противоречие с решением непосредственных, сиюминутных социальных задач, чего неотъемлемо требуют неolibеральные ценности, и приводит к маркетизации университетов, что неправильно»³. Констатация засилья всепоглощающей эмпирики превратилась для европейских социологов в притчу во языцах, а для американцев такой проблемы сегодня даже не существует. То есть «в датском королевстве все прогнило», и искать выход нужно в своей традиции.

Довольно странно, что в так называемых естественных науках ученые чаще всего принимают созданные до них теоретические позиции в качестве основания собственных исследований и продвигают науку дальше, а в обществоведении деятели науки склонны пренебрегать прежними парадигмами, заявляя собственную альтернативную позицию. В общих чертах известно, какие составляющие должны присутствовать в сложной композиции успешного теоретического построения. Очевидно, что в современной отечественной общественной науке большинство из них, если и проявлены, то в эфемерном состоянии.

Во-первых, постоянное опытное изучение разнообразия социальных явлений – крайне сложная и кропотливая работа, не дающая быстрого и видимого результата. Часто преобладает подход, декларирующий уникальность рассматриваемого материала, его эмпирическую уникальность, на этом основании провозглашается невозможность поиска аналогий, а следовательно, априорная безуспешность установления закономерностей.

Во-вторых, опора в осмыслении многообразия выявленных социальных явлений на теоретические результаты прошлых исследований усугубляется незначительным накоплением общезначимых теоретических результатов: не на что опираться и нечего проверять.

Проверка опытной поддержки теоретической гипотезы другими исследованиями на другом эмпирическом материале затрудняется тем, что общие операционализируемые гипотезы не формулируются.

И, наконец, думается, главное. Исследовательская цель, направленная на познание общих закономерностей, причин и механизмов социальных явлений и процессов в социальных науках, не ставится.

Хочется вспомнить, что впечатляющие научные достижения стали возможны, в первую очередь, потому, что общество сформировало на них запрос и оплатило его. Пусть этот социальный запрос, главным образом, был обусловлен интересами государства, его выживания, конкурентоспособности, развития. Но сегодня уже вполне очевидно, что в современном мире это касается не только наук, напрямую обеспечивающих потребности безопасности и экономического развития. Спрос на решение именно макросоциальных задач имеет сейчас критическое значение для развития общества и наук о нем. Без опоры на общественные науки не может быть подлинной самостоятельности, суверенитета страны, они сегодня – неотъемлемая часть того, что в последние десятилетия принято называть *soft power*. Социальная система, не опирающаяся на собственные общественные науки, в лучшем случае не в состоянии эффективно развиваться, в худшем – оказывается в плену чуждых социальных предрассудков и мифов, становится объектом враждебных идеологических манипуляций.

Также нужно отметить, что социальный заказ на общественные науки всегда носил идеологическую окраску. Смысл социального заказа для общественных наук заключается в мобилизации их идей, концепций и методов на обоснование того, что установленный социальный порядок законен, справедлив и рационален. Социология изначально создавалась ее отцами-основателями (Конттом, Дюркгеймом, Спенсером) как идеология современной им социальной системы. Социология была идеологией общественной интеграции. Идея общества была интегрирована с реальностью национального государства. Именно поэтому в классической социологии общество практически является псевдонимом Родины, а человек рассматривается, в первую очередь, как гражданин. Последняя гранд-теория социологической классики – парсоновская социология – обосновывала статус США как наиболее могущественного государства современности.

Социальный и геополитический перелом конца XX в. в нашей стране сделал невозможным

появление социального заказа на целые направления исследований, не вмещающиеся в прокрустово ложе рыночной идеологии и либерализма. Сегодня эта идеология кажется потесненной, но по-прежнему отсутствует ясный и адекватный социальный заказ на общественные науки со стороны государства. В данной связи возникает старый, как мир, но постоянно дискутируемый в социологической литературе вопрос об идейной нейтральности социологии. Трюизмом является тезис о том, что в любом обществе властные и бизнес-элиты стремятся подчинить себе деятельность социологов, превращая их в социальных инженеров и мастеровых социологических опросов, любая социальная система стремится нанести ущерб объективности социального знания. Известны и ответы на эти нападки: социология искажается потому, что сами социологи – участники социальной жизни, социолог такой же человек, как все остальные, в процессе социализации усваивает множество предпосылок, которые в дальнейшем оказывают влияние на социологическое мышление и предрасполагают социолога к тем или иным онтологическим и аксиологическим ориентациям. В обществе работа социолога в принципе не может быть свободной от ценностей. Любое социологическое исследование «искажает» социальный мир, ибо в основе любого исследования можно обнаружить те или иные идейно-ценностные установки, ту или иную точку зрения.

Представляется, что выход из этой ситуации заключается в «манифестации» ценностей, в их провозглашении, публичной демонстрации. Общественные науки вообще и социология в частности не должны пребывать в удобной позиции критики общества, они должны стремиться к тому, чтобы создавать позитивные образы будущего, общественный идеал, реализация которых позволяет развивать и совершенствовать социальную систему.

Социология хранит в своем интеллектуальном багаже множество позитивных ценностно значимых теоретических конструкций. Речь здесь идет, прежде всего, о социологической классике. Она всегда актуальна и современна, поскольку ее универсальные модели и схемы успешно работают на разном материале, именно поэтому классика не устаревает. И прежде всего – классика отечественной социологии, в основном по причине, о которой уже упоминалось. Никогда русские социологи, социальные философы, мыслители не писали о ценностной нейтральности социального знания. Напротив, главной общепризнанной чертой отечественного обществоведения всегда было желание содей-

ствовать прогрессу общественного организма, стремление создать новый, лучший социальный мир. У социологии в России сложилась непростая судьба. Но, несмотря на это, диапазон исследовательских интересов дореволюционных российских социологов был чрезвычайно обширен, они писали буквально обо всем, что и сегодня формирует актуальную проблематику науки, при этом достигали значительных теоретических результатов. И история советской социологии также не состояла из одной фетишизации исторического материализма. Недаром известнейший американский социолог-теоретик А. Гулднер, описавший во второй половине XX в. основные параметры наступающего кризиса западной социологии, в качестве одного из путей выхода из него предлагал творческую реконструкцию марксизма как учения, доказавшего не только практическую но и теоретическую состоятельность⁴.

Вполне возможно, что создание теоретической основы дальнейшего развития нашей науки возможно на базе действительно продуктивного, т. е. практически значимого переосмысления социологических теорий отечественной как дореволюционной, так и советской классики. Для этого представляется в качестве начального этапа составление своеобразного реестра теоретических положений в каждой предметной области для эмпирической проверки, перечень взаимосвязанных положений для микро-, мезо- и макросоциологии.

Сможет ли российская социология нового века сохранить свое лицо и утвердить статус достойной уважения, полноценной научной дисциплины, покажет будущее, которое творить в том числе и нам.

Примечания

- ¹ См.: *Аржоманд С. А.* О ключевых проблемах современной социологии (мнение главного редактора) // Социс. 2000. № 1. С. 125–126.
- ² См.: *Boudon R.* Will Sociology Ever Be a Normal Science? // *Theory and Society*. 1988. Vol. 17. P. 747–771; *Berger P. L.* Does Sociology Still Make Sense? // *Schwiczcr Zeitschrift für Soziologie*. 1994. Bd. 20. S. 3–12; *Турпен А.* Социология без общества // Социс. 2004. № 7. С. 6–11.
- ³ *Viewpoint : Venturing Beyond Critique to Practice and Back Again* // *Discover Society*. URL: <http://discoversociety.org/2015/12/01/viewpoint-venturing-beyond-critique-to-practice-and-back-again> (дата обращения: 10.01.2016).
- ⁴ См.: *Gouldner A. W.* The two marxism : contradictions and anomalies in the development of theory. N. Y., 1980.

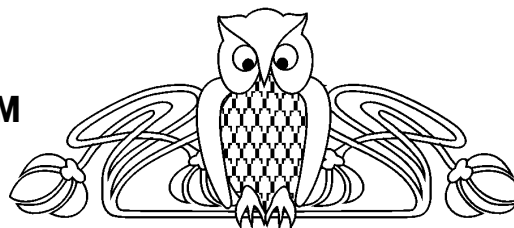
Образец для цитирования:

Никифоров Я. А. Кризис социологической теории: есть ли выход? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 406–408. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-406-408.

УДК 316.334.2

РЕАЛИЗАЦИЯ И ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Е. Е. Немерюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

В статье рассматриваются реализация и поддержка социальной рекламы как на федеральном, так и на региональном уровнях. Обращается внимание на то, что социальная реклама призвана менять мировоззрение человека, его поведение за счет полученных знаний, советов, эмоциональных посылов. Чем больше социальной рекламы – тем лучше наше общество.

Ключевые слова: социальная реклама, коммерческая реклама, конкурс государственной социальной рекламы, медиаиндустрия, спецпроект, социальная ответственность.

Sales and Support for Social Advertising Federal and Regional Levels

E. E. Nemeryuk

The article deals with the implementation and support of social advertising at both the federal and regional levels. Attention is drawn to the fact that social advertising is designed to change human mind, his behavior at the expense of acquired knowledge, advice, emotional message. The more social advertising – the better our society.

Key words: social advertising, commercial advertising, public competition of social advertising, media industry, special, social responsibility.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-409-412

В современной России спрос на социальную рекламу неизменно растёт. Она повсеместна – и на телевидении, и на баннерах, и в Интернете, и в общественных местах. Следует отметить, что развитию социальной рекламы способствуют также и фестивали социальной рекламы, на которых происходит демонстрация произведений рекламы социальной тематики как различными рекламными агентствами, так и всеми желающими.

Однако обращает на себя внимание тот непреложный факт, что среди всего переполненного коммерческой рекламой рекламного пространства социальная реклама заняла лишь небольшую часть.

Наиболее регулярно из всех государственных структур используют в своей деятельности социальную рекламу Министерство обороны, ГИБДД, налоговые службы России, Министерство внутренних дел, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков.

Единственным в России конкурсом государственной социальной рекламы, цель которого

заключается в развитии социальной рекламы в России, является «Импульс»¹. Организатором ежегодного Всероссийского конкурса социальной рекламы среди органов государственной власти «Импульс» выступает международная медиагруппа «Россия сегодня». Председателем жюри является генеральный директор МИА «Россия сегодня» Дмитрий Киселёв.

Цель конкурса «Импульс» – представить социальную рекламу как эффективный инструмент формирования практики социальной ответственности и утвердить цивилизованные и гуманитарные стандарты общественной жизни.

Конкурсные номинации охватывают широкий спектр медийных форматов: «лучшая видеореклама», «лучшая аудиореклама», «лучшая наружная реклама», «лучшая интернет-реклама», «лучший плакат», «лучший буклет», «лучшая рекламная кампания».

Благодаря генеральным информационным партнерам – телеканалу «Россия 24», одному из лидеров интернет-СМИ KP.ru и ведущему порталу о рекламе и маркетинге Sostav.ru – телезрители и читатели получают доступ к исчерпывающей информации о государственной социальной рекламе в России.

Государственные органы недостаточно представлены в медийном поле и слабо продвигают те решения и социальные проекты, которые реализуют во благо общества. В связи с этим функция членов жюри и представителей медиа-сообщества заключается в том, чтобы выбрать лучшие образцы социальной рекламы и разместить на медийных площадках по мере их возможностей.

Чем больше представители телевизионной и медиаиндустрии будут поддерживать и внимательно относиться к социальной рекламе, тем большее значение будет ей придаваться в обществе.

Один из безусловных лидеров интернет-СМИ и сайт самой популярной в России ежедневной газеты «Комсомольская правда» KP.ru представил специальный проект конкурса на официальном сайте издания. Спецпроект включает актуальные материалы и новости конкурса, а также мультимедийный контент – фотоленты, видеointervью с членами жюри и другие тематические материалы.

KP.RU – социально ответственное СМИ, которое всегда активно реагирует на все инициативы в области социальной сферы. Потому

они поддерживают конкурс социальной рекламы «Импульс» специальным проектом на сайте kp.ru. Этот спецпроект не только привлекает внимание органов государственной власти, участвующих в конкурсе, но и вызывает резонанс и отклик у миллионов читателей по всей стране.

В рамках взаимодействия с конкурсом ведущий российский информационно-аналитический портал, посвященный рынку рекламы, маркетинга, PR Sostav.ru запустил специальный проект конкурса «Импульс», который стартовал с материалов о социальной рекламе в России и в мире. Портал детально разбирает аспекты социальной рекламы и партнерство в этом вопросе с органами власти.

Российские рекламщики являются признанными во всем мире мастерами, подтверждением чему – многочисленные награды на международных фестивалях. Специалисты в рекламных агентствах создают социальные проекты, направленные на решение актуальных проблем в нашей стране. Однако рекламщикам зачастую не хватает финансовой поддержки для получения большей эффективности от их креативных идей. Эту поддержку во всем мире оказывает государство, которое заинтересовано в решении социальных вопросов. В своем спецпроекте Sostav.ru рассказывает рекламщикам о том, как можно выстроить коммуникацию с органами государственной власти для совместной работы на оздоровление общества, используя отечественный и международный опыт.

Всероссийский конкурс социальной рекламы среди органов государственной власти «Импульс» проходит при поддержке рекламных ассоциаций и ведущих СМИ.

Генеральными информационными партнерами конкурса выступают: один из лидеров интернет-СМИ KP.ru, новостной телеканал «Россия 24» и ведущее российское СМИ о рекламе, маркетинге и PR Sostav.ru. Отраслевыми партнерами конкурса «Импульс» стали ассоциации и партнерства: АКАР, АБКР, IAB Russia, РАМУ, IN+OUT, РАСО, АКООС, АКМР, а также Координационный совет по рекламе при Межгосударственном совете по антимонопольной политике. В статусе официального информационного партнера конкурс поддерживает Ассоциация менеджеров, издание о наружной рекламе ООН Mag, а также журнал о медиабизнесе «Новости СМИ».

Всего в 2015 г. на конкурс поступило 304 работы из 64 регионов РФ. Участие в конкурсе принимала социальная реклама и рекламные кампании, опубликованные и реализованные в период с 18 октября 2014 г. по 24 сентября 2015 г.²

Победители конкурса были определены жюри, в состав которого вошли ведущие представители рекламной отрасли, руководители СМИ, представители государственных структур. Победитель специальной номинации «Призна-

ние интернета» был определен пользовательским голосованием.

Лауреаты 2015 г.: «Гран-при» получило ГОУБДД МВД России за работу «Прогноз безопасности». Победителями в номинации «Трендсеттер года» стало Министерство по делам территориальных образований и общественных объединений Рязанской области за работу «Разные вместе», в номинации «Наш характер» – Министерство культуры Свердловской области за работу «Победа».

Победители и призеры основных номинаций: лучшая видеореклама – первое место и звание победителя получило ГОУБДД МВД России за работу «Прогноз безопасности»; второе место и звание призера – Агентство по печати и СМИ Архангельской области за работу «Повышение финансовой грамотности населения Архангельской области»; третье место и звание призера – Министерство культуры Свердловской области за работу «Победа».

Лучшая аудиореклама: первое место и звание победителя получило Министерство труда и социальной защиты РФ за работу «У каждой мечты есть будущее!»; второе место и звание призера – ГОУБДД МВД России за работу «Прогноз безопасности»; третье место и звание призера – Министерство по делам территориальных образований и общественных объединений Рязанской области за работу «Разные вместе».

Лучшая наружная реклама: первое место и звание победителя удостоился Комитет по печати и взаимодействию со СМИ г. Санкт-Петербурга за работу «У вашего Ангела нет крыльев. Оставлять окна открытыми опасно»; второе место и звание призера получило УГИБДД УМВД России по Курганской области за работу «Дороге не важно, какой у вас повод».

Лучшая интернет-реклама: второе место и звание призера получил Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР) за работу «Личный кабинет застрахованного лица»; третье место и звание призера досталось УФНС России по Республике Коми за работу «В отпуск без долгов!».

Лучший плакат: первое место и звание победителя получило Главное управление МЧС России по Республике Алтай за работу «Сделай правильный выбор»; второе место и звание призера – Министерство здравоохранения Российской Федерации за работу «Инсульт может коснуться каждого»; третье место и звание призера – Управление социальной политики по Талицкому району за работу «Мы все разные! Но права у нас одни!».

Лучший буклет: второго места и звание призера удостоилось Хакасское УФАС России за работу «Нарушение антимонопольного законодательства»; третье место и звание призера получило Главное управление МЧС России по Ивановской области за работу «Соблюдайте правила пожарной безопасности!».

Лучшая рекламная кампания: первое место и звание победителя у Министерства труда и со-

циальной защиты РФ за работу «У каждой мечты есть будущее!»; второе место и звание призера – у ГОУБДД МВД России за работу «Прогноз безопасности»; третье место и звание призера получил ФГБУЗ Центр крови ФМБА России за работу «Наполни звук цветом. Наполни цвет движением!»³

Победителем в специальной номинации «Признание Интернета» стал Роспотребнадзор за серию плакатов «Хочу! Могу! Знаю!».

Победителем в совместной номинации МИА «Россия сегодня» и Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Ю. Титова «Лучший антикоррупционный плакат» стал художник-дизайнер архитектурной среды из Бишкека Антон Казаковцев за работу «Крысы».

В 2015 г. членами жюри в рамках очного заседания инициирована специальная номинация АКАР и РАР (Российская академия рекламы). Победителем в данной номинации стал Комитет по печати и взаимодействию со СМИ г. Санкт-Петербурга за работу «У вашего Ангела нет крыльев. Оставлять окна открытыми опасно».

Победители конкурса получили памятные статуэтки «Импульс», которые символизируют социальную энергию, дающую новый толчок к созиданию и устойчивому развитию.

Пенсионный фонд России стал призером Всероссийского конкурса социальной рекламы среди органов государственной власти «Импульс» в номинации «Лучшая интернет-реклама»⁴.

Жюри конкурса по достоинству оценило рекламную кампанию Пенсионного фонда, в ходе которой граждане информировались о запущенном в начале 2015 г. «Личном кабинете застрахованного лица» на сайте ПФР. Благодаря доступным в Кабинете сервисам граждане допенсионного возраста в режиме реального времени могут узнать о своих сформированных пенсионных правах, подать заявление на назначение пенсии, получить наиболее востребованные госуслуги и информацию. Доступ к Кабинету имеют все пользователи, прошедшие регистрацию в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) или на сайте государственных услуг.

Пенсионный фонд в 2014 г. становится призером конкурса «Импульс» в номинации «Лучшая интернет-реклама» за рекламную кампанию ПФР, разъясняющую основные положения новой пенсионной формулы, которая действует в России с 2015 г. Ключевым элементом кампании стал пенсионный online-калькулятор, который позволяет рассчитать размер будущей страховой пенсии и увидеть, какие параметры трудовой деятельности влияют на ее размер.

У Пенсионного фонда есть отдельное направление деятельности – проведение информационной работы среди граждан по разъяснению основных положений пенсионного и социального законодательства, т. е. правил формирования и расчета пенсии и возможности пользоваться теми или иными социальными льготами. За-

конодательство сложное, меняется, есть много особенностей и частностей. Но очень важно, чтобы граждане понимали, от чего зависит размер их будущей пенсии, как надо выстроить свой жизненный путь, чтобы пенсия была достойной. Поэтому Пенсионный фонд делает специальные социальные информационно-разъяснительные материалы с понятным гражданам контентом и размещает их как социальную рекламу. Пенсионный фонд РФ представлял свои работы абсолютно во всех номинациях «Импульса». Практически все они вошли в шорт-листы⁵.

Впервые в России появилась такая «пенсионная считалка» в отношении пенсии, формирующейся в системе обязательного пенсионного страхования. Можно узнать, какая уже сформирована пенсия, но главное, что, пользуясь калькулятором, человек понимает, от чего зависит пенсия и что можно сделать, чтобы она стала больше.

Калькулятор – интересный и важный продукт, он вовлекает человека, вооруженного знаниями, в процесс формирования пенсии.

Сейчас очень много рассказывают про пенсии, появляется много ложной информации, но пока человек не увидит, как всё это «работает» на своем примере, вся информация носит для него абстрактный характер.

Задача социальной рекламы – просвещать. В этом смысле социальная реклама принципиально отличается от коммерческой. Задача коммерческой рекламы – заработать деньги (увеличить стоимость бренда, повысить продажи, вывести на рынок новый продукт). Социальная реклама призвана менять мировоззрение человека, его поведение за счет полученных знаний, советов, эмоциональных посылов. В ней нет никакой денежной составляющей. По нашему мнению, чем больше социальной рекламы – тем лучше будет наше общество.

В этом смысле конкурс, который создает «банк» образцов и примеров социальной рекламы, очень важен и полезен. Сама идея создания этого конкурса, его развитие и продолжение очень нужны в современном обществе. Людям необходима такая социальная информация. Она формирует оптимистичную модель поведения, дает ответы на важные вопросы.

У Пенсионного фонда есть программа повышения пенсионной грамотности граждан. При ее реализации он поднимет много актуальных тем, которые интересны и полезны людям. Это и легализация рынка труда, разъяснение порядка формирования пенсии, расчет ее размера, и использование материнского капитала и т. д. У Пенсионного фонда Российской Федерации по каждому из этих вопросов есть разъяснительные материалы, которые размещаются на всех массовых каналах коммуникации как социальная реклама.

На территории Саратовской области расположено 2472 носителя наружной рекламы (в 2012 г. – 1700), на 276 (11,2%) размещена соци-

альная реклама. Реализованы рекламные кампании: «Выбирай саратовское», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне», «Год культуры», профессиональная ориентация молодежи, антинаркотическая и антиалкогольная акция и др.

В 2014 г. в рамках подпрограммы «Информационное партнерство органов государственной власти со средствами массовой информации и издателями» государственной программы Саратовской области «Информационное общество на 2014–2017 годы» реализовано 12 проектов в номинации «Социальная реклама» в следующих СМИ: телеканал «РЕН ТВ-Саратов», телепрограмма «ТВЦ-Саратов», «Саратовский региональный телеканал», радиоканал «Радио твоего города» (Юмор FM-Саратов), радиоканал «Радио Энергия FM», телеканал «СТС-Балаково», радиопрограмма «Радио “Комсомольская правда”», газета «Наша Версия в Саратове». Общий объем финансирования проектов за счет областного бюджета составляет 3 млн 381,6 тыс. рублей, за счет внебюджетных источников – 2,5 млн рублей⁶.

В 2015 г. в рамках подпрограммы «Проведение краткосрочных социальных рекламных кампаний» государственной программы Саратовской области «Информационное общество на 2014–2017 годы» Министерством информации и печати Саратовской области проведены две социальные рекламные кампании по следующим тематикам: «70-летие Победы в Великой Отечественной войне», «Год литературы». По первой тематике разработана концепция региональной социальной рекламной кампании, в которую вошли: авторские логотип и макеты для рекламных носителей; макеты для размещения на остановочных павильонах, макеты плакатов для размещения вблизи улиц, названных именами героев Великой Отечественной войны, и в образовательных учреждениях районов, макеты для размещения на автотранспорте, а также варианты использования логотипа празднования 70-летия Победы на сувенирной продукции; на территории области было задействовано свыше 270 рекламных конструкций (баннеры, билдборды, браундмауэры, сити-форматы, остановочные павильоны и др.) для размещения социальной рекламы, посвященной данной тематике. В рамках второй тематики разработаны макеты баннерной продукции, посвященной Году литературы, с использованием общефедеральной символики. Экспертным советом по социальной рекламе были отобраны и рекомендованы для размещения в муниципалитетах макеты, среди которых – портреты и высказывания известных саратов-

ских писателей о литературе и Саратовском крае. Всего в муниципалитетах региона размещено свыше 50 носителей наружной рекламы по тематике Года литературы⁷.

Таким образом, проанализировав основные проблемы реализации и поддержки социальной рекламы на федеральном и региональном уровнях, можем констатировать, что в современных условиях наша страна только стоит на пути к созданию качественной, эффективной и действенной социальной рекламы. Спрос на неё неуклонно растёт. Развитию социальной рекламы способствуют её повсеместное распространение, а также фестивали социальной рекламы. Единственным в России всероссийским конкурсом государственной социальной рекламы является конкурс среди органов государственной власти «Импульс», цель которого – представить социальную рекламу как эффективный инструмент формирования практики социальной ответственности и утвердить цивилизованные и гуманитарные стандарты общественной жизни. В качестве основных направлений, в которых должна и будет развиваться социальная реклама в России, можно указать следующие: во-первых, законодательство в области социальной рекламы и участие государства в её развитии; во-вторых, развитие социальной рекламы с точки зрения укрупнения формата исполнителей и развитие технологий; и, в-третьих, усиление общественной активности.

Примечания

- 1 См.: Всероссийский конкурс социальной рекламы среди органов государственной власти. URL: <http://konkurs-impulse.ru/> (дата обращения: 25.03.2016).
- 2 См.: Конкурс Импульс // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/docs/impuls/> (дата обращения: 25.03.2016).
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 См.: *Нагога М.* Чем больше социальной рекламы – тем лучше общество // Комсомольская правда. URL: <http://www.saratov.kp.ru/daily/26434/3306067> (дата обращения: 04.04.2016).
- 6 См.: Информационное агентство «Саратов сегодня». URL: <http://www.saratovsegodnya.ru/novosti/28-February-2015-i13929-za-2014-god-v-regione-bylo> (дата обращения: 10.04.2016).
- 7 См.: Государственная программа Саратовской области «Информационное общество на 2014–2017 годы» // Официальный портал Правительства Саратовской области. URL: <http://www.saratov.gov.ru/informers/e-government/program-information-society/> (дата обращения: 10.04.2016).

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е. Реализация и поддержка социальной рекламы на федеральном и региональном уровнях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 409–412. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-409-412.

УДК 331.556: 316.4(100)

РАЗВИТИЕ ФОРМ МИГРАЦИИ ТРУДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Т. В. Черевичко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматриваются формы миграции труда и их трансформация в контексте процессов глобализации. Особое внимание уделено вопросу «миграции знаний».

Ключевые слова: миграция, формы миграции, глобализация, мировая миграционная политика.

Development of Labor Migration Forms under the Influence of Global Processes

T. V. Cherevichko

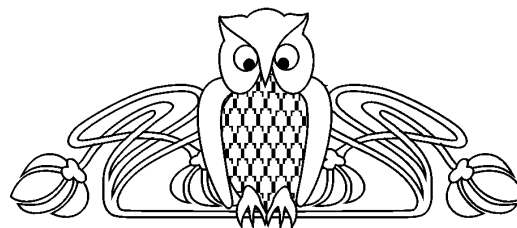
The article shows labor migration forms and their transformation in the context of globalization processes. Special attention is paid to the question of «knowledge migration».

Key words: migration, migration forms, globalization, world migration policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-413-415

Современный этап развития экономики России можно охарактеризовать как трансформационный, протекающий с кризисными проявлениями. Причем все трансформационные процессы российской экономики происходят на фоне процессов глобализации, что порождает самые разнообразные формы проявления содержания экономических явлений. Не являются исключением и миграционные процессы. Если глобальные перемещения финансовых ресурсов, капитала нематериальны, то локальный результат перемещений человеческого ресурса вполне очевиден.

Последнее время ознаменовано постоянными волнами массовой миграции миллионов людей, приобретающими все больше глобальный характер. Так, с начала 2000 г. произошли серьезные изменения в структуре миграции: за последние 15 лет миграционные потоки увеличились на 32%, и в настоящее время насчитывается 232 млн мигрантов. Миграционные потоки более не представлены исключительно направлением Юг – Север (40%), актуальным также становится направление Юг – Юг (33%). Значительная часть мигрантов покидает родину по сугубо экономическим причинам – глобализация производства сопровождается глобализацией рынка труда. Другая их часть – это вынужденные переселенцы и беженцы. Но, несмотря на различные причины миграции и на сложившееся глобальное пространство, мигранты своим движением продолжают «перемещать события, знания и

культуру». И это неслучайно. Ведь экономическая глобализация не является изобретением последней четверти XX в. Она постоянно сопровождает развитие человечества, но ее темпы, интенсивность, уровень воздействия на жизнь стран, народов и отдельного человека постоянно видоизменялись. По нашему мнению, формы миграции, являясь проявлением ее функций, во многом отражают динамику экономической глобализации.

Вопрос о формах миграции относится к числу наиболее сложных и малоизученных в экономической теории, несмотря на то, что именно форма придает бытие каждому явлению. За время реформ в российской экономике появилось множество новых форм проявления миграционных процессов, которые появились в результате «переплетения» между собой традиционных форм миграции. При этом одновременно с новыми формами продолжают существовать и прежние.

Диалектика развития любого экономического процесса, в том числе и миграционного, проявляется в единстве всеобщих, общих и специфических форм. Экономическое пространство существует в постоянном движении этих форм, специфическое имеет тенденцию движения к всеобщему, а всеобщее содержит в себе специфическое, к которому постоянно происходят не количественные, а качественные изменения. Эти переходы слабо фиксируются системой научных понятий.

Экономической наукой признан тот факт, что миграция в процессе своего функционирования проявляется во всеобщей форме – в форме движения. Главным определением формы является ее единство. Миграция вообще – это пространственное движение населения. Свойством данной формы миграции выступает ее постоянство, самоидентичность. Здесь нет ее проявления ни особенной формой миграции, ни отдельной, отличной от других форм миграции. Миграция вообще обладает реальным существованием, отличным от особенных, реальных форм миграции. Всеобщее – это не многократно повторяющееся в каждом отдельно взятом единичном предмете сходство, которое представляется в виде общего признака. Прежде всего оно – *закономерная связь* двух (или более) особенных индивидов, которая превращает их в моменты одного и того же конкретного и реального, а отнюдь не только номинального единства. И последнее гораздо резоннее представлять как совокупность различных особенных моментов, нежели в виде неопределенного множества безразличных друг другу единиц. Всеобщее выступает тут как за-

кон¹. Итак, реальность всеобщего – закон, но закон в его реальности осуществляется не как абстрактное правило, а только как тенденция, обнаруживающая себя в поведении единичных явлений. Таким образом, миграция как всеобщая форма – это движение, которое прослеживается в поверхностных формах миграции, таких как территориальная, интеллектуальная, косвенная, виртуальная и т. д.

В настоящее время теория форм обогащена исследованиями принципов организационной устойчивости, равновесия, относительного сопротивления. В этой связи динамика форм миграции может быть рассмотрена в вертикально-историческом и горизонтально-структурном разрезе.

Исследование форм миграции позволяет по-новому взглянуть на проблему периодизации истории. Каждая форма миграции – это особый тип мышления индивидуума, и особый способ передачи информации, и условие формирования особого типа глобализации. Если эти признаки принять в качестве критерия разграничения исторического пространства, то можно выделить три крупных стадии – мифологическую, традиционную (немногомерную) и многомерную².

В вертикально-исторической классификации формы миграции образуют узловые пункты концентрации и перераспределения населения, культуры и информации (знания). Такая классификация близка к традиционной формационной классификации. Для каждого периода жизни человека и общества характерны свои отношения и формы миграции. При смене формаций происходит и трансформация форм миграции, ее причина. В этой связи становится актуальной проблема организационной устойчивости форм миграции. Бытие не может принадлежать беспредельному, бытие должно быть фиксировано в определенных границах, должно быть устойчивым. Это устойчивое состояние есть форма³. Нет необходимости доказывать, что по мере развития общества происходит и усложнение общественной жизни: например, рост числа населения приводит к экономическому развитию и возникновению новых связей. Новое сохраняется и растет, но и старое не исчезает. В конечном счете это способствует накоплению внутренней неустойчивости форм, что может привести к кризисам. В частности, для общества на ранних стадиях развития кризис традиционно выражался в «перенаселении», что приводило к территориальной миграции.

Люди существуют на Земле, как принято считать, на протяжении 800 поколений. Статичные (патриархальные) общества, на которые приходится большая часть человеческой истории, не видели особой разницы между прошлым и настоящим. Часто говорят, что «традиционные общества» не подвержены переменам. Однако вряд ли какое-нибудь общество может остаться неизменным на протяжении нескольких поколений. Ни одно общество не свободно от внешнего влияния. Воздействие внешней среды на жизнь общества вызывает от-

клонения от нормы (традиционного образа жизни). В качестве примера перемен, которые приносятся извне, можно назвать: военные действия, эмиграцию и странствующих торговцев. Переселение (движение) под воздействием этим перемен направлено на сохранение устойчивости общества и является частью процесса развития.

Для патриархальных (родовых и феодальных) обществ была характерна малоподвижность населения. Это говорит о том, что миграция осуществлялась в простой, консервативной форме. Можно сказать, что в этот период миграция была «вещью в себе». Форма, в которой систематизировалось и передавалось тогда знание, представляла собой религиозные традиции. В течение длительного времени такие общества существовали, обходясь наличным запасом информации и знаний. Функциональная потребность в новых идеях была невелика. Традиция считалась священной и неприкосновенной. Информация концентрировалась в виде обычаев или правил. Абсолютно все регулировалось этими правилами: организация общины и труда ее членов и даже незначительные территориальные перемещения людей. Значительные перемещения людей в этот период носили стихийный характер, одной из причин которых в большей степени являлись природные катаклизмы или, как отмечалось ранее, кризис «перенаселения». В качестве характерных особенностей форм миграции данного периода можно назвать крайний консерватизм в перемещениях, обусловленный бедностью накопленного опыта. Так как накопление опыта происходило стихийно, без определенной связи и последовательности, то приращение знания было случайным. Но когда происходил разрыв общины с ее территориальной средой, не дававший для нее достаточно притока жизненно необходимых ресурсов (что характерно для кризиса «перенаселения»), община переселялась на новое место. Таким образом, истоки миграционной активности связаны с целью и отклонением. Без отклонений нет информации, нет развития. Определяющая роль отклонения отражена в «золотом правиле» саморегуляции: само отклонение от нормы служит стимулом возвращения к норме⁴. Иначе говоря, для малоподвижных обществ стихийным двигателем прогресса были бедствия «перенаселения» и территориальная миграция.

По нашему мнению, данной «мифологической» стадии развития человечества соответствует особая форма глобализации – «взлотекущая», как и миграция «вещь в себе».

В дальнейшем каждая историческая эпоха ознаменована своими путешествиями – переселениями народов, захватническими походами, географическими открытиями. И всякий раз это происходило лишь тогда, когда накапливались соответствующие предпосылки – экономического, экологического и структурного характера. Этому периоду, на наш взгляд, соответствует определенный прогресс в развитии мировой торговли, ко-

лонизации стран, что в некоторой степени можно охарактеризовать как «прогрессивную» форму глобализации.

Экономическое развитие различных стран и распространение культуры в дальнейшем во многом зависело от разделения труда. Разделение труда легло в основу преобразования социальной жизни вообще и мышления в частности. Прогрессу в накоплении опыта, совершенствовании знания во многом способствовала и миграция населения. Ведь проще и быстрее накопить опыт путем заимствования в процессе отношений между жителями различных регионов и стран, которые развертывались в обмене товарами, и ремесленниками, порождаемыми тем же разделением труда. Великие географические открытия расширили границы мирового экономического пространства. Европейским народам открылись почти беспредельные пространства новых земель для заселения. После географических открытий знания и культура открывателей и колонизаторов стали нитью экономической и духовной жизни на завоеванных территориях.

По мнению К. Саломона, именно западноевропейская культура, распространенная первоначально в Америку, а затем и в Азию и Океанию, является основой мирового экономического развития⁵. Только за период с 1846 по 1940 г. в Северную и Южную Америку из Европы эмигрировало около 60 млн человек. Миграционные процессы связали и продолжают связывать разные цивилизации, разные культурно-экономические ценности, исторически сформировавшиеся в ином пространстве и времени⁶. Столь значительные миграционные процессы означают своеобразную «структурную» перестройку мира, перераспределение возможностей различных стран в мировой экономике, что характеризует «структурную» форму глобализации. Здесь можно говорить о развитии таких форм миграции, как экономическая и культурная. Мигрант представляет собой «персонафицированное» знание, опыт. Причем для него знание, накопленное человечеством, выступает одновременно и как исходный пункт, и как цель его движения. Его личное участие в процессе производства и накопления знания заключается в том, чтобы приплюсовать к исходному знанию (полученному в процессе образования) новое, которое осуществляется через его реализацию, его воплощение в практической деятельности. Следует отметить, что процесс производства и накопления никогда не начинается «с самого начала», а осуществляется как совершенствование уже наличного опыта и знания, как преобразование уже накопленного. Иными словами, имеет место процесс расширенного воспроизводства знания посредством миграции. Если фиксиро-

вать формы, которые расширяют информацию, то возрастающее значение – его применение – дальнейшее накопление знания, что свидетельствует о «саморазвитии» исходного знания мигранта. Так как движение (миграция), в котором мигрант присоединяет к себе новое знание, есть его собственное движение, следовательно, его развитие есть самовозрастание знания. Иначе говоря, мигрант получает некую способность производить знание в силу того, что он сам является носителем знания. Можно предположить, что по мере развития общества мигрант все более становится носителем информационных ресурсов. А экономическая глобализация проявляет себя в «интеграционной» форме.

Таким образом, миграция населения, экономическое развитие и распространение культуры – взаимосвязанные и взаимозависимые процессы. В процессе миграции происходит отбор информации с учетом преемственности и ценности новых «порций» информации для экономического развития. Число таких порций информации непрерывно растет, и они начинают складываться в определенную структуру связей. Принцип «интеграция до миграции» должен стать основополагающим для глобального сообщества. Реализация данного принципа позволит интегрироваться мигрантам в принимающих странах, обеспечивая тем самым их вовлеченность в глобальное экономическое пространство. Такое интегрирование и передача информации посредством миграции труда является одной из особенностей глобальной экономики.

Примечания

- 1 См.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С. 272.
- 2 По мнению В. Алтухова, многомерный мир означает новую ступень человеческой истории. См.: Алтухов В. Многомерный мир третьего тысячелетия // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 30.
- 3 См.: Гайденко П. П. Бытие и разум // Вопр. философии. 1997. № 7. С. 122.
- 4 См.: Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 39.
- 5 См.: Саломон К. Культурная экспансия и экономическая глобализация // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 105.
- 6 «По Боклю, прогресс цивилизация определяется прежде всего расширением и углублением знаний, большим распространением его к народу, поскольку великие догматы, из которых слагаются нравственные системы, практически не подвергаются изменениям» (Ведута Е. Н. Государственные экономические стратегии. М., 1998. С. 5).

Образец для цитирования:

Черевичко Т. В. Развитие форм миграции труда под воздействием глобальных процессов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 413–415. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-413-415.

УДК 316.74:2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ЦЕРКОВНЫХ И ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ В РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ufim75@mail.ru

Статья содержит историко-социологический обзор институциональных особенностей первых церковных и воскресных школ в России, осуществляемый с опорой на труды С. И. Миропольского, Н. А. Лавровского, Я. В. Абрамова. Описываются исторические и социальные условия возникновения церковных и воскресных школ в России. Рассматриваются цели и сфера деятельности первых церковных и воскресных школ, основные принципы, образовательные идеалы и социальные нормы, присущие данным образовательным учреждениям, система социальных статусов и социальных ролей, представленных в структуре церковных и воскресных школ, особенности внутриинституционального и внеинституционального взаимодействия субъектов церковного и воскресного образования, факторы, препятствующие развитию церковного и воскресного образования на этапе их возникновения. Представлена роль государства, Церкви и общественности в распространении церковных и воскресных школ в российском обществе.

Ключевые слова: церковные школы, воскресные школы, система церковного образования, Русская православная церковь.

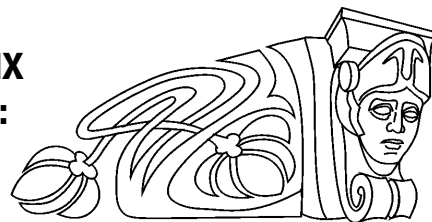
Institutional Features of the First Church and Sunday Schools in Russia: Historical and Sociological Overview

E. I. Ufimceva

This article contains an overview of the historical and sociological institutional features of the first church and Sunday schools in Russia, carried out by drawing on the works of S. I. Miropol'skii, N. A. Lavrovskii, Y. V. Abramov. It describes the historical and social conditions of the emergence of church and Sunday schools in Russia. This article discusses the purpose and scope of activities of the first church and Sunday school, the basic principles, educational ideals and social norms inherent data to educational institutions, a system of social status and social roles represented in the structure of the church and Sunday school, features inter-institutional and extra-institutional interaction between the subjects of the Church and Sunday's formation, the factors hindering the development of the church and Sunday education at the stage of their origin. Presented role of the State, the Church and the public dissemination of the church and Sunday school in the Russian society.

Key words: church schools, Sunday schools, church education system, Russian Orthodox Church.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-416-422

«Кто посвящает себя воспитанию юношества, тому должны быть ведомы и дороги судьбы родной школы нашей... Когда мы узнаем, как возникла наша школа, чем она была, чем жила, какую силою она росла, каких подвижников и страдальцев за русскую землю создала она, какие невзгоды перенесла она, какие идеалы завещала нам, мы лучше пойдем и вернее оценим, чем она должна быть и в наше время. А это дело великой важности».

С. И. Миропольский¹.

В современных условиях реинституционализации церковно-приходского образования Русской православной церкви (РПЦ) социальный анализ исторического опыта организации церковных школ, сложившегося в России за тысячелетний период (с X по XX вв.), может быть востребован на всех уровнях церковного образования: от управленческого аппарата до педагогических кадров. Эта востребованность может проявиться как в аспектах разработки нормативных документов церковно-приходского образования, восстановления института попечителей церковных школ, разработки эффективных моделей их внутриинституциональных и внеинституциональных взаимодействий, так и в аспектах разработки целей и функций церковно-приходского образования в условиях секулярного общества, определения места церковных школ в российском образовательном пространстве и пространстве Церкви, поиска современного идеала церковного воспитания. С нашей точки зрения, для изучения исторического приходского образовательного опыта Русской православной церкви необходимо обратиться к трем его источникам. Первым выступает система церковно-школьного образования РПЦ, окончательно сложившаяся в России во второй половине XIX в. На начало XX в. она включала учебные заведения начального и средне-профессионального церковного образования. В первую группу входили церковно-приходские школы (с 1862 г.), школы грамоты (с 1891 г.), воскресные школы (с 1891 г.)². Они давали элементарное начальное образование. Вторая была представлена церковно-учительскими школами, готовящими начальные педагогические кадры. В качестве второго источника современных церковно-приходских воскресных школ РПЦ можно назвать светские воскресные школы, появившиеся в России в конце 50-х гг. XIX в. Третьим ис-

точником выступают воскресные и четверговые школы, созданные в среде русской эмиграции в 20-е гг. XX в. В данной статье будет представлен обзор институциональных особенностей первых церковных и воскресных школ в России.

Утверждение христианства на Руси в X в. потребовало создания системы образования для усвоения христианской веры. Эту функцию взяли на себя первые образовательные учреждения – церковные школы. Н. А. Лавровский отмечает: «История древне-Русских училищ, по несомненным летописным свидетельствам, ведет свое начало от водворения христианства в нашем отечестве. Достопамятные слова летописца: “Послав (Владимир) нача поимати у нарочитое чади дети, и даяти нача на ученье книжное” составляют точку исхода этой истории»³. Мнению Н. А. Лавровского вторит С. И. Миропольский: «Наша древняя школа не отделима от церкви: вместе с нею она явилась, от нее питалась, ее духом жила и в ней черпала свою силу. Поэтому первыми рассадниками духовного просвещения Руси были храмы, школы же являлись учреждениями церкви. <...> Школа не может гордиться своими заслугами, как учреждение самостоятельное: если ею и совершено много доброго народу Русскому, то только потому что она была учреждена церковью, при церкви, и руководилась пастырями ее»⁴.

Организаторами первых школ были князья. Руководило школами духовенство: епископы и священники. «Само духовенство смотрело на себя, как на главное орудие образования, считало просвещение народа, устное и книжное, своею обязанностью, выполнением долга и призвания. Его непосредственному ведению вверена была вся нравственная жизнь народа, которая служит основанием и других его явлений»⁵. Школы при храмах строились князьями, но потом поддерживались и содержались приходами – русской общиной, объединившейся вокруг православного храма. Таким образом, первые школы на Руси были в полном смысле слова «церковно-приходские», т. е. создавались как духовенством, так и крестьянской общиной. В деле распространения церковного образования власть, Церковь и общество были солидарны.

Образование в рассматриваемый период было бесплатным, всеобщим, т. е. школы открывались во всех землях, для всех сословий «детей знатных, средних и убогих», для мужчин и женщин. Обучение в школах проводилось для детей. Оно, как и посещение школы, было добровольным и свободным, велось на родном, национальном языке.

Основной функцией первых церковных школ было нравственное воспитание, основанное на Евангельском идеале: «Русский народ выносил из этой школы грамотность, любовь к православной церкви, верность государю и отечеству, здоровый, правильный взгляд на жизнь и

ее значение, христианские убеждения о правде, о любви, о послушании Церкви, о долге, о совести, о высшем призвании человека»⁶. Это воспитание осуществлялось через форму религиозного просвещения, т. е. наставления в христианской вере, переходившего из язычества в христианство древнерусского народа. Обучение грамотности было только средством для достижения главной цели. В то же время первые школы несли на себе дополнительную функцию подготовки будущих священнослужителей. Идеал воспитания древнерусской школы – христиански-евангельский, сочетающий любовь к Богу, людям, правде, отечеству, верность, смирение, честность в житейских отношениях, миролюбие, верность слову, дела милосердия, почитание родителей и старших, презрение к лени, внутренне самоограничение и самоуправление, кротость и послушание.

Элементарный характер обучения включал: чтение религиозных текстов, письмо (переписывание священных текстов) и церковное пение. Примечательно, что особого предмета – Закона Божия – не было, так как все три предмета, которым обучали, в совокупности составляли Закон Божий. Все изучаемое объяснялось, разбиралось, заучивалось. Первой учебной книгой была Псалтырь. Учение начиналось и заканчивалось молитвой.

В эпоху феодальной раздробленности и Монгольского ига (1238–1480), когда как храмы, так и церковные школы были не всем доступны по причинам их разрушения или миграции самого населения, возникают первые школы грамоты. Школы грамоты подчинялись духовной власти и сохраняли церковный характер обучения. Однако учителями в них были частные платные учителя. Школы грамоты устраивались в сельских общинах, которые приглашали учителя, назначая ему общее содержание от деревни или частное – от родителей учащихся. В 1891 г. школы грамоты официально будут включены в общую систему церковно-приходского образования.

Первые воскресные школы, как указывают современные исследователи, представляли собой образовательные учреждения двух типов: во-первых, церковные школы, предназначенные для конфессионального воспитания детей и юношей; во-вторых, светские школы, обеспечивающие доступ к получению грамотности людям, не имеющим возможности учиться в обычных школах, как детям, так и взрослым. А. В. Агеева с ссылкой на Д. Д. Вольфсона отмечает, что церковно-приходские воскресные школы появились раньше светских. Это были школы при Иркутских и Нерчинских монастырях, существующие с 1750 г. и закрытые в 1789 г.⁷ О времени появления первых светских воскресных школ мнения ученых разнятся. Первая светская воскресная школа, по общему мнению А. В. Агеевой и Е. А. Никитской, была открыта в 1859 г. в Киеве известным российским врачом и педаго-

гом Н. И. Пироговым⁸. В то же время Я. В. Абрамов утверждает, что начало возникновения воскресной школы было положено в апреле 1859 г. в Санкт-Петербурге М. С. Шпилевской, открывшей у себя дома частную школу для бедных девочек⁹.

Воскресные школы в России возникли на волне общественного движения за организацию народного просвещения, охватившего в 1850-х гг. все слои российского общества. Как отмечает Е. В. Крутицкая, русское образованное общество было воодушевлено нести просвещение в народные массы¹⁰. Начало этому движению было положено Указом Александра II от 5 мая 1856 г. «О принятии учебных заведений народного просвещения под ближайшее Его императорское наблюдение и попечение», в котором отмечалось, что народное образование является «залогом будущего благоденствия нашей возлюбленной России»¹¹. Примечательно, что в этот же период такое же движение имело место и в Европе.

Как отмечает Я. В. Абрамов, идея организации воскресных школ возникла приблизительно в одно и то же время у разных людей разных сословий¹². Если первая школа в Санкт-Петербурге была открыта в апреле 1859 г., то к январю 1861 г. там было открыто уже 14 школ, из которых 5 – женских, 8 – устроены Санкт-Петербургской Ремесленной Управой. Первая воскресная школы Москвы появилась 12 июня 1860 г., затем еще три. С активной поддержки и поощрения воскресного образования попечителем Киевского учебного округа Н. И. Пироговым студенты Киевского университета в количестве 17 человек и один студент духовной академии 11 октября 1859 г. основали воскресную школу, получившую наибольшую известность среди первых воскресных школ. Идея открытия данного образовательного учреждения исторически приписывается доктору исторических наук, политической экономии и статистики, экстраординарному профессору русской истории Киевского университета Платону Васильевичу Павлову. Ему же был поручен надзор за данной школой. По примеру воскресных мужских школ начальницей 2-й Киевской женской гимназии Нельговской 31 января 1860 г. была открыта женская воскресная школа. Свой вклад в развитие воскресных школ Киева внесли учащиеся гимназий, основавшие при 1-й Киевской мужской гимназии воскресную школу и ставшие ее первыми учителями. В период с октября 1859 г. по ноябрь 1860 г. в Киеве было открыто 8 воскресных школ. В провинции воскресные школы стали возникать с 1859 г. в городах Екатеринославе (ныне Днепр, Украина), Могилеве, Казани, Рязани, Одессе, Елисаветграде (Крапивницкий, Украина), Архангельске.

Цели, ради которых открывались первые воскресные школы, разительно отличались от целей первых церковных школ. Воскресные школы

создавались, прежде всего, для обучения грамоте детей и юношества городского ремесленного сословия. Поэтому во многих из них велось дополнительное профессиональное обучение. Девочек обучали рукоделию. Мужская воскресная школа Санкт-Петербурга, созданная при учебном фехтовально-гимнастическом кадре, ставила также целью обучение гимнастике. Еще в воскресных школах осуществляли подготовку детей из бедных семей для поступления в гимназию.

Учредителями первых светских воскресных школ были представители всех образованных сословий: дворянства, военного сословия, купечества, мещанства, как мужчины, так и женщины. Активную роль в создании первых воскресных школ сыграли преподаватели и студенты вузов, духовных семинарий, гимназисты. В большинстве своем учредители или инициаторы воскресной школы сами же и выступали в роли преподавателей.

Управление школами осуществлялось учебными советами, в которые входили все работавшие в данных учебных заведениях. В функции учебного совета входило: решение педагогических вопросов; разбор замечаний и предложений, поступающих от различных категорий граждан; знакомство с новыми преподавателями и учащимися; заказ учебных пособий; поиск материальных средств для воскресной школы; ведение книги пожертвований и др. Учебный совет в разных школах собирался по-разному: 1) каждый раз, когда проходили занятия; 2) раз в две недели; 3) раз в месяц. Заседание совета проводилось во время урока Закона Божия, который вел священник.

Из учителей выбирался распорядитель школы как представитель и уполномоченный школы во всех делах. В качестве распорядителя школы мог неоднократно выбираться один и тот же преподаватель, или обязанности распорядителя должны были выполнять все преподаватели по очереди. В функции распорядителя входило: распределение новых учащихся по группам в зависимости от степени их учебной подготовки; ознакомление со школой новых учащихся, преподавателей или «представителей общественного контроля»; распределение учебных пособий; консультирование новых преподавателей и обеспечение замены отсутствующих; составление отчета о деятельности воскресных школ; распределение материальных и финансовых средств; обеспечение учебного процесса всем необходимым; формирование бюджета школы; ведение распорядительной документации; работа с замечаниями посетителей школы; составление информационных материалов для публикации в СМИ.

Первые воскресные школы отличало наличие механизма общественного контроля. Примечательно, что контроль за проведением занятий позволялся каждому посетителю, который мог

сообщить свои замечания устно распорядителю школы или письменно в специальной книге, но не учителю, которого касались данные замечания. Посторонние лица могли присутствовать на заседаниях учебного совета. В целях обеспечения общественного контроля за деятельностью школы и информирования о ней широкой общественности в периодической печати еженедельно публиковались сведения о количестве, возрасте, национальности, вероисповедании, сословии учащихся и о количестве, сословии преподавателей, об учебной программе, а также важные постановления учебного совета. Обязанность регулярно публиковать информацию о своей деятельности школы определяли для себя самостоятельно. Принципы информационной открытости и доступности воскресных школ проявлялись в том, что учебные советы предоставляли информацию о школах всем, кто интересовался ими.

Преподавателями воскресных школ были чиновники, офицеры, студенты, классные дамы. Обучали они детей бесплатно. В некоторых школах учителем можно было стать только по рекомендации уже служащих в школе преподавателей. Требования к преподавателю определяли правила его взаимодействия с учениками и коллегами. В качестве иллюстрации таких требований можно привести те, которые прописаны в правилах мужской воскресной школы при учебном фехтовально-гимнастическом кадре Санкт-Петербурга: «Поступающие в школу учителями соглашаются признать нравственным обязательством строго иметь в виду удовлетворять потребность учащихся знать, а не своей потребности учить. Поэтому, во-1-х, учителя при объяснении читаемого должны строго сообразовываться со степенью развития понятий своих слушателей, не вдаваясь в бесцельные и непонятные отвлекающие умствования. Во-2-х, между учителями для помощи общему делу устанавливается нравственная круговая порука, во имя которой всякий, заметив, что его товарищ уклоняется от цели, имеет право указать ему на это, а получивший указания, принимает его добросовестно, устранив вопрос личного самолюбия. В-3-х, учителя внимательно следят за впечатлением, производимым на учащихся преподаванием, если последние не внимательны, то должны приписывать такое явление скорее не слабостям учеников, а недостаткам преподавания. В-4-х, учеников, не подходящих к составу кружка (то есть слишком слабых или сильных), учителя передают распорядителю школы, который переводит их в другие кружки, соответствующие их способностям и познаниям <...> В-6-х, необходимым условием со стороны наставников, равно как и учащихся, поставляется вежливость обращения»¹³. В некоторых школах обращение к ученикам на «ты» заменялось на «вы». Учителя, намеренно нарушавшие школьные правила, а также «унижившие значение школы», оскорбившие кого-либо из

учеников или учителей, лишались права быть в школе. Школа имела право отстранить преподавателя от преподавания, оставив его членом учебного совета с правом голоса.

Социальный портрет учеников первых мужских воскресных школ можно описать на примере контингента воскресной школы, открытой на Подоле. Состав учеников этой школы включал 75% ремесленников, 76% представителей мещанского и крестьянского сословий, 54% в возрасте от 10 до 15 лет и 35% в возрасте от 15 до 20 лет. Количество учащихся в школах разнилось от 20 до 350 человек. Открывались воскресные школы и для детей арестантов. Учащиеся относились к новым образовательным учреждениям с большим доверием, а к обучению с большим рвением. Так, через два воскресенья после открытия в июне 1860 г. воскресной школы при Владимирском уездном училище Санкт-Петербурга было 355 учеников и 25 преподавателей. Следует отметить, что стремление представительниц женского пола к получению образования вызывало удивление общественности. По мнению Н. В. Стасовой, основной причиной глубокой заинтересованности представителей низшего сословия в обучении, несмотря на все сложности, было искреннее им сочувствие организаторов воскресного образования: «То, что учителя отдавали всю свою душу, были действительно полны гуманным чувством, и приходящие глубоко чувствовали, что в воскресных школах они найдут и ласку, и науку не схоластическую. Обе стороны бежали друг к другу, не гнушались, хотели быть друзьями, облегчать труд и тяжесть будничность мрачной жизни. Какое было время!»¹⁴

Для поступления в школу достаточно было присутствовать на занятиях. Фамилии и адреса учащихся заносились в журнал. Контингент учащихся делился на три группы по степени грамотности: неграмотных, знающих грамоту и хорошо читающих. Занятия длились 3–4 часа. Учебная программа школ включала: Закон Божий (30 минут), чтение с объяснением и чистописание (1,5 часа), арифметика (30 минут), гимнастика (15 минут). Предметы преподавались по группам, а Закон Божий всем вместе. Группы подразделялись на кружки в количестве 6–8 человек. За каждым кружком закреплялся постоянный преподаватель. Необходимость закрепления постоянного преподавателя за группой учащихся объяснялась важностью формирования нравственной связи между учеником и учителем при первоначальном обучении. Каждый преподаватель должен был иметь помощника, который мог бы его заменить в случае необходимости. Порядок проведения занятия определялся преподавателем свободно. Преподавание проводилось в форме общедоступных бесед. Книги использовались как во время классной работы, так и выдавались учащимся на дом. В некоторых школах при каждом посещении занятий учащимся выда-

валось удостоверение их посещения воскресной школы, которое предъявлялось родителям или работодателям.

Основные проблемы, возникшие в процессе организации первых воскресных школ, заключались в поиске материально-технических ресурсов для обеспечения процесса обучения, в недостаточности педагогических кадров, в отсутствии специальных учебных пособий для учащихся воскресных школ, в недоверии обществу, в открытом сопротивлении развитию воскресных школ со стороны торгового сословия, в нерегулярности посещения учебных занятий учащимися, в бюрократизации процесса распространения воскресных школ со стороны Министерства народного просвещения.

Материальное обеспечение первых воскресных школ включало аренду помещения, труд преподавателей, обеспечение обучающихся школьными принадлежностями и учебными пособиями. Расходы на образовательную деятельность воскресных школ были очень небольшие, так как помещение предоставлялось бесплатно, преподавательский труд не оплачивался, необходимые средства требовались только на обеспечение обучающихся школьными принадлежностями. Средства на эту статью расходов находились за счет частных и общественных пожертвований. История сохранила описание различных форм и способов финансирования воскресного образования, которые получили распространение в Киеве. Желание организаторов обеспечить открывшиеся школы постоянным доходом способствовало открытию публичной подписки в пользу этих школ. Другими словами, киевский генерал-губернатор получил от министра внутренних дел право публиковать в местной газете объявления о принятии пожертвования в пользу школ. Однако данное мероприятие оказалось совершенно неэффективным и не дало никакого результата. Тогда организаторы стали искать иные способы поиска и сбора средств для воскресных школ. Прежде всего, было сделано обращение в городское управление об осуществлении постоянного финансирования новых учебных заведений. При поддержке киевского генерал-губернатора городская власть выделяла 150 рублей в год на все воскресные школы. В свою очередь, дамы киевского высшего общества под предводительством супруги генерал-губернатора стали устраивать концерты и спектакли, выручка от которых переводилась в пользу воскресных школ. Студенты университета организовали субботние литературные вечера, а вырученные средства передавали в фонд воскресных школ. Дважды в киевском театре для сбора средств были организованы любительские спектакли с учетом выплат за аренду помещения.

Материальное обеспечение первой воскресной школы Москвы осуществлялось за счет следующих статей сбора средств:

- публичная подписка;
- организация московскими литераторами «литературного утра»;
- пожертвования московского генерал-губернатора;
- пожертвования, собранные через объявление в «Московских ведомостях»;
- пожертвование книг московскими книготорговцами.

Санкт-Петербургские школы получали еще пособие от ремесленного общества.

Для помещения воскресных школ использовались квартиры учредителей, учебные помещения военных частей, здания уездных училищ и гимназий. Например, в квартире М. С. Шпилевской были выделены две комнаты, в которых размещались длинные столы и табуреты. В этом помещении обучались около 30 учениц. Помещение для воскресных школ охотно предоставляло военное ведомство, которое активно поддержало инициативу распространения воскресного образования. Министерство народного просвещения не только выделяло помещение в зданиях уездных, приходских училищ и гимназий, но и обязывало данные образовательные учреждения предоставлять для занятий воскресным школам все свободные принадлежащие им помещения. Для получения такого помещения распорядителю воскресной школы достаточно было обратиться к руководителю учебного округа.

Перед первыми воскресными школами остро стояла проблема учебных пособий. Специальных учебных пособий для подобного обучения не существовало, а те источники, которые использовались для чтения, были мало пригодны для осуществления образовательных задач. Например, библиотека воскресной школы гальванической роты Санкт-Петербурга состояла из солдатских рассказов Погоссакого, учебника «Божий мир» Разина, некоторые статьи которого были мало доступны для понимания учеников, учебника «Друг детей», переведенного с немецкого и мало адаптированного под описание российской действительности. Учителя искали выход из положения путем чтения, перевода и переделывания с учетом российской действительности английских книг, издававшихся для народного чтения.

В Санкт-Петербурге, так же как и в Киеве, остро стояла кадровая проблема. Зачастую учителя не имели никакого педагогического опыта. Им приходилось самостоятельно разрабатывать систему обучения. Ситуация с женскими воскресными школами осложнялась еще недостаточностью образованных женщин в российском обществе.

В отношении к появившейся новой форме общего образования в российском обществе не было единодушия. Православное духовенство особой заинтересованности к организации воскресных школ не проявило и осталось практиче-

ски безучастным в этом вопросе, за исключением обязательного преподавания Закона Божия. В то же время инициатива открытия воскресных школ была активно поддержана военным ведомством и Министерством народного просвещения. Представители этих органов власти присутствовали на открытии воскресных школ, которое обязательно сопровождалось всеобщим молебном. Открытие воскресных школ, их деятельность освещалось в местной печати. Министерство народного просвещения не только поддержало народную инициативу развития воскресного образования, но в скором времени взяло на себя функции его управления и контроля.

Идея открытия воскресных школ встречала поддержку и у местной власти. В каких-то городах губернские власти оказывали административную и финансовую поддержку в открытии воскресных школ, а в некоторых, например в Архангельске, губернские власти прямо рекомендовали содействовать распространению новой формы учебного заведения. Так, один из губернаторов предписал всем цеховым мастерам заставлять своих учеников, «чисто и прилично одетых», обязательно каждое воскресенье посещать школу. Министерство внутренних дел в ответ на это разослало циркуляр, в котором указывало, что принуждение в деле посещения воскресных школ недопустимо, а разъяснительная работа с родителями и работодателями о пользе данных образовательных учреждений возможна.

Несмотря на государственную поддержку воскресного образования, на первом этапе его развития общественность относилась к новой форме обучения равнодушно или настороженно, подозревая учредителей школ в нечистоте намерений. Многие содержатели прислуги, магазинов, мастерских препятствовали посещению молодежью воскресных школ, непосредственно не пуская юношей в школу, как это было в Одессе, или распуская нелепые слухи о воскресной школе, как это было в Полтаве. Хозяева распускали слух, что сами оплачивают обучение своей прислуги в данных школах, а те в свою очередь должны будут им отработать за это бесплатно в течение года. Ходили слухи, что в школе не будут учить бесплатно или начнут вести занятия бесплатно, а потом потребуют заплатить вдвое, что помещики ничему доброму научить крестьян не могут, что преподавателей и учредителей нужно заключить в карцер, что гимназисты, которые ведут занятия, в скором времени оставят эту свою затею, что юношей специально учат, чтобы потом взять их в солдаты. В Старой Руссе объявления об открытии воскресной школы срывали со столбов. Особенно с активным сопротивлением распространению воскресных школ столкнулись женские школы. Мелкие торговцы придумывали для своей прислуги дополнительное дежурство в воскресенье, лишали их обеда под предлогом, что невозможно организовать обед до школы.

Девочки не рассказывали о трудностях обучения, и организаторы школы не сразу узнавали о существующих притеснениях учащихся. Всевозможные препятствия, которые чинили желающим учиться их работодатели, конечно, сказывались на посещаемости школ, что значительно затрудняло образовательный процесс.

Еще одним фактором, затрудняющим развитие воскресного образования, стала несвоевременная (очень скорая) попытка стандартизации образовательной деятельности воскресных школ со стороны Министерства народного просвещения. В мае 1860 г. министерство разработало правила о воскресных школах, согласно которым все воскресные школы должны были находиться в непосредственном ведении ведомства народного образования и относиться к одному разряду с приходскими училищами. Разрешение на открытие школ как частным лицам, так и сословным обществам должен был выдавать учебный округ с ведома местной губернской власти. Контроль за деятельностью воскресных школ возлагался на представителя учебного ведомства, чаще всего директора училищ. Правила требовали отдельного обучения для мужчин и женщин. Возраст обучающихся не ограничивался. Учредители школы могли сами определять график работы школы, но с согласия директора училищ. Устанавливалось единое время, когда должны были проходить занятия – после церковной воскресной службы, чтобы не лишать учеников возможности исполнять религиозные обязанности. Литература, используемая в процессе обучения, должна была утверждаться начальством учебного округа. Содержание воскресных школ могло осуществляться за счет или частных средств, или общественных пожертвований. Помещение для воскресных школ Министерство народного просвещения обязывалось предоставлять бесплатно.

В начале 1861 г. правила для воскресных школ были ужесточены. Повысились требования к образовательной программе, к используемой в процессе обучения литературе (только утвержденная Министерством народного просвещения), к преподавателям (только «благонадежные люди»). Открытие воскресных школ становилось возможным лишь после согласования директором училищ с местной властью. Учредители и преподаватели, осуществляющие образовательную деятельность против религиозных истин, государственной идеологии и нравственных норм поведения, должны быть немедленно отстранены от преподавания. С одной стороны, введенные ограничения не давали возможности учащимся удовлетворить их потребности в обучении, так как лишали возможности образовательной системы гибко реагировать на их запросы. С другой стороны, объективная неспособность первых воскресных школ соответствовать высоким требованиям образовательного

ведомства снизила степень заинтересованности их учредителей и преподавателей в воскресном проекте. В результате возникшего сопротивления – как со стороны общественности, так и со стороны государственных чиновников – развитие воскресного образования с 1861 г. пошло на убыль. С 1862 г. начнется новый период в развитии российского воскресного образования.

Итак, первые воскресные школы имели общие с первыми церковными школами признаки, такие как бесплатность, всеобщность, добровольность обучения. Различия этих школ содержались в целях, системе управления и организации, программе обучения. Если основной целью первых церковных школ было нравственное воспитание, основанное на Евангельском идеале, то воскресные школы были ориентированы на обучение грамоте, а также дополнительную профессионализацию. Первые носили преимущественно воспитательный характер, вторые – общеобразовательный. Если управление церковными школами принадлежало высшему духовенству, то первые воскресные школы находились в ведении Министерства народного просвещения. Первые учреждались представителями власти, князьями, вторые – представителями образованных сословий. Только мужчины из числа лиц духовного звания осуществляли и управление церковной школой, и обучение учащихся. Руководство воскресными школами было коллективным с выделением уполномоченного представителя, преподавателями являлись гражданские чины, как мужчины, так и женщины. Труд преподавателей воскресных школ, как и церковных, был безвозмездным. Церковные школы содержались за счет приходов, воскресные – за счет частных и общественных пожертвований. Отличительными особенностями воскресных школ были информационная открытость и публичная доступность. Различия в целях образовательных учреждений определяло различие их образовательных программ. В первых церковных школах основными предметами были чтение, письмо и пение, направленные на теоретическое познание и практическое усвоение христианского вероучения. Программа обучения воскресных школ включала чтение, чистописание, арифметику и дополнительные предметы в зависимости от особенностей шко-

лы. Обучение вере осуществлялось в рамках отдельного предмета «Закон Божий». В отличие от церковных школ, обучение в воскресных школах осуществлялось с использованием светской, а не духовной литературы. Если в процессе организации первых церковных школ власть, Церковь и общество проявляли солидарность и объединение усилий, то воскресные школы создавались в условиях значительного общественного сопротивления со стороны торгового сословия.

Примечания

- ¹ *Миропольский С. И.* Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб.: Тип. Глазунова, 1910. С. 4.
- ² См.: *Арчебасова Н. А.* Начальное народное образование в Царицынском уезде Саратовской губернии в 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. С. 76.
- ³ *Лавровский Н. А.* О древнерусских училищах. Разсуждение, представленное в историко-филологический факультет императорского Харьковского университета Николаем Лавровским для получения степени доктора славяно-русской филологии. Харьков. Печатано в университетской типографии, 1854. С. 5.
- ⁴ *Миропольский С. И.* Указ. соч. С. 19.
- ⁵ Там же. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ См.: *Агеева А. В.* Церковно-приходские воскресные школы: история возникновения и тенденции развития // *Вестн. ПСТГУ. Сер. 4. Педагогика. Психология.* 2000. Вып. 3 (18). С. 58–66.
- ⁸ См.: *Никитская Е. А.* Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность // *Вестн. ПСТГУ. Сер. 4. Педагогика. Психология.* 2008. Вып. 2 (9). С. 121–132.
- ⁹ См.: *Абрамов Я. В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 10.
- ¹⁰ См.: *Крутицкая Е. В.* Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 55.
- ¹¹ Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX – начало XX. Сборник документов. СПб., 2000. Док. № 74. С. 173.
- ¹² См.: *Абрамов Я. В.* Указ. соч. С. 10.
- ¹³ Там же. С. 28–29.
- ¹⁴ Там же. С. 33.

Образец для цитирования:

Уфимцева Е. И. Институциональные особенности первых церковных и воскресных школ в России: историко-социологический обзор // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2016. Т. 16, вып. 4. С. 416–422. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-416-422.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.422.42

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ОСНОВАНИЯ И ИНДИКАТОРЫ

И. Н. Юренков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: www.igor1992@gmail.com

В статье рассматривается нестабильность социальной системы. Особое внимание уделяется причинам нестабильности социальной системы.

Ключевые слова: нестабильность, социальная система, социальная нестабильность, неравновесность, общество, система.

Analysis of the Instability of the Social System

I. N. Yurenkov

The article discusses the instability of the social system. Particular attention is paid to social causes system instability.

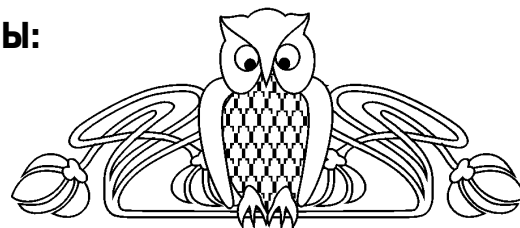
Key words: instability, social system, social instability, disequilibrium, society, system.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-423-424

Известно, что в соответствии с формально-логическим подходом нестабильность социальной системы – это такое ее состояние, при котором она лишена устойчивости и возможности развития в соответствии с изменяющимися условиями. Иначе говоря, существует реальная опасность разрушения данного общества. Это состояние можно также определить как незащищенность социальной системы.

В качестве дополнительных характеристик можно назвать потерю адаптивности, неспособность адекватно воспринимать и перерабатывать внешние воздействия, низкий уровень организации структуры, низкую эффективность компонентов и элементов системы, нерациональность использования внутренних ресурсов, низкий уровень реализации интересов личности.

Понятие нестабильности имеет широкий фундаментальный научный и философский смысл. Согласно некоторым современным представлениям, получающим все большее распространение среди ученых разных научных профилей, нестабильность в смысле неустойчивости является фундаментальной характеристикой всего мироздания. В реальной социальной жизни практически не бывает абсолютной стабильности. В любом обществе всегда имеют место нарушения равновесия внутри социальных систем и между ними, проявления реальной или потенциальной нестабильности. Под нестабильностью понимаются такие изменения структуры, функций или каких-либо

процессов социальных систем, которые деформируют эти системы и угрожают их целостности. Нестабильность может быть и на уровне отдельных социальных систем (нестабильность экономики, государственной власти), их взаимодействия друг с другом, наконец, на уровне всего общества¹.

Совершенно очевидно, что и стабильность, и нестабильность социальной системы – это две крайние точки шкалы возможных ее состояний, зависящих от различных условий и факторов.

В частности, нестабильность социальной системы может быть вызвана, как показывает Э. Ласло, вполне рационально объяснимыми причинами – бифуркациями. Сама нестабильность может быть различного происхождения. Она может возникать вследствие недостаточной ассимиляции или плохого применения инноваций. Толчком к ее возникновению могут быть факторы, такие как, например, гонка вооружений. Нестабильность способно вызывать крушение локального экономико-социального порядка под влиянием учащающихся кризисов. Независимо от своего происхождения, нестабильность с высокой вероятностью распространяется на все секторы и сегменты общества и тем самым открывает двери быстрым и глубоким изменениям².

С. П. Курдюмов определил нестабильность как неустойчивость объекта по отношению к малым возмущениям. Прежде всего, следуя С. П. Курдюмову, отметим связь нестабильности системы с ее неустойчивостью к воздействиям среды³. Но это отражает вполне определенно лишь статический аспект нестабильности. Закономерно возникает вопрос: какое место в определении нестабильности отводится ее динамическому аспекту. Как понятие «нестабильность» соотносится с такими понятиями, как «неравновесность», «несбалансированность», «дезорганизация», «изменчивость».

Неравновесность системы не влечет с неизбежностью ее нестабильности. В то же время при достаточно высоком уровне неравновесности, приводящем к неустойчивости системы, неравновесность будет соответствовать нестабильности.

Изменчивость вообще характерна для любой системы. Ее отсутствие возможно только в самых примитивных физических системах. Стабильная система вынуждена постоянно развиваться, невозможно отсутствие изменений и

в любой нестабильной реальной системе, пусть даже предельно нединамичной.

Решающую роль играет степень относительной изменчивости. Так, чрезмерная изменчивость – революционное бурное развитие, резкое снижение самостоятельности общества или большие территориальные, демографические потери, например, вследствие агрессии – ведет к потере идентичности, характеризуя в конечном итоге нестабильность. Низкая степень изменчивости, как и неравномерное развитие системы, также свидетельствует о нестабильности общества.

Что касается дезорганизации, то это понятие отражает отсутствие порядка во взаимоотношениях элементов системы, нарушение взаимосвязи между ними, характеризуя скорее утрату системных качеств целым, его дифференциацию. Иными словами, это уже или не система, или система гибнущая, поэтому говорить о ней с позиции ее стабильности не имеет смысла.

Другими словами, одним из главных признаков нестабильности является неустойчивость. Даже система, находящаяся в данный момент в состоянии равновесия, но не обладающая определенным запасом прочности, не является устойчивой. Любое малое возмущение может нарушить равновесие, а в худшем случае и привести к разрушению системы⁴.

С другой стороны, для стабильной социальной системы колебания равновесности не страшны и вполне естественны. Они отражают процесс адаптации социальной системы к внешним воздействиям или изменениям условий среды. Система при этом остается устойчивой.

Неустойчивость системы может быть вызвана, в частности, отсутствием сбалансированности ее структуры, низкой ее организацией, а также низкой эффективностью отдельных ее элементов, ответственных за предотвращение и/или ликвидацию последствий того или иного вида воздействий. Например, неразвитый оборонно-промышленный комплекс в условиях военного соперничества не будет способствовать стабильности системы. Проще говоря, он не сможет обеспечить потребности вооруженных сил, и в итоге не будет обеспечена безопасность общества; это может привести к разрушению системы, к потере ее суверенитета или снижению ее самостоятельности. Подобное может произойти и в случае низкого качества внутрисистемных взаимоотношений. В примере с ОПК слабое внимание к нему, имеющееся внутри общества, не способствует эффективному решению стоящих перед ним задач. Также, генерируя противоположные оценки действительности, несопадающие системы ценностей,

такая ситуация снижает совокупный потенциал данного общества.

Нестабильность обусловлена также низкой реализацией человеческого потенциала. Это, прежде всего, означает выключение значительной части людей из процесса стабилизации системы. Происходит это вследствие несовершенства организации системы – несоответствия структуры и социальных технологий стоящим и возникающим задачам, динамизму развития. С одной стороны, система неэффективна с точки зрения использования творческого потенциала людей, она остается невостребованной, что вызывает отторжение личности от системы. С другой – отсутствие удовлетворения потребностей личности приводит как к тому же отторжению от системы, так и к деградации самой личности, а в целом – к снижению совокупного творческого потенциала социальной системы. В результате даже существующие механизмы восприятия внешних и внутренних воздействий, адаптации остаются «обескровленными». Система не может быть стабильной.

Таким образом, наиболее общими причинами нестабильности системы являются значительное отклонение от нормы характера и прочности внутренних связей, сверхнормативные изменения структуры и физических параметров системы, низкая эффективность отдельных элементов системы.

Такую существенную причину, как интенсивность воздействия на систему, мы не рассматриваем, полагая, что существующая здесь зависимость совершенно очевидна: чем более интенсивным является воздействие на систему, тем больше вероятность дестабилизации системы.

Итак, для нестабильной социальной системы характерны: неустойчивость, неравномерность развития, низкая адаптивность к изменениям внешних и внутренних условий и, как следствие, низкий уровень реализации интересов и потребностей большей части населения данного общества. Такая социальная система не обладает достаточной жизнеспособностью, и, следовательно, длительность ее существования невелика.

Примечания

- 1 См.: Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2003.
- 2 См.: Ласло Э. Век бифуркаций. Постигание изменяющегося мира // Путь. 1995. № 7. С. 3–129.
- 3 См.: Курдюмов С. П. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 46–57.
- 4 См.: Абдуллаева Р. А. Нестабильность как одно из возможных состояний социальной системы // Успехи современного естествознания. 2014. Вып. 11 (ч. 1). С. 118–121.

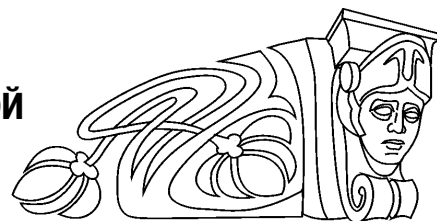
Образец для цитирования:

Юренков И. Н. Нестабильность социальной системы : основания и индикаторы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 423–424. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-423-424.

УДК 316.776.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КИБЕРПРОСТРАНСТВА

А. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: naiperlit347@gmail.com

В данной статье представлены характеристики языковой личности в процессе конструирования социальной реальности киберпространства. Особое внимание уделяется феноменам «текстоцентричность» и «дискурсивная практика», показано, как речевые стили и жанры, развивающиеся в процессе виртуальной коммуникации, конструируют социальную реальность киберпространства.

Ключевые слова: киберпространство, языковая личность, идентичность, текстоцентричность, конструирование социальной реальности.

Transformation of Language Personality in the Process of Constructing Social Reality in Cyberspace

A. A. Kalinkin

This article presents characteristics of linguistic personality in the process of construction of social reality in cyberspace. Special attention is paid to such phenomena as «textcentricity» and «discourse practice», shown how linguistic styles and genres which are created in the process of virtual communication, construct social reality of cyberspace.

Key words: cyberspace, linguistic personality, identity, textcentricity, construction of virtual reality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-425-427

Электронная коммуникация принципиально изменила парадигму общения в современном обществе. Несмотря на то, что информация, выводимая на экран монитора, представляет привычный нам печатный текст, принципы общения в виртуальном пространстве оказывают заметное влияние как на структуру речи собеседников, так и на всю суть интерсубъективной интеракции. Обезличенность самих текстов может размывать идентичность собеседников, усложняя не только идентификацию собеседника, но и самоидентификацию, что в перспективе ведёт к кризису идентичности.

Необходимость в осознании своей идентичности относится к базовым потребностям индивида, испытавшего опыт социализации. Осознавая свою идентичность, индивид отвечает на вопрос «кто я?». В свою очередь, киберпространство рассматривается не просто как очередной коммуникационный канал, а как особая среда, наделённая категориями бытийности, а идентификация в этой

среде включает личностный, социальный и языковой компоненты. Специфика коммуникации через киберпространство побуждает и даже вынуждает индивида примерять маски, выполнять разнообразные социальные роли, менять речевые и поведенческие стратегии. Вследствие этого индивиды вынуждены многократно конструировать свою виртуальную идентичность в социальной реальности киберпространства.

Необходимо выделить роль языка в процессе конструирования социальной реальности, когда язык выполняет экспрессивную и когнитивную функции, осуществляя абстракцию и типизацию в рамках интерсубъективного взаимодействия, в ходе которого и порождаются столь важные для социальной жизни конструкции. Таким образом, язык представляет собой универсальный механизм и среду конструирования социальной реальности¹.

Понимание стереотипных, коллективных и познавательных конструкций позволяет индивиду посредством социальной интеракции генерировать ложные идентичности, самовыражаясь через различные социальные роли, порой чуждые ему в реальности. Качество подобной коммуникации напрямую зависит от владения человеком речевыми навыками, следовательно, изучение идентичности неразрывно связано с понятием «языковая личность» – чем более развита языковая личность, тем сложнее и многограннее её идентичность. Понятие «личность» лучше всего характеризует субъекта конструирования социальной реальности, так как оно позволяет концентрироваться на конкретном индивиде, в то же время не забывая про совокупность социальных отношений, в которых он участвует. Языковая личность – носитель того или иного языка, обладающий навыком использования выразительных средств данного языка при выражении своего взгляда на окружающую реальность и посредством этого достигающий конкретных целей².

Язык является всеобщим культурным достоянием, владение родным языком обусловлено принадлежностью к своей языковой среде³. Полный анализ языковой личности включает:

- характеристику уровня её организации;
- воспроизведение языковой модели мира на основе созданных индивидом текстов;
- выявление ценностей, установок и мотивов поведения, выражающихся через содержание текстов, а также в отношении к текстам, произведённым другими.

Анализ языковой личности предполагает, прежде всего, учёт её когнитивных характеристик. Однако эти характеристики не представлены на всех уровнях владения языком, что позволяет говорить о поэтапности их формирования:

– нулевой уровень владения речью, не позволяющий проявить индивидуальность при использовании семантических конструкций;

– первый уровень, характеризующийся наличием рудиментарной иерархии смыслов и ценностей в личностной картине мира, формирующейся в процессе социализации посредством погружения в языковую среду;

– второй уровень, отражающий цели развития языковой личности и мотивы её поведения через анализ порождаемых ею текстов⁴.

Несмотря на то, что понятие «текст» может означать любую информацию вне зависимости от канала, через который она транслируется, будь то звуковое, визуальное или текстовое сообщение, все типы которых представлены в киберпространстве, они характеризуются дистанционностью и опосредованностью, т. е. коммуникация возможна только с использованием вспомогательных средств, таких как компьютер.

Феномен идентичности включает компонент «дискурсивной практики», подразумевающий устоявшийся сценарий выражения смыслов в конкретном коммуникативном пространстве. Не следует путать это понятие с термином «коммуникативная стратегия», который сводится к выбору языковых средств и речевых действий. Дискурсивная практика, в свою очередь, представляет собой результат наиболее стандартного выбора тех или иных коммуникативных стратегий. В контексте виртуальной коммуникации идентичность рассматривается как продукт дискурсивных практик, поскольку дискурсивные практики коммуникантов, по сути, конструируют их идентичности.

Заслуживает внимания упоминание понятия «текстоцентричность» в Интернете, в рамках которой текст рассматривается как форма жизни, так как именно текст и создавший его индивид, вследствие анонимной и опосредованной парадигмы общения в виртуальной реальности, становятся одним целым, поскольку в подобной реальности ничего не может существовать кроме текста. Дело в том, что ограниченность сенсорного восприятия в киберпространстве и невозможность прямого контакта между коммуникантами вызывает отождествление социальных акторов киберпространства, в первую очередь, с созданными ими текстами⁵.

Специфика виртуального общения не ограничивается только текстоцентричностью. Необходимость привлекать внимание других коммуникантов, передавать сообщения, как устные, так и письменные, очень сжато и компактно оказывает большое влияние на динамику развития языка. Разные сферы общения требуют применения разных языковых систем. В случае

киберпространства речь идёт о языковой системе, обслуживающей интересующую виртуальную коммуникацию, уникальную на всех уровнях языка.

Специфика лексического уровня киберпространства характеризуется:

– большим количеством слов, заимствованных из английского языка (это характерно не только для русского языка);

– присутствием мощных тенденций к словообразованию и созданию неологизмов, используемых и вне виртуальной реальности;

– возникновением новых речевых жанров (чат, электронная почта, форум);

– отсутствием чётких грамматических и орфографических норм – специфическим искажением грамматики и орфографии;

– использованием в письменной речи вкраплениями элементов разговорных тенденций, таких как «аканье», часто в ироническом контексте.

В свою очередь, подобная языковая специфика отражается на восприятии личностью многих параметров как виртуальной, так и реальной действительности.

Например, реальность бытия подразумевает чёткие пространственно-временные координаты, «здесь» и «сейчас», посредством которых индивид познаёт окружающую действительность. Виртуальность же потенциальна, так как её конструкты существуют не «здесь» и «сейчас», а «где-то» и «когда-то». Потенциальная сущность киберпространства создаёт разрыв между бытием коммуниканта и дискурсивным фоном, например, возможна пролонгация интервала, необходимого для получения обратного ответа на то или иное действие в Сети⁶.

Это вызвано несколькими причинами:

– повсеместным проникновением Интернета, вызывающего ликвидацию барьеров пространственных границ и расстояний, что меняет восприятие пространства и дистанций, разделяющих коммуникантов;

– возможностью осуществления одновременной, поливекторной коммуникации, из-за чего происходит делегализация конкретных индивидов;

– изменением темпорального аспекта коммуникации, когда восприятие «сейчас» уже не означает текущего момента времени, а расширяется, включая в себя момент начала времени действия и момент его окончания.

Важно отметить, что конструкты приходящего и уходящего времени начинают преобладать в виртуальной реальности языковой личности, вытесняя восприятие реального времени. Это происходит отчасти потому, что информационный поток идёт не только из одного часового пояса, а сообщения, которые приходят без задержек, тем не менее, могут быть и не прочитаны в момент их получения. По этой же причине про-

исходит переход на асинхронную систему отсчёта, когда вместо привычных «добрый день», или «добрый вечер» приветствие звучит как «добро-го времени суток»⁷.

Таким образом, виртуальный контекст окружающей действительности меняет устоявшиеся характеристики языковой идентичности и роль языковой личности в непрерывном процессе конструирования социальной реальности. Создаваемые языковой личностью тексты как продукты её жизнедеятельности приобретают новые характеристики относительно базовых концептов существования индивида – времени и пространства, что позволяет коммуникантам исполнять разные социальные роли с целью более успешной социализации и интеграции в социальную реальность.

Примечания

¹ См.: Паниткова Э. Ю. Язык и речь – два уровня конструирования социальной реальности языковой личностью // Язык. Культура. Коммуникация : материалы и

тезисы Междунар. науч. конф. / под ред. Г. С. Трофимовой. Ижевск : УдГУ, 2009. С. 75–80.

² См.: Иванцова Е. В. О термине «языковая личность» : истоки, проблемы, перспективы использования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 4 (12). С. 24–32.

³ См.: Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа : пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004.

⁴ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

⁵ См.: Могилевич Б. Р. Текст и социальная коммуникация // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 58–62.

⁶ См.: Исаева И. П. Виртуальная языковая личность : процессы детемпорализации // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во СибАК, 2011. С. 102–105.

⁷ См.: Закамулина М. Н. Темпоральность во французском и татарском языках : слово, высказывание, текст. Казань : Татар. кн. изд-во, 2000.

Образец для цитирования:

Калинкин А. А. Трансформация языковой личности в процессе конструирования социальной реальности киберпространства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 425–427. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-425-427.

УДК 316. 2

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗДОРОВЬЕ В КЛАССИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

С. С. Шматова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: svshmatova@mail.ru

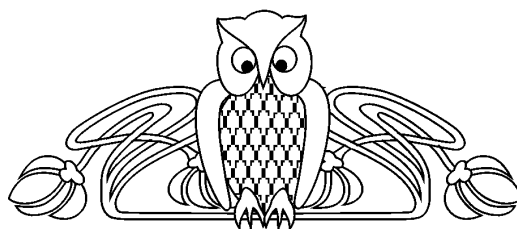
Статья посвящена анализу трансформации социальных представлений о категории «здоровья» на протяжении исторического развития общества. Используя концепцию западного социологического натурализма, социал-дарвинизма, российской органистической школы, показана взаимосвязь биологической природы человека и социального здоровья общества. Проведено социологическое осмысление ценности здоровья в повседневных практиках на основе структурно-функционального анализа, понимающей социологии, феноменологической социологии, постмодернизма, виталистической социологии и др.

Ключевые слова: социология, категория «здоровье», социологические парадигмы.

Evolution of Ideas about Health in Classical Sociological Theory

S. S. Shmatova

This article analyzes the transformation of the social representations of the category «health» over the historical development of society.

Using the concept of Western sociological naturalism, social Darwinism, Russian organisticheskoy school shows the relationship of the biological nature of human and social health of society. A sociological understanding of the value of health in everyday practices on the basis of structural-functional analysis, understanding sociology, phenomenological sociology, postmodernism, vitalist sociology and others.

Key words: sociology, the category of «health», sociological paradigms.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-427-431

Здоровье – это вопрос, издавна волнующий человечество. Тему здоровья рассматривало огромное количество исследователей, поднимающих общечеловеческие вопросы, – от древнегреческих философов до наших современников. Однако только в 1946 г. Всемирной организации здоровья был осуществлен комплексный подход к понятию «здоровье». По определению ВОЗ, здоровье – это состояние полного физического, умственного и социального благополучия. Рассмотрим, как эволюционировало социальное представление о категории «здоровье».

Основы здоровья и здоровьесберегающего поведения были заложены в трудах античных философов Платона, Аристотеля, Аретея, рассматривающих здоровье человека как способность удовлетворять и развивать свои потребности с целью формирования, реализации и защиты жизненной силы человека. Тем самым уже к I в. н. э. были заложены основы концепции социологического витализма. Другие философы Античности имели свою интерпретацию здоровья.

Средневековые ознаменовались взглядом на здоровье как гармоничное единение души и тела. В учениях Августина Блаженного, Фомы Аквинского говорится, что сила разума души (т. е. степень познания ею Бога) определяет красоту человеческого тела¹.

Несомненной вехой в развитии социально-философских представлений о здоровье послужили труды великого ученого и врача Абу Али Ибн Сины. Он первым подошел к проблеме ответственности самого человека за свое здоровье и начал пропагандировать здоровый образ жизни. В своих работах ученый пишет о важности гигиены, умеренной еде, уделяет внимание советам по предотвращению болезней, в частности, о роли и месте физических упражнений в оздоровительной и лечебной практике².

Впоследствии понятие «здоровье» продолжало трактоваться с позиций достижения совершенства в чем-либо или обладания наивысшими духовными благами. Так, Декартом была отмечена определенная зависимость между состоянием человеческого тела (материальной субстанции) и появлением соответствующих чувств, желаний, мыслей (духовной субстанции), действия этих субстанций строго скорректированы благодаря Богу. Определение души как идеи человеческого тела мы находим у Бенедикта Спинозы. Философ видит в явлениях жизни, разумной необходимости познания и любви к Богу, жизнь духа – в мышлении, в стремлении к самосохранению.

Однако в дальнейшем социальные представления о здоровье эволюционировали в обществе в направлении материалистического восприятия природы и человека. Для социал-дарвинизма характерно применение дарвиновской теории борьбы за существование к рассмотрению социальной жизни, т. е. определение последней как арены непрерывной и повсеместной борьбы, столкновений, конфликтов между индивидами, социальными общностями (группами) людей, целыми обществами. П. Гольбах в «Системе природы» писал: «...Между человеком и природой нет принципиальной разницы, у человека лишь более тонкая нервная организация, больший объем памяти. Человеческая “природа” предполагает наличие определенного круга “телесных” потребностей»³.

В социологическую рефлексию категория «здоровье» попала практически в одном ряду с попытками отождествления общества с биологи-

ческим организмом в рамках социологического натурализма.

Одной из школ ранней классической социологии был натурализм Г. Спенсера⁴. Социологическая теория Герберта Спенсера основывается на положении, заимствованном, в первую очередь, из учения Дарвина о живом организме. Г. Спенсер приходит к выводу, что общество есть организм, который имеет гораздо больше общего с живыми существами, нежели с неорганическими агрегатами: общество на протяжении своего существования растет, усложняется его структура; в обществе дифференциация структуры элементов сопровождается аналогичной дифференциацией их функций; в обществе, как и в живом организме, существует разделение труда. Общественный рост, как и рост живого организма, по мнению ученого, обыкновенно длится либо до поглощения данного общества каким-либо другим обществом, либо до его распада на два или несколько иных.

Противоположную точку зрения высказывали традиционалисты и марксисты, которые считали человека высшим существом, стоящим гораздо выше природы. К. Маркс трактовал взаимодействие человека и мира как сложный процесс, имеющий материально-практический характер, направленный на постановку вопроса о соотношении микро- и макросвязей, а также решение задачи интеграции действия и структуры.

Направление объективизма в социологии, не обращаясь к категории «здоровья» напрямую, тем не менее, рассматривает эту тему в разных контекстах. К примеру, Э. Дюркгейм, рассуждая об эмоции самоубийц, фиксирует взаимосвязь их чувств и действий с социальными условиями, степенью интегрированности в социальную среду. Иными словами, социальное здоровье определяется им как важнейшая детерминанта переживаний личности⁵.

В аксиологическом подходе к здоровью присутствует желание помочь индивиду сделать сознательный выбор в хаосе разноречивых и подчас непримиримых ценностей. В своих трудах К. Маннхейм утверждает, что мы обретаем господство над собой в нашей личной и общественной жизни лишь тогда, когда действовавшие ранее как бы за нашей спиной бессознательные мотивы попадают в поле нашего зрения и становятся тем самым доступными сознательному контролю.

В отечественной дореволюционной социологической мысли подходы к здоровью развивались в рамках органицизма, представители которого пытались связать общественную жизнь с природной средой и понять ее с помощью естественных сил. Приверженцы данного направления А. И. Стронин⁶, П. Ф. Лилиенфельд, Я. А. Новиков, исходя из идеи о структурно-функциональном сходстве общества и человеческого организма, проводили аналогию между

живым организмом и обществом⁷. В книге «Политика как наука» А. И. Стронин выделяет законы функционирования «социального тела» т. е. общества: общий биологический закон, общий социологический закон, общий политический закон. По мнению ученого, каждое общество рождается и умирает, и его регресс или прогресс совершаются на основе биологических законов, «но если биологические детерминанты действуют на уровне всего общества, то тем более они действуют на уровне отдельной личности. Которая имеет биологическую основу жизни»⁸.

Природу социальных болезней и возможности терапии социального тела исследовал П. Ф. Лилиенфельд в своем труде «Социальная патология». Одним из фундаментальных оснований его теории было убеждение, что подобно тому, как болезни любого организма – результат аномалий простых клеток, так и общество, представляющее собой совокупность клеток-индивидов, заболевает в силу патологического процесса, происходящего на уровне клетки. «Для того, чтобы человеческое общество сделалось предметом положительной науки, есть только один исход: необходимо включить в ряд органических существ и самое человеческое общество как организм, стоящий в развитии своем настолько же выше человеческого организма, насколько сей последний возвышается над всеми прочими организмами природы»⁹.

Лилиенфельд формулирует в ключе этой идеи ряд вопросов социальной науки, в том числе: не находится ли человек со своими потребностями в таком же отношении к общественному организму, как каждая клеточка животного или растительного организма, и не есть ли все человечество органическое существо, соединяющее в себе в одно целое все отдельные общественные группы, относящиеся к нему как части к целому? Исходя из принципа аналогии, он считает возможным излагать теорию общества в терминах «социальной физиологии». Любой организм есть сочетание клеток; клетками общественного организма являются человеческие индивиды, точнее, их нервные клетки, составляющие нервную систему общества. Эти клетки окружены «междуклеточной тканью», которая включает как естественную среду (почва, климат), так и все созданное самими людьми.

Здоровое состояние социального организма обусловлено правильным соотношением консервативного и либерального элементов (наследственности и приспособления). Однако в обществе возможны социальные патологии типа классовой борьбы или революции. Болезни общества аналогичны заболеваниям мозга: большое хозяйство соответствует слабоумию, большое право – состоянию бреда, большое правительство – параличу. Терапия же заключается в возбуждении или успокоении энергий, в пере-

работке или перераспределении произведенных и потребляемых благ.

В каком-то смысле в данной концепции Лилиенфельда мы можем увидеть стремление рассматривать общество как систему, включенную в социоприродный комплекс, просматриваются элементы идей XX в. о целостности и единстве мировой эволюции.

В свое время еще П. Сорокин, изучая взаимовлияние биологических и социокультурных явлений, выделял *биосоциологию*, включающую биоорганицистскую, дарвинистскую, демографическую и другие школы и направления.

В целом многие из отмеченных выше идей послужили толчком к усилению рационалистических мотивов в развитии социологии XX в. Структурно-функциональный анализ, понимающая социология (М. Вебер), феноменологическая социология (Э. Гуссерль, А. Шюц), постмодернизм (парадигма социального пространства П. Бурдьё), виталистическая социология и другие позволили перейти к социологическому осмыслению ценности здоровья, что потребовало перенести внимание на анализ здоровьесберегающих поведенческих характеристик человека.

По мнению М. Вебера, человек имеет возможность для проявления своей индивидуальности, поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Понятие «социальное действие» было введено Вебером для обозначения действия индивида, направленного на разрешение различных жизненных проблем и сознательно ориентированного на других людей. Он выделял в своих работах четыре разновидности социального поведения: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное¹⁰.

Исходя из теории идеальных типов М. Вебера, здоровьесберегающее поведение следует рассматривать как особый вид целерационального поведения. Такое поведение является осмысленным действием, направленным к достижению ясно осознаваемых действующим индивидом целей¹¹.

Теория социального действия Вебера призывает задуматься над тем, чему социальные акторы отдают предпочтение в конкретной ситуации. Она наделяет поведенческие практики значительной воспитательной силой. Призыв Вебера «помнить о последствиях своих действий» можно трактовать как практическую реализацию сознательного отношения индивида к своему здоровью как к социальной ценности.

Открытость общества целям-проектам, которые намечает для себя человек, отражает «податливость» социального мира. Об этом писал и Г. Зиммель¹².

Современная жизнь требует постоянного внимания к специфике повседневного поведения. Австрийский социолог и философ, основоположник феноменологической социологии

Альфред Шюц осуществил синтез философских идей Э. Гуссерля и «понимающей» социологии М. Вебера, предложив оригинальный методологический подход для анализа социальных действий индивидов в контексте мира значений повседневной жизни.

А. Шюц, создавая социологию повседневности, отмечал, что повседневная деятельность неизбежна по причине необратимости изменений в мире. Повседневность – это «верховная реальность», а ее структура – наиболее полная и насыщенная. Человек в любой момент своей повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определяемом им физическом и социокультурном окружении, в котором он занимает определенное место не только в пространственно-временном, но и в морально-идеологическом смысле. Повседневность переосмысливается через общепринятые практики, т. е. через действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности¹³.

Из представителей феноменологической социологии исследованием здоровьесберегающего поведения как способа индивидуального бытия в пространстве типизаций, в фокусе интересубъективного восприятия реальности занимались П. Бергер, Т. Лукман. Они стремились согласовать человеческую автономию и принудительность социальных структур, утверждая, что «наряду с детерминацией объективных структур, существует детерминация со стороны сознания индивидов, которые через конкретные социокультурные действия осуществляют конструирование социальной реальности»¹⁴. Таким образом, целью их теории является анализ реальности повседневной жизни.

Отдельные элементы концепции здоровьесберегающего поведения присутствуют в парадигме социального пространства, представленной в работах П. Бурдьё. Данная теория позволяет изучать образ жизни человека, охватывающей весь комплекс жизненных процессов. П. Бурдьё считал, что человек движим, прежде всего, жаждой признания его человеческого достоинства; признание имеет исключительно социальный характер. Исследования Бурдьё сосредоточены вокруг ключевых концептов: габитус как принцип действия агентов, поле как пространство фундаментальной социальной борьбы, капитал как ресурс в социальном поле, символическое насилие как главный механизм утверждения господства, стремление к функциональности. Рассматривая жизненные стили различных классов, ученый видит в их поведении стремление к функциональности, склонность к полезности, подчиненность режиму необходимости¹⁵.

Сегодня понять и определить здоровье невозможно в отрыве от конкретной среды, в которой живет человек, в отрыве от различных сфер проявлений его жизнедеятельности, вне связи

с целями и назначениями человека. Здоровье – комплексный показатель, который интегрирует биологические, демографические и социальные процессы, свойственные человеческому обществу, отражает уровень его экономического и культурного развития. Можно сказать, что это интегральный показатель качества жизни в объективных ее проявлениях.

Спецификой теоретико-методологических исследований здоровья в социально-философских концепциях является перенос центра тяжести исследований в область изучения взаимосвязей здоровья и факторов уровня жизни, причем не только их прямого воздействия на здоровье, но и обратного – воздействия здоровья на условия и образ жизни в качестве «регулятора» тех или иных компонентов благосостояния.

Социология изучает общественное здоровье с целью постижения механизмов его социальной обусловленности и его места в системе социокультурных ценностей, регулирующих отношение человека к ценностно-мотивационной структуре личности.

Таким образом, необходим интегральный подход, рассматривающий здоровье как многоуровневую систему, включающую социальное здоровье индивидов, социальных групп, общества в целом.

Примечания

- 1 См.: Столяров А. А. Августин // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ. науч. фонд ; пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин, зам. пред. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, учён. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М. : Мысль, 2010.
- 2 См.: Ибн Сина. Избранное : пер. с араб. и таджик.-перс. / редкол. : Д. Д. Джаббаров [и др.] ; сост. А. Ирисов. Ташкент : Изд-во ЦК Компартии Узбекистана, 1981.
- 3 Гольбах П. А. Система природы // Гольбах П. А. Избранные произведения : в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 666.
- 4 См.: Спенсер Г. Опыт научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Минск : Современный литератор, 1999. С. 22–72, 241–264, 388–481.
- 5 См.: Дюркгейм Э. Самоубийство : Социологический этюд. М. : Мысль, 1994.
- 6 См.: Покатов Д. В. Проблема политической элиты в социологической теории А. И. Стронина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 14–15.
- 7 См.: Покатов Д. В. Отечественная социология политической элиты : этапы развития и эволюция // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 14–15.
- 8 Харчева В. Основы социологии : учебник. М. : Логос, 1997. С. 122.
- 9 Кузьмина Г. П., Гаврилова Н. Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания россий-

- ских мыслителей // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 6 (ч. 4). С. 867–870.
- ¹⁰ См.: Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- ¹¹ См.: Кравченко Е. И. Теория социального действия : от Макса Вебера к феноменологам // *Социологический журнал*. 2001. № 3. С. 121–141.
- ¹² См.: Зиммель Г. Как возможно общество? / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М. : Юристъ, 1996. Т. 2. С. 513.
- ¹³ См.: Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005.
- ¹⁴ Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // *Религия и общество : Хрестоматия по социологии религии* / сост. В. И. Гараджа, Е. Т. Руткевич. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 535.
- ¹⁵ См.: Шматко Н. А. Различение. Социальная критика суждения // *Социология : энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов [и др.]. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2003.

Образец для цитирования:

Шматова С. С. Эволюция представлений о здоровье в классических социологических теориях // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 427–431. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-427-431.

ПОЛИТОЛОГИЯ

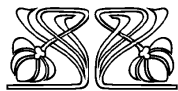
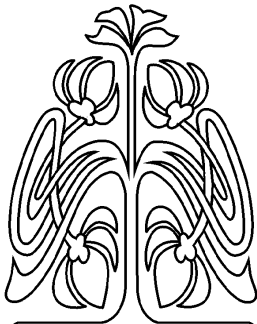
УДК 32.019.5 (47+57)

ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ФАКТОР ДЕЗОРИЕНТАЦИИ И РАСКОЛА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА И РАСПАДА СССР

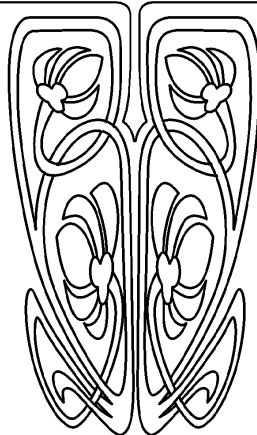
А. А. Вилков, В. А. Пивоваров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: vil57@yandex.ru, vpivovar55@gmail.com

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье рассмотрена функциональность и целеполагание пропаганды в период перестройки в СССР и проанализировано изменение использования пропагандистской машины в результате эволюции стратегии ускорения и политики гласности как самодостаточных инструментов преобразования всех сфер советского общества. Обоснован вывод о том, что использование пропаганды для внедрения в массовое сознание идеологии «социализма с человеческим лицом» не увенчалось успехом, так как критический потенциал, накопленный активистами гласности, объективно был направлен не только против застойных явлений и противоречий «развитого социализма», но и против идеи социализма в целом. В итоге мощнейший пропагандистский аппарат партийно-государственной системы по инициативе и под руководством инициаторов перестройки стал одним из главных инструментов дезориентации и раскола советского общества и одним из ключевых факторов быстрого разрушения СССР и социалистического строя.

Ключевые слова: перестройка, «ускорение», политическая пропаганда, гласность, критика «развитого социализма», идеология демократического социализма.

The Propaganda Factor in the Disorientation and the Split of the Soviet Society and the Collapse of the USSR

A. A. Vilkov, V. A. Pivovarov

The article is devoted to considering the functionality and the goal-setting of the propaganda during the period of Perestroika in the USSR. It is also analyzed the changes in the use of the propaganda machine within the policy of Uskoreniye [literally meaning «acceleration»] and Glasnost [literal meaning «publicity»] – the substantive instruments of transformation of all the spheres of the Soviet society. It is made the conclusion that using the propaganda for inculcation in the mass consciousness the ideology of «socialism with a human face» had no success since the critical potential accumulated by the activists of the «Glasnost policy» was actually aimed not only against the stagnation and the contradictions of «the developed socialism concept», but also against the idea of socialism in general. Eventually, under the guidance of the Perestroika initiators the powerful propaganda apparatus of the party-state system became one of the main tools of the disorientation and the split of the Soviet society as well as one of the key factors of the sweeping destruction of the USSR and the whole socialist system.

Key words: Perestroika, Uskoreniye, political propaganda, Glasnost, criticism of the developed socialism, ideology of democratic socialism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-432-438

Тридцатилетняя годовщина начала перестройки в очередной раз стимулировала общественную и научную дискуссию по поводу причин, основных направлений и последствий данного реформирования политической и социально-экономической системы СССР. Ее критическое осмысление началось еще в процессе перестроечных преобразований¹ и не прекращается по сей день². Периодически по этому поводу высказывается бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый и последний Президент СССР М. С. Горбачев³. Последнее ин-

тервью, данное им «The Sunday Times», посвящено не столько его роли в перестройке, сколько «озабоченности» обострением отношений России с США и НАТО: «Я хочу, чтобы люди узнали о моих взглядах в то время, когда ситуация в мире сильно меня беспокоит. Было так трудно завоевать свободу в России и так трудно достичь взаимного сотрудничества с США. Как мы оказались на краю этой пропасти? Я хочу объяснить причину этой проблемы. Я просто не могу прятать голову в песок»⁴. Однако весь смысл интервью состоит в том, чтобы в очередной раз подчеркнуть, что его заслуги в демократизации мировых отношений и преобразовании карты мира в самой России смогут оценить только через определенный период.

Одним из важнейших факторов разрушения страны стали пропагандистские войны против СССР. Осмысление данной проблемы особенно актуализировалось тем, что в условиях обострения международных отношений в связи с возвращением Крыма в состав России вновь резко усилилось не только политическое давление на В. Путина и его команду, но и информационно-психологическое воздействие западноевропейских СМИ на российское население. Это позволяет многим аналитикам оценивать ситуацию как состояние информационной войны против современной России. Некоторые исследователи считают, что она никогда не прекращалась против постсоветской России⁵.

Понятие пропаганды⁶ в рамках такой войны по своей сути остается неизменным с 1920-х гг., когда Э. Бернейс определил ее следующим образом: «...последовательная, достаточно продолжительная деятельность, направленная на создание или информационное оформление различных событий с целью влияния на отношение масс к предприятию, идее или группе»⁷. Как представляется, данное определение не только не утратило своей актуальности, но приобрело еще более глубокий смысл в современном информационном обществе, когда основным инструментом контроля над людьми становится грамотная подача и интерпретация разнообразной информации, освещение событий под определенным углом зрения.

Американский политолог Г. Лассуэлл еще в 1950-е гг. довольно полно изложил основные цели пропаганды, применяемой в годы Второй мировой войны. Стратегическая цель пропаганды, по его мнению, заключается в возбуждении ненависти к неприятелю. Важнейшей целью является поддержание дружественных отношений с союзниками, а также сохранение дружественных отношений с нейтральными странами и народами с целью дальнейшего (по возможности) их расположения к себе. Главной же целью пропаганды автор считает полную деморализацию противника⁸. Тем самым Г. Лассуэлл выдвинул на первый план информационно-психологиче-

скую сферу войны, показал пропаганду как новый, особый вид оружия, воздействующий на нравственное (психическое) состояние врага⁹. Именно пропаганда стала основным оружием в период холодной войны между странами НАТО и странами Варшавского договора. Холодная война фактически велась на трех основных фронтах: информационном, экономическом и военном. Информацию использовали как оружие прямого воздействия на морально-нравственное состояние противника, стараясь дестабилизировать, деморализовать его. В соответствии с сутью и целями пропаганды ее условно можно определить как еще одно мощнейшее и всепроникающее «оружие массового поражения».

СССР достаточно успешно противостоял этой информационной войне с помощью собственной мощнейшей пропагандистской машины, «железного занавеса», специальных средств глушения «вражеских голосов». Лингвистический механизм пропаганды этого периода в целом вполне конкретно представлен в коллективной монографии «Техника дезинформации и обмана»¹⁰. В этой книге, выпущенной в СССР в 1978 г., за традиционными для подобных исследований многочисленными словесными клише («буржуазная пропаганда», «закабаление трудящихся», «излюбленный прием Пентагона», «американские агрессивные действия») представлено качественное изложение основ теории речевого воздействия, заимствованных авторами из разного рода англоязычных философских, лингвистических работ.

Однако в период перестройки ситуация принципиально изменилась в связи с переходом к политике гласности внутри страны и «нового политического мышления» в международных отношениях.

В начале своего нахождения на посту Генерального секретаря М. С. Горбачев оперировал вполне традиционной риторикой, заявляя: «Советская пропаганда плохо раскрывает достижения и преимущества социализма в сфере прав человека. Вот говорят, что мы проигрываем по правам человека. Но ведь мы не сумели показать, чем мы располагаем по сравнению с капитализмом, потому что привыкли к этому. А там это замалчивают. Мы поддались на их уловки, а ведь занавес-то против нас повесили они. Надо на современном уровне знаний показать нашу Революцию как поворотное событие XX века»¹¹.

О значении пропагандистской работы свидетельствует тот факт, что уже на XXVII съезде КПСС стремление «убедить широкие слои трудящихся в правильности избранного пути» было обозначено как задача, решаемая параллельно с ускорением, а не предшествующая ему, подготавливающая его¹². Данная установка была подкреплена специальным постановлением ЦК КПСС 1987 г. «Основные направления перестройки системы политической и экономической

учебы трудящихся», в котором подчеркивалось: «Развертывая борьбу за обновление общества, партия исходит из того, что под эту огромную работу необходимо подвести прочный фундамент убеждения. Формировать сознание миллионов советских людей, изменять их психологию и мышление в духе перестройки – одна из ключевых задач идеологической деятельности»¹³.

Однако решение данной задачи вступило в противоречие с провозглашенной политикой гласности. Уже первые ее результаты вызвали критику со стороны адептов традиционной трактовки «развитого социализма», которые усмотрели (как потом оказалось, вполне резонно) в повсеместном разоблачении «белых пятен» истории страны угрозу существования социалистического строя. Разоблачительные статьи журналов называли простым «очернительством», все громче раздавались требования свернуть программу демократизации и вернуться к тотальному партийному контролю над обществом.

К примеру, письмо Н. Андреевой, опубликованное в газете «Советская Россия» под заголовком «Не могу поступиться принципами», вызвало неоднозначный широкий общественный резонанс. В этом письме преподавательница из Ленинграда открыто и резко осуждала «заимствования на Западе», политику гласности и фальсификации «истории социализма и социалистического строительства»¹⁴. Андреева призывала защитить идеи социализма, однако люди уже не хотели верить в те идеалы, которые так активно разносили в пух и прах на каждом углу журналисты и сама власть.

Официальная установка на преобразования была неизменной. «Перестройка – единственно возможный путь укрепления и развития социализма, решение назревших проблем общественного развития... Перестройка – это наша судьба, шанс, который дает нам история. Он не может и не должен быть упущен», – говорил М. С. Горбачев, выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС¹⁵.

Постепенно Генеральный секретарь ЦК КПСС стал отмежевываться от линии, традиционно реализуемой советским пропагандистским аппаратом. Фактически М. С. Горбачев выступил инициатором переформатирования советской системы внутренней и внешней пропаганды под задачи гласности: «Вопиющее отставание даже от тех, кого мы разгромили в войне, стало невозможно скрывать от общества. Пропаганда “успехов” только взрыхляла почву для анекдотов и злых насмешек, и как всякое вранье, дискредитировала власть и политически, и нравственно»¹⁶.

«Перестроечное» отношение Генсека к сложившейся системе пропаганды проявлялось и в сфере внешней политики. Уже в мае 1986 г. на узком совещании М. С. Горбачев, обосновывая сущность «нового политического мышления» на международной арене, заявлял: «Пропаганду

надо вести не драчливо, без обвинений, чтобы из нее вытекало, что мы действительно хотим что-то делать. Чтобы в ней был мотив приглашения к серьезному диалогу. И не начинать с обличений»¹⁷. Эти установки должны были сломать традиционные представления партийно-государственного аппарата о пропагандистском противостоянии с США и их союзниками.

Об их сути можно судить, например, по книге В. Н. Ярошенко, опубликованной в 1986 г. и направленной на разоблачение подрывной деятельности «западных радиоголосов» против СССР: «Психологическая война, которую ведут против СССР, социалистических стран, стран социалистической ориентации и национально-освободительного движения империалистические державы и их органы пропаганды, ни в коей мере не является войной идей. На самом деле это комплекс диверсионно-пропагандистских мероприятий деструктивного характера, осуществляемых с привлечением достижений в различных областях современной науки (в первую очередь социальной психологии) и усилий различных служб, главным образом разведок...»¹⁸. Автор констатирует: «Вместо расширения кругозора слушателя, формирования у него научных представлений, буржуазная пропаганда со свойственным ей пренебрежением к массам оболванивает слушателя, снабжая его целенаправленными, не требующими усилий, упрощенными решениями, вырабатывая у него привычку принимать и повторять тезисы, которые внушены или подсказаны ему пропагандистом. Чем чаще повторяется вариант идеи, тем надежнее обеспечивается успех дела, тем вернее слушатель примет это суждение и будет считать его своим собственным. Приверженность этим концепциям буржуазной пропаганды подтверждает современная практическая деятельность американских и английских радиоцентров»¹⁹.

Генеральный секретарь ЦК КПСС не отрицает наличия такой пропагандистской войны против СССР, но пытается переломить ее добровольным отказом от подобного действия против Запада. Во время поездки в Осло М. С. Горбачев в своей беседе с Гру Харлем Брундтланд (политической и общественной деятельницей Норвегии, лидером Норвежской рабочей партии, видной деятельницей Социнтерна) высказался предельно конкретно: «Я и не подключаюсь к пропагандистской войне, которую ведут против нас и на которую мы должны адекватно отвечать собственными подобными усилиями. Хотя желание высказаться от души, признаюсь, появляется»²⁰.

Эта линия на односторонний отказ СССР от пропагандистского противостояния стала ключевой во внешней политике. Вот как выражался по поводу предстоящей встречи с Президентом США Р. Рейганом М. С. Горбачев в 1987 г.: «Я сказал: мы должны идти на эту встречу без всякого налета пропаганды. Мы должны предста-

вить серьезные, реалистические, далеко идущие предложения. И если они будут отвергнуты президентом, тогда придать все это гласности»²¹.

Фактически в одностороннем продвижении идей «нового политического мышления» понятие пропаганды стало для М. С. Горбачева своеобразным инструментом «запугивания» своих западноевропейских партнеров по переговорам. К примеру, в 1988 г. в беседе с корреспондентом западногерманского издания он пафосно провозглашал: «Но если такой конструктивный подход для вас неприемлем, если вы за конфронтационный, пропагандистский подход, доходящий до вмешательства в наши внутренние дела, то нам придется отвечать, и делать это мы будем изо всех сил. Пока что мы этого почти не делали, проявляли сдержанность»²².

Для преодоления внутриаппаратного сопротивления идеям «нового политического мышления» использовалась несколько иная риторика и аргументация. Например, на заседании Политбюро М. С. Горбачев не отказывался от понятия пропаганды во внешней политике, но пытался наполнить ее новым смыслом: «Мы наступаем, потому что предлагаем миру реалистические подходы и признаем интересы США, но не гегемонистские их запросы. <...> Все их акции – к тому, чтобы спровоцировать нас. <...> Мы не можем действовать адекватно, реагируя на американскую политику по принципу зуб за зуб: мол, раз мы “империя зла”, то вы такие-то и т. д. Наша реальная политика сильнее всякой пропаганды. А пропаганда должна обеспечивать другое – показывать реализм, бескорыстие нашей политики, что мы учитываем и чужие интересы. Этим мы будем загонять американцев в тупик с их провокациями. Слабость нашей пропаганды в том, что у нас мало возможностей проникать в самую Америку, но у нас есть возможности действовать через Европу, чтобы добиваться изоляции их милитаристской верхушки»²³.

Однако наибольшие изменения произошли в системе внутренней пропаганды, которая до начала перестройки пронизывала всю систему политической социализации советского общества и служила не только инструментом распространения и индоктринации идей социализма для формирования «нового человека», но и инструментом «разоблачения происков буржуазной пропаганды».

С одной стороны, советский аппарат пропаганды и агитации в первые годы перестройки по инерции продолжал иметь масштабное финансирование и мог реализовывать крупномасштабные проекты в этой сфере. Например, на основе марксистско-ленинской методологии было проведено лингвистическое исследование методик американской пропаганды. Уже в предисловии к вышедшему по результатам проекта изданию говорилось: «В условиях обострения идеологической борьбы правильный выбор методологи-

ческой основы определяет не только методологическую сущность исследования. Никакой подход к анализу языковых явлений не может дать плодотворных результатов в отрыве от марксистско-ленинской методологии, не может рассматриваться в качестве частного научного вывода»²⁴. Резюме же у данного узкоспециального исследования было также однозначно жестким: «В практике буржуазной пропаганды существенное место занимают не только прямые и косвенные методы пропаганды буржуазной идеологии, политических программ и концепций буржуазных партий и правительств, полуправда, искажения и подчас прямая ложь, диффамация и инсинуации, но и утонченные способы извращения понятий и представлений, идей и учений, политики коммунистических партий, социалистических стран, прогрессивных движений с помощью словесной эквилибристики, опирающейся на весьма тщательно разработанные лингвистические, социолингвистические и социопсихолингвистические приемы. Этот лингвистический аппарат буржуазной пропаганды – один из наиболее хитрых и завуалированных участков той психологической войны, которая ведется против стран социализма, против рабочего и национально-освободительного движения, против широких демократических движений»²⁵. По инерции в подобном духе (на основе формирования марксистско-ленинского мировоззрения) продолжалось преподавание истории и обществознания в школе, истории КПСС, диалектического и исторического материализма и научного коммунизма в вузах. Пионерские и комсомольские организации продолжали воспитывать подрастающее поколение в духе преданности коммунистическим идеалам.

С другой стороны, мощнейший и всеобъемлющий механизм индоктринации социалистических идей стал давать сбои. Главный удар сложившаяся система советской пропаганды получила изнутри, в результате проведения политики гласности.

Логическим продолжением масштабного и многовекторного раскрытия «белых пятен» советской истории (результатом которых стало то, что они превратились в «черные пятна») стало формулирование сомнений в самом пропагандистском противостоянии с США и их союзниками. Например, один из известных публицистов эпохи перестройки Л. Карпинский прямо поставил вопрос: «Мы поняли необходимость сосуществования, сотрудничества, компромисса и т. д. Но вот главный вопрос: остаемся ли мы при этом на прежней позиции, согласно которой все равно между двумя системами существуют отношения “кто-кого?”. Имеем ли мы опять в виду, что мы все равно вытесним с карты планеты нашим обликом все остальные облики?»²⁶. И дает на него недвусмысленный ответ: «...наша перестройка не только содействует конвергенции, она и есть внутренняя интерпретация самого раннего процесса

конвергенции. Потому что перестройка, которая касается реконструкции социализма, именно его экономических и политических структур, действительно приближает нас к тому, что создано мировой цивилизацией, в том числе и цивилизацией того же самого капитализма. И нечего бояться сказать, что, в известном смысле, перестройка является «реставрацией» цивилизаторских достижений капитализма»²⁷. Еще более открыто формулировал подобную позицию А. Д. Сахаров²⁸, которого после возвращения из ссылки либерально ориентированные оппозиционеры КПСС провозгласили своим духовным и идейным лидером.

Значительным фактором изменений в массовом сознании и соответствующих изменений в отношении официальной пропаганды стали новации в культурной политике. К примеру, появление фильма Т. Абуладзе «Покаяние» стало настоящим событием и широко обсуждалось в СМИ. Кроме того, в этот период зрители Союза впервые получили возможность познакомиться с творчеством мастеров мирового и отечественного уровня без «цензурного налета». Работы русских и зарубежных авангардистов 1920-х гг. стали доступны для широкой публики на вполне легальной основе. Выставки работ, концерты и творческие вечера эмигрантов (Э. Неизвестного, М. Шемякина, В. Ашкенази, Г. Кремера и др.) собирали настоящие аншлаги.

Социолог Ненси Рис, исследовавшая период перестройки в СССР, пишет, что «разрыв с прошлым произошел в 1985–1987 гг., когда горбачевские реформы начали набирать размах. Этот разрыв с социальной практикой прошлого был вполне искренним и по-настоящему действенным. Подстегнутый официальной деятельностью властей, он взрезал социальную ткань и обнаружил широкое лиминальное пространство, в котором в последующие несколько лет социальные нормы и структуры выворачивались наизнанку и ставились с ног на голову драматичнейшим образом. Разрыв означал, что наконец могло быть высказано то, что ранее не высказывалось, могло быть сделано то, что раньше не делалось, могло быть изменено то, что прежде оставалось неизменным»²⁹.

Политика гласности оказала на общество воздействие, которое коренным образом отличалось от всех прогнозируемых правительством М. С. Горбачева моделей. Вместо «баланса черного и белого» общество поголовно свалилось в очернительство всего и вся. Ранее запретные «мрачные истины» выносились на широкое обсуждение и становились главным модусом общественного дискурса. Все то, что начиналось как необходимый качественный анализ глубочайшего кризиса советской системы, стремительно приобретало форму жалоб и скорби по всему, что как-то связано с прошлым. Такие жанры подачи материала стали преобладать не только в рядовых, но и ведущих СМИ. Такие культовые еженедельники, как «Огонек», «Московские

новости», с заметной регулярностью стали публиковать материалы о жестокости и несправедливости сталинской эпохи. По тому же пути следовали многие режиссеры и сценаристы на телевидении. Бесконечные сюжеты о трагедии и лишениях советского народа стали флагманской темой любой телевизионной передачи или фильма. Обычные люди тоже стали рассказывать о своих трагедиях. В своем вступительном слове к сборнику писем читателей редактору «Огонька» Виталий Коротич давал такое обоснование интенсивности этого процесса: «Искусство переживать боль (я думал и писал об этом много раз) выше искусства быть счастливым. Боль всегда конкретна. Болит ли у вас нога или рука, зуб или спина, вы понимаете причину своего страдания; вы понимаете ее не в каком-то абстрактном смысле, а точно, конкретно, Большинство наших писем о боли и о том, как пережить боль. Скоро их будет чуть ли не 200 000 в год. Сейчас все переменялось, Открытость нашего общества, его желание высказаться после десятилетий цензуры потрясает. Люди пишут письма, задают вопросы и предлагают свои собственные ответы»³⁰.

За короткое время, как заметил Коротич, количество писем «о боли» возросло крайне существенно. Эти письма содержали жалобы на бытовые трудности, недостаток сочувствия, понимания, содержали истории о семейных и личных трагедиях, сталинских репрессиях, казнях, жестокостях того, сталинского времени. Огромное количество людей, что называется, «прорвало». Все это было отражением общего «взрыва» в умах всех слоев населения.

Все события культурно-массового характера освещались в прессе уже не так, как раньше. СМИ стали намного «вольнодумнее» и высказывали самые различные и противоположные точки зрения. Весь этот доселе невиданный поток противоречивой информации, свалившийся на обывателя, имел огромное, необратимое влияние, вызывал неоднозначную реакцию.

Свобода слова и официальное стимулирование критики «пережитков застоя» и «сталинизма» привели к тому, что уже в 1989 г. социологи выявили в массовом сознании советских граждан существенно различные (а нередко и противоречащие друг другу) трактовки смысла перестройки и соответствующее отношение к ней: ориентация на общечеловеческие ценности (прозападная); защита принципов социальной справедливости, защита интересов простых трудящихся; укрепление роли государства в борьбе со взяточниками и другими антиобщественными элементами; «защита природы от разрушительных последствий человеческой деятельности, достижение всеобщего мира и разоружения»; «возрождение русского национального достоинства и культуры, таких ценностей, как патриотизм, мораль, семья». Однако главное, что волновало в этот период большинство российских

граждан, – «это наличие в магазинах дешевых и качественных товаров»³¹.

В результате проведения политики гласности за несколько лет были разрушены «результаты идеологической работы семи десятилетий». Широкие массы людей, подверженные новым веяниям, терялись во мнениях. Они видели, что перестройка не только не принесла облегчения, а напротив – преумножила социально-экономические и политические проблемы, посеяла хаос в головах людей. Начался один из самых страшных процессов в жизни общества – процесс разрыва с прошлым и слепые попытки, в условиях абсолютной дезориентации, построения нового образа жизни и мышления.

Хаос коснулся и властных структур. К примеру, руководителям различного рода местных инстанций Главлита стало «трудно работать» в новых условиях. На свои недоуменные вопросы, адресованные, естественно, «директивным органам», т. е. идеологическим структурам КПСС, они перестали получать «однозначные» ответы; им советовали действовать «по обстановке». По обстановке – это как? На что ориентироваться теперь? На то, что нужно говорить, на то, что хочет слышать народ? Или вообще ничего не говорить? Не ясно. Главный источник последних веяний в высших сферах – передовицы «Правды» – также звучали как-то двусмысленно. И вообще, непонятно было: откуда же все-таки ветер дует... а ветер дул «одновременно в разные стороны»³².

Можно ли было стабилизировать обстановку в государстве, когда главный беспорядок царил не только в умах рядовых граждан, но и в умах редакторов, политиков, интеллигенции? По данным социологов, вполне закономерно (в свете разброса представлений населения о стратегии перестройки), что уже к началу 1990-х гг. в наличии продуманной программы изменений у М. С. Горбачева и его единомышленников не сомневалось только 19% российских граждан. Более того, в 1990 г. уже 47% граждан (в 1987 г. 24%) основную причину кризиса советского общества видели в политических причинах (ошибки в управлении страной). Оценка политической природы кризиса перестройки связывалась с политической элитой и ее неспособностью повлиять на ситуацию в стране³³.

Подводя итог, можно констатировать, что официальная пропаганда, призванная обеспечить мотивацию осознанного участия советских граждан в процессах перестройки, постепенно утратила свою функциональность в связи с тем, что было выхолащено ее идеологическое основание. Понятные большинству населения ориентиры и принципы строительства социализма предшествующего периода были в значительной степени дискредитированы в результате политики гласности. Попытки заменить эти ориентиры и принципы на основе идеологии «социализма с человеческим лицом» не увенчались успехом, так как критический потенциал, накопленный

активистами гласности, объективно был направлен не только против застойных явлений и противоречий «развитого социализма», но и против идеи социализма в целом. В итоге мощнейший пропагандистский аппарат партийно-государственной системы, по инициативе и под руководством инициаторов «перестройки», стал одним из главных инструментов дезориентации и раскола советского общества и одним из ключевых факторов быстрого разрушения СССР и социалистического строя.

Примечания

- ¹ См.: Андреева Н. Неподаренные принципы, или Краткий курс истории перестройки (Избранные статьи, выступления). Л., 1992.
- ² См.: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992; Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992; Егоров А. Десять лет великих потрясений. М., 1995; Между Сциллой идеологии и Харибдой политики (Р. Страйер в поисках рациональных аргументов распада СССР) // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 264–274; Маслов Д. В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы. 1985–1991. М., 2000; и др.
- ³ См.: Утраченная перестройка. Михаил Горбачев для «Нью-Йорк Таймс». URL: <http://ubop.info/zarubezhe/utrachennaya-perestroika.html> (дата обращения: 23.05.2016).
- ⁴ «Самый непонятый лидер в мире»: интервью с Михаилом Горбачевым. URL: <http://inopressa.ru/article/23May2016/sundaytimes/gorbi.html> (дата обращения: 23.05.2016).
- ⁵ См.: Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М., 2006.
- ⁶ Понятие пропаганды как инструмента распространения католической веры среди язычников впервые было использовано в булле (постановлении) папы Григория XV 1622 г., когда была создана Конгрегация пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide).
- ⁷ Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010. С. 6.
- ⁸ См.: Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М., 2010. С. 14.
- ⁹ Там же. С. 16.
- ¹⁰ Техника дезинформации и обмана. М., 1978.
- ¹¹ На Политбюро 24 июля 1986 года // Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 117.
- ¹² XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля – 6 марта 1986 года. Стенографический отчет: в 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 44.
- ¹³ КПСС о перестройке: Сборник документов / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1988. С. 215.
- ¹⁴ Сов. Россия. 1988. 13 марта.
- ¹⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 42.

- ¹⁶ Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем. М., 1998. С. 26.
- ¹⁷ На узком совещании у Горбачева 26 мая 1986 года // Отвечая на вызов времени... С. 44.
- ¹⁸ Ярошенко В. Н. «Черный» эфир : Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М., 1986. С. 6.
- ¹⁹ Там же. С. 164.
- ²⁰ Из беседы с Гру Харлем Брундтланд. Москва, 5 декабря 1986 года // Отвечая на вызов времени... С. 462–463.
- ²¹ Отвечая на вызов времени. ... С. 42. См. также: Визит генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки. 7–10 декабря 1987 года. Документы и материалы. М., 1987.
- ²² Из беседы с Джорджем Шульцем. Москва, 22 апреля 1988 года // Отвечая на вызов времени... С. 126.
- ²³ На Политбюро 3 апреля 1988 года // Отвечая на вызов времени... С. 151.
- ²⁴ Язык и стиль буржуазной пропаганды / под ред. Я. Н. Засурского, А. Д. Парятниковой. М., 1988. С. 14.
- ²⁵ Там же. С. 142.
- ²⁶ Карпинский Л. Здравый смысл перестройки // Век XX и мир. 1989. № 1. С. 15–16.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ См.: Сахаров А. Плюрализм – это конвергенция // Там же. С. 18.
- ²⁹ Рус Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.
- ³⁰ Там же. С. 89.
- ³¹ Бызов Л., Львов Н. Перестройка : политическое сознание и социальные отношения // Век XX и мир. 1989. № 3. С. 12.
- ³² Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. М., 2004. С. 46.
- ³³ См.: Волосков И. Перестройка и источники трансформационных изменений // Власть. 2008. № 8. С. 115.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Пивоваров В. А. Пропагандистский фактор дезориентации и раскола советского общества и распада СССР // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 432–438. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-432-438.

УДК 323.2+32.019.51

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ГРАМОТНОСТИ

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются отдельные положения ключевых правовых документов Российской Федерации (Конституции, Доктрины информационной безопасности и Концепции государственной информационной политики Российской Федерации), способствующие формированию медийной грамотности.

Ключевые слова: медийная грамотность, Конституция России, политико-правовое обеспечение, масс-медиа.

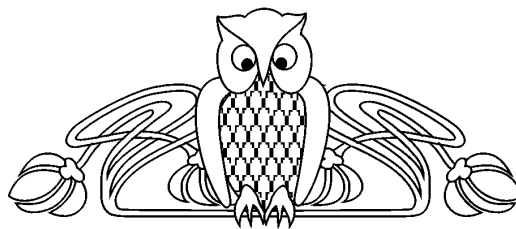
Conceptual Bases of Political and Legislative Support for Media Literacy

A. A. Kazakov

Certain premises of the key Russian legal documents (i.e. Constitution, Doctrine of Information Security, and Conception of State Information Policy of the Russian Federation) conducive to the media literacy formation are considered in this article.

Key words: media literacy, Constitution of the Russian Federation, political and legislative support, mass media.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443

Анализ правовой составляющей обеспечения условий для повышения медийной грамотности чрезвычайно важен как для общества в целом, так и для его политической подсистемы. В контексте данной статьи под медийной грамотностью будем понимать способность индивида уверенно ориентироваться в окружающих его потоках информации, оперативно находить необходимые ему сведения, объективно их оценивать и эффективно использовать в собственных целях. Считаем все это неотъемлемым элементом как общей и политической, так и правовой культуры человека. Не обладая знаниями о юридической стороне связанных с информацией отношений и навыками критического осмысления сообщаемых журналистами фактов, личность в конечном итоге становится менее конкурентоспособной в условиях современного динамично развивающегося и нередко информационно перегруженного мира.

Распространение соответствующих знаний и навыков в масштабах всего общества представляется важным в контексте обеспечения социальной стабильности и устойчивости политической системы государства. Людей, обла-

дающих хотя бы минимальным «иммунитетом» к манипулированию со стороны прессы, труднее вывести из равновесия и спровоцировать на во многом спонтанные и не всегда обдуманые политические действия. Информационно компетентное общество сложнее поддается на доводы манипуляторов и, как следствие, является фактором, способствующим поддержанию равновесного состояния социума.

В этом смысле роль права в обеспечении условий для формирования и развития медийной грамотности человека совершенно очевидна. Без законодательно закрепленных гарантий права на доступ к информации, ее поиск и распространение граждане не смогут в полной мере удовлетворить свои информационные потребности, а следовательно, не будет оснований и для того, чтобы считать их информационно компетентными.

Все это вместе актуализирует исследование правовых механизмов формирования медийной грамотности в практическом плане. Вместе с тем разработка данной проблематики важна и в теоретическом отношении. Несмотря на то, что сама по себе политико-информационная компетентность – ее содержание, структурные элементы, способы формирования и т. д. – изучена в науке достаточно хорошо, анализу правовых механизмов повышения ее уровня учеными уделяется не так много внимания, как того требуют реалии современной жизни.

Проанализировав комплекс правовых документов, в которых содержатся положения, имеющие прямое или косвенное отношение к интересующему нас феномену, мы сочли целесообразным условно разделить их на две группы: концептуальные основы обеспечения права на получение достоверной информации и целый ряд более частных и конкретных правовых факторов, влияющих на медийную грамотность. В данной статье будут проанализированы те из них, что относятся к первой из выделенных групп.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что нормативно-правовых актов, затрагивающих отдельные аспекты отношения человека к информации, очень много. При желании едва ли не в каждом законе можно найти положения, так или иначе этого касающиеся. Поэтому, будучи ограничены масштабом данной работы, мы решили сосредоточить свое внимание лишь на тех из них, что имеют к различным вопросам информационной грамотности самое непосредственное отношение.

Итак, основополагающие правовые гарантии, имеющие отношение к формированию медийной грамотности, содержатся в Конституции Российской Федерации. Обладая высшей юридической силой, данный документ не только закрепляет те или иные права и свободы гражданина, но и задает определенные нормативные рамки для остальных связанных с информацией законов, доктрин и концепций.

Основной закон государства содержит целый ряд статей, речь в которых так или иначе идет об информации. Однако в контексте медийной грамотности наибольший интерес для нас представляют три из них.

Первая – это ст. 29. В п. 1 данной статьи говорится о гарантии свободы мысли и слова¹. Свобода мысли, как известно, предполагает защиту человека от ограничения возможности мыслить самостоятельно и независимо. При этом очевидно, что сама мысль не может проявляться свободно, если отсутствует возможность свободно ее высказывать. В этом смысле свобода слова проявляется в праве человека публично высказывать, предавать гласности и распространять любым другим способом свои мысли и убеждения.

На наш взгляд, эти две свободы являются одними из системообразующих элементов информационной грамотности. Практически невозможно представить себе ситуацию, когда человек, лишенный права свободно рассуждать и высказывать собственное мнение, мог бы уверенно ориентироваться в окружающих его потоках информации и эффективно их использовать. Скорее всего, без свободы мысли и слова можно было бы говорить лишь о квазиграмотности в сфере масс-медиа – грамотности, навязанной гражданину кем-либо.

Логическим продолжением этих свобод является право человека свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом². Право совершать с информацией перечисленные действия без предварительного разрешения и уведомления государства и его органов независимо от государственных границ и форм выражения не подлежит ограничению со стороны власти, кроме распространения сведений, составляющих государственную тайну.

Представляется, что именно свобода поиска и получения интересующих человека сведений является залогом формирования его медийной грамотности. Без этого трудно проверить какую-либо транслируемую журналистами информацию, уточнить детали или сопоставить данные из различных источников. Заметим при этом, что упомянутые выше права зафиксированы также и в нормах международного права – в первую очередь, в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека³ и ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴.

Коль скоро большую часть общественно значимой информации индивид получает из СМИ, не менее важными в контексте данной статьи являются и закрепленные в п. 5 ст. 29 Конституции РФ свобода массовой информации и запрет цензуры⁵. Очевидно, что без этого говорить о беспрепятственном формировании информационной грамотности было бы очень трудно: значительно зауженными были бы и круг источ-

ников необходимых человеку сведений, и сами факты, содержащиеся в этих источниках.

Более конкретные положения, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме, содержатся в двух других статьях Конституции. Так, согласно п. 2 ст. 24, «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом»⁶. Иными словами, все те, чьи интересы напрямую затронуты информацией, которой располагают органы государственной власти и органы местного самоуправления, имеют право на получение этой информации, а соответствующие органы обязаны ее этим лицам предоставить.

Отчасти схоже с этим содержание ст. 42, в п. 1 которой, среди прочего, говорится о праве каждого на благоприятную окружающую среду и на достоверную информацию о ее состоянии⁷.

В отношении ст. 24 и 42 мы склонны полагать, что умение и возможность получить необходимую для человека информацию также стоит рассматривать в качестве важного элемента информационной грамотности. Равно как и упоминание о том, что предоставляемая властями информация должна быть достоверной. Считаем этот момент принципиально важным: не обладая гарантиями получения объективных сведений, человеку трудно считать себя в полной мере информационно компетентным.

Как уже было отмечено, Конституция задает скорее рамочные аспекты понимания сюжетов, связанных с информацией. Более подробно они раскрываются в других нормативно-правовых актах и документах. Одним из них является Концепция государственной информационной политики Российской Федерации, одобренная на заседании Комитета по информационной политике и связи Государственной думы Федерального собрания РФ 15 октября 1998 г.

Среди прочего, в Концепции говорится о том, что «...должны быть созданы такие организационные, правовые, экономические и технологические условия, при которых СМИ будут эффективно выполнять функцию объективного информирования населения, социальных институтов и государства»⁸. Наиболее важным в этом намерении мы считаем ориентацию именно на *объективное* информирование аудитории.

Разумеется, разработать систему всеми разделяемых критериев объективности очень непросто (если вообще возможно!), однако стремление этого добиться и тем более артикуляция этого желания на уровне Концепции государственной информационной политики Российской Федерации важны сами по себе. Как будет показано ниже, в некоторых других документах упоминание объективности также будет присутствовать.

Впрочем, и в самой рассматриваемой Концепции *объективность* встречается еще несколько раз. Буквально в следующем же абзаце приводится следующий тезис: «Важной является также проблема информирования населения о деятельности органов власти и управления. Необходимо обеспечение доступности для широких слоев населения *объективной* информации о ходе экономических реформ, решении социальных задач, правовых актах и нормах, регулирующих общественную и частную жизнь граждан»⁹.

Очевидно, что если в первом случае объективность упоминалась в широком контексте (как целевая установка для средств массовой информации), то во втором – применительно к более частному сюжету, связанному с желаемым качеством информирования граждан о состоянии дел в стране.

Далее в тексте Концепции, как нам представляется, предпринимается попытка наполнить понятие объективности конкретным содержанием. Одно из перечисленных в документе положений государственной информационной политики сформулировано так: «...государство законными средствами обеспечивает защиту общества от ложной, искаженной и недостоверной информации, поступающей через средства массовой информации»¹⁰. По нашему мнению, именно ложность, искаженность и недостоверность являются теми характеристиками, которые никак не согласуются с понятием объективной информации.

При этом заметим, что, согласно Концепции, функции по защите общества от такого рода информации возложены именно на государство. В контексте обеспечения условий для формирования медийной грамотности данное обстоятельство мы считаем принципиально важным. Вместе с тем полагаем, что существенного уточнения и разъяснения требует механизм этой «защиты общества от ложной, искаженной и недостоверной информации, поступающей через средства массовой информации». Думается, что Концепция государственной информационной политики Российской Федерации только выиграла бы от того, что в ней был бы прописан конкретный алгоритм действий государственных структур по такой защите граждан.

Наконец, еще одно положение Концепции, на наш взгляд, имеет самое непосредственное отношение к вопросам формирования информационной грамотности. Имеем в виду одно из основных положений государственной информационной политики, согласно которому «ограничение доступа к информации есть исключение из общего принципа открытости информации и осуществляется только на основе законодательства»¹¹.

В определенном смысле этот тезис развивает содержание п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации о свободе искать, полу-

чать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В Концепции уточняется, что открытость информации – это правило, исключения из которого должны быть прописаны на законодательном уровне. И это действительно важно, так как в противном случае у субъектов, не заинтересованных в придании какой-либо информации гласности, было бы больше возможностей ограничивать к ней доступ и, как следствие, создавать препятствия в развитии информационной грамотности граждан.

Интересам конкретной личности в сфере информации уделяется внимание и в еще одном важном документе – Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 9 сентября 2000 г.

Более того, данный документ, по сути, возводит эти интересы в ранг национально значимых: «Первая составляющая национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею»¹². Разумеется, подобная значимость, которая придается правам в сфере информации, в контексте обеспечения информационной грамотности может рассматриваться исключительно как благо.

В целом в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации раскрываются и конкретизируются положения, зафиксированные в Конституции страны. Вместе с тем есть в ней и вещи, которые в Основном законе государства отдельно не прописаны. Такова, в частности, идея о второй составляющей национальных интересов России в информационной сфере, которая включает в себя «информационное обеспечение государственной политики Российской Федерации, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике Российской Федерации, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам», для достижения чего считается необходимым «укреплять государственные средства массовой информации, расширять их возможности по своевременному доведению достоверной информации до российских и иностранных граждан»¹³.

Применительно к вопросам обеспечения медийной грамотности данная мысль представляется особенно значимой в свете наблюдаемого в последнее время обострения международных отношений. Оперативное доведение до зарубежной аудитории достоверных сведений о политике российских властей принципиально важно в плане формирования позитивного внешнего имиджа нашей страны на международной арене. Ведь от того, насколько полными и объективны-

ми будут представления о России за ее пределами, как известно, зависит очень многое.

Впрочем, не менее актуально это и для граждан самой нашей страны: не обладая всей полной информацией о деятельности государственных структур и не имея гарантий объективности получаемых данных, трудно составить адекватное реальности мнение об эффективности отечественной политической системы и профессионализме отдельных ее представителей¹⁴.

Отрадно осознавать, что в перечне угроз информационной безопасности России под номером один в Доктрине идут «угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности, индивидуальному, групповому и общественному сознанию, духовному возрождению России», к числу которых, среди прочего, относятся: «нерациональное, чрезмерное ограничение доступа к общественно необходимой информации»; «неправомерное ограничение доступа граждан к открытым информационным ресурсам федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, к открытым архивным материалам, к другой открытой социально значимой информации»; «вытеснение российских информационных агентств, средств массовой информации с внутреннего информационного рынка и усиление зависимости духовной, экономической и политической сфер общественной жизни России от зарубежных информационных структур» и «манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации)»¹⁵.

Каждая из перечисленных выше разновидностей внутренних угроз так или иначе является потенциальным ограничением на пути формирования информационной грамотности. Нерациональное, чрезмерное и неправомерное ограничение доступа к открытым социально значимым сведениям, безусловно, способно оказать ярко выраженный негативный эффект на осведомленность гражданина о происходящих вокруг него процессах. Замещение отечественных масс-медиа иностранными точно так же может отразиться на характере восприятия гражданами России окружающей их действительности. При этом очевидно, что это восприятие вряд ли будет полностью соответствовать национальным интересам страны, в которой они родились и проживают.

Наконец, самой, на наш взгляд, распространенной угрозой конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни и информационной деятельности является манипулирование информацией. При этом упомянутые в Доктрине дезинформация, сокрытие или искажение информации вовсе не исчерпывают перечня возможных видов манипулирования. В реальности, как известно, жур-

налистами используется гораздо более широкий арсенал средств, при помощи которых осуществляется воздействие на массовое сознание.

В этом смысле, судя по всему, в Доктрине нашли свое отражение лишь те из них, использование которых может повлечь за собой юридические последствия, – в отличие, скажем, от применения выгодных авторам журналистских текстов эпитетов, метафор, сравнений и тому подобных коммуникативных приемов. Трудность же здесь видится нам в том, что на практике, как правило, очень трудно доказать сам факт, например, сокрытия или искажения информации. Считаем это одной из проблем, разрешением которых должны в первую очередь заниматься отечественные специалисты в области информационного права.

Однако, помимо сугубо правовых механизмов содействия повышению уровня информационной грамотности общества, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации предусматривает и другие рычаги. Прежде всего – устранение внутренних угроз информационной безопасности страны, к числу которых авторы этого документа, среди прочего, отнесли «снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности» и «недостаточную активность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан»¹⁶.

Действительно, система образования и воспитания – пожалуй, один из основных источников первоначальных знаний и умений человека в сфере медийной грамотности. При этом, на наш взгляд, в российских школах и вузах не только ощущается нехватка профессиональных кадров, которые могли бы прививать обучающимся азы таких навыков, но и практически полностью отсутствует более или менее устоявшаяся практика преподавания соответствующих дисциплин. Между тем наш собственный опыт свидетельствует о том, что за рубежом, в первую очередь в США, направленные на развитие информационной грамотности курсы медийной грамотности (*media literacy*) весьма распространены не только на журналистских, но и на других гуманитарных факультетах высших учебных заведений. Полагаем, что подобная практика вполне могла бы прижиться и в России.

Кроме уже рассмотренных положений Доктрины, важное значение для формирования медийной грамотности имеют еще как минимум два тезиса, содержащихся в данном документе. Первое – это то, что к числу основных объектов обеспечения информационной безопасности

Российской Федерации в сфере духовной жизни среди прочего отнесена свобода массовой информации. Второе – мысль о том, что наибольшую опасность в сфере духовной жизни представляют в том числе такие угрозы информационной безопасности Российской Федерации, как «деформация системы массового информирования как за счет монополизации средств массовой информации, так и за счет неконтролируемого расширения сектора зарубежных средств массовой информации в отечественном информационном пространстве» и «использование зарубежными специальными службами средств массовой информации, действующих на территории Российской Федерации, для нанесения ущерба обороноспособности страны и безопасности государства, распространения дезинформации»¹⁷.

Что касается свободы массовой информации, то о ее важности в контексте информационной грамотности уже было сказано: без нее анализируемого в данной статье феномена просто не существовало бы как такового.

Монополизация рынка масс-медиа также чревата нанесением ощутимого вреда способностям человека эффективно ориентироваться в массиве данных. При этом основным субъектом подобной монополизации может быть как государство, так и зарубежные структуры. В обоих случаях возможности человека получить объективную информацию о происходящем будут существенным образом ограничены. В условиях наблюдаемого сегодня процесса обострения международных отношений с участием России данное обстоятельство (опасность чрезмерного увеличения влияния иностранных средств массовой информации внутри нашей страны) приобретает дополнительную актуальность.

Таковы основные аспекты обеспечения права на объективную информацию в России. Отнесение их к разряду «концептуальных основ» было продиктовано не только тем, что они содержатся в таких важных документах, как Конституция, Концепция государственной информационной политики и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. В первую очередь, мы исходили при этом из значимости затронутых в них сюжетов.

Каждое из рассмотренных выше прав и положений по-своему важно для обеспечения условий, необходимых для развития медийной грамотности. Свобода мысли и слова; свобода искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; свобода массовой информации и запрет цензуры – все эти права декларируются в Основном законе государства и наполняются конкретным содержанием в упомянутых выше Концепции и Доктрине.

Сам факт закрепления данных свобод, безусловно, важен, в том числе – в контексте создания условий для повышения уровня информационной

грамотности. Вместе с тем одного упоминания столь важных принципов, пусть и на таком юридически высоком уровне, на наш взгляд, явно недостаточно. Необходимы реальные механизмы и гарантии их реализации на практике.

Анализ того, каким образом все это находит свое отражение в федеральных законах Российской Федерации, – тема для дальнейшего исследования.

Примечания

- ¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.
- ² Там же. П. 4 ст. 29.
- ³ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. 1995. 5 апр.
- ⁴ См.: Конвенция о защите прав человека и основных

свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. № 3. 2001.

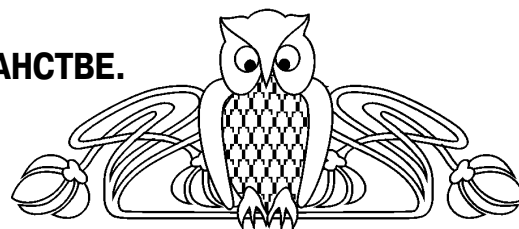
- ⁵ См.: Конституция Российской Федерации.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации. URL: <http://refdb.ru/look/1671235.html> (дата обращения: 30.04.2016).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Рос. газ. 2000. 28 сент.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник. 2011.
- ¹⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.

Образец для цитирования:

Казаков А. А. Концептуальные основы политико-правового обеспечения медийной грамотности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 438–443. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-438-443.

УДК 32.019.51

МАСС-МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ОПЫТ ЭКСПЕРТНОГО СОСТАВЛЕНИЯ РЕЙТИНГА РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

М. В. Данилов, Д. В. Попонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: super9999@yandex.ru, poponovdv@mail.ru

В статье обобщены результаты экспертного опроса, посвященного комплексному анализу регионального информационного пространства. В рамках исследования анализировались проблемы функциональности СМИ, их позиционирования в медиа-пространстве, выстраивания коммуникаций с властью и обществом, механизмы формирования информационной повестки. Также на основе экспертных оценок авторами предложен вариант рейтингования региональных средств массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, пресса, профессионализм, аналитика, оперативность, аффилированность.

Mass Media in the Political Space. The Experience of the Expert of the Rating of Regional Media

M. V. Danilov, D. V. Poponov

The article summarizes the results of the expert survey, dedicated to the comprehensive analysis of the information space. The study

analyzed the problems of the media functionality of their position in the media space, building communications with the government and society, mechanisms of formation of an information agenda. Also, based on expert judgment by the authors offered the option of rating the regional media.

Key words: media, press, professionalism, analysis, efficiency, affiliation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-443-447

Основания исследования

Роль средств массовой информации в современных социально-политических процессах является одним из самых популярных объектов исследования. Теоретико-методологические социально-философские, технологические аспекты функционирования масс-медиа прочно вошли в аналитическое поле общественных наук. Вместе с тем высокий динамизм, присущий современному рынку массовых коммуникаций, делает актуальным сравнительное изучение СМИ, имеющих различную природу, но присутствующих

в одном медиа-пространстве. В данной статье представлена попытка апробации методологии такого исследования на примере наиболее значимых информационных ресурсов Саратовской области.

Объектом нашего внимания стали 20 средств массовой информации, из которых 10 представляют собой интернет-издания – наиболее динамично развивающийся сегодня сегменты рынка, 6 – печатные издания и 4 – электронный издания, представляющие телевизионные и радиокомпании. В качестве экспертов выступили сами главные редакторы региональных СМИ, авторитетные политологи и социологи, руководители пресс-служб органов власти, а также чиновники, отвечающие за информационную политику. Инструментарий представлял собой сочетание открытых и закрытых вопросов, предполагающих как качественную, так и количественную оценку СМИ по различным основаниям.

Открытые вопросы, нацеленные на выяснение качественных характеристик масс-медиа, включали в себя проблемы функциональности СМИ, их позиционирования в медиа-пространстве, коммуникаций с властью и обществом, механизмы формирования информационной повестки. Формализованная часть экспертного опроса была посвящена рейтингованию включенных в анализ изданий с точки зрения их профессионализма, оперативности подачи материала, уровня аналитики, аффилированности различным политическим и бизнес-группам и качества размещаемого контента. Сочетание данных направлений анализа дает возможность комплексной оценки информационного пространства региона.

Функции СМИ

Основу функционального профиля современных СМИ составляют традиционные для «четвертой власти» информационно-коммуникативные аспекты. При этом подчеркивается, что коммуникации в рамках этой системы, главным образом, отстроены по направлению к аудитории, а не от аудитории, хотя отмечается, что потребность в развитии обратных процессов сегодня является весьма высокой.

СМИ в этой связи можно рассматривать скорее как пропагандистский и идеологический инструмент, а не механизм артикуляции общественных проблем и посредничества во взаимоотношениях власти и общества. В качестве вторичных также рассматриваются развлекательная и рекламная составляющие деятельности СМИ.

Современные российские СМИ не в полной мере выполняют информационную функцию, подавая информацию однобоко (ориентируясь на установки и интересы издателя) и не дифференцируя ее с точки зрения потребностей аудитории. В результате большая часть населения послушно «поглощает» ту информацию, кото-

рая производится сегодня в таком режиме mass media, и лишь немногие стремятся повысить уровень своего информирования, обращаясь к социальным сетям.

СМИ не могут быть ориентированы только на информационные потребности своей аудитории или только интересы своих учредителей и издателей. Делая ставку на аудиторию, СМИ рискуют потерять спонсоров, обратный выбор существенно сужает круг пользователей. Исходя из этого, все современные издания вынуждены балансировать между этими «полюсами», склоняясь чаще всего к отработке задач своих спонсоров и издателей. Однако совокупность подобной «работы по интересам» создает если не стопроцентную, то достаточно разнообразную информационную картину, которая для думающего потребителя будет складываться в весьма объективном формате.

Выбор региональных изданий в пользу «отработки» заданий своих учредителей и спонсоров в настоящее время очевиден. Этому способствуют сложившаяся и постоянно воспроизводимая неразрывная связь изданий с конкретными политическим и экономическим группами, а также стремительно снижающийся уровень поддержки media-сообщества со стороны интеллектуальных слоев.

СМИ в медиа-пространстве

Три слагаемых успешного позиционирования СМИ в медиа-пространстве – профессиональный коллектив, стабильный источник финансовой поддержки, разветвленные каналы информации. При этом речь идет о сочетании факторов. Источники информации и профессиональный журналистский коллектив обеспечивают выпуск качественного информационного продукта, востребованного аудиторией. Финансовый ресурс является гарантией того, что профессиональные журналисты не разбегутся и могут реализовывать долгосрочные информационные проекты.

Неоднозначно в качестве фактора успешного позиционирования воспринимается близость к власти. С одной стороны, отмечается, что близость к власти – хороший конвертируемый ресурс, дающий фору при грамотном использовании в получении достоверной, оперативной эксклюзивной информации, комментариях статусных спикеров. С другой, подчеркивается, что эта стратегия позиционирования существенно ограничивает возможности издания, сегментируя тем самым его потенциальную аудиторию.

Более выигрышной является позиция околоправительственного СМИ. Данный формат позволяет изданию не только быть свободным в выборе средств подачи материала, расширяя возможности для аргументированной критики власти, но и повышать качество своего контента

за счет трансляции эксклюзивной инсайдерской информации. Однако работа в этом направлении не только сопряжена с высокими профессиональными качествами самого журналистского коллектива, но и напрямую зависит от профиля самой власти, которая должна быть ориентирована на информационную открытость и способна работать со СМИ не только в формате официальных пресс-релизов.

Плохо востребованы у аудитории медиа-проекты бизнеса. Как правило, они недолговечны, весьма предвзято подают материал, что напрямую отражается на качестве их контента, и очень быстро «желтеют», раскрывая экономические или политические интересы «издателей». Работа в данном формате может быть реализована при умеренном посягательстве спонсора-издателя на информационную политику издания, а также при наличии профессионального журналистского коллектива.

Региональные СМИ не в полной мере ориентированы на равноудаленность от власти, политических и экономических акторов, не выдерживая формат независимого издания. Одним из недостатков регионального медиа-пространства является отсутствие серьезной политической и экономической аналитики.

Власть – СМИ – общество

СМИ являются неотъемлемым элементом современной системы взаимодействия власти и общества. При этом функциональность такого взаимодействия определяется форматом самих изданий, их редакционной политикой, а также уровнем развития общества и институтов власти.

Самым слабым звеном данного коммуникативного треугольника выступает общество, которое не в полной мере ориентировано на артикуляцию в средствах массовой информации собственных интересов и проблем. Драйверами всех процессов выступают власть и определенная группа независимых (прежде всего с финансовой точки зрения) изданий, которые, по сути, определяют информационную повестку, акцентируя внимание на отдельных общественных проблемах.

Средства массовой информации в первоочередном порядке ориентированы на проблемную повестку, содержание и формат которой определяются интересами отдельных политических и экономических групп. В данном формате достоянием общественности чаще всего становятся все значимые факты отклонения от закона, норм общественной морали, антисоциальных действий представителей власти, бизнеса, тех или иных социальных структур. Проблемы граждан также вписываются в этот ряд, но, главным образом, исходя из тех политических и экономических персоналий, от которых зависит решение этих проблем.

В целом статус СМИ в обществе снижается, что объясняется, в первую очередь, ангажированностью изданий и их плотной привязкой (прежде всего финансовой) к отдельным экономическим и политическим группам. Между тем на фоне аналогичных процессов, наблюдающихся в отношении других политических институтов, действенность информационных ресурсов остается достаточно высокой – как минимум на каждую вторую проблему, на которую обращает внимание СМИ, есть реакция власти.

Давление экономической конъюнктуры на медиа-пространство будет ослабевать по мере увеличения зоны охвата населения интернет-ресурсами и расширяющимися возможностями для посетителей сайтов непосредственно включаться со своими комментариями и замечаниями в производственный процесс, используя возможности адаптированных под эти цели интернет-площадок. Параллельно будут оптимизироваться практики взаимодействия СМИ с властью и обществом.

Сдерживающим развитие СМИ фактором также называются личные барьеры людей во власти, которые, не понимая важности информационных ресурсов и их роли в системе общественных коммуникаций, не ориентированы на выстраивание рабочих конструктивных взаимодействий с «четвертой властью», считая журналистов «назойливой помехой в работе». Наряду с этим негативно сказываются на развитии региональной медиа-индустрии снижение уровня профессионализма журналистов, отсутствие отлаженной системы господдержки изданий, законодательные пробелы.

Власть и СМИ

Региональные СМИ испытывают постоянное давление со стороны органов власти, которая ориентирована на контроль редакционной политики изданий. Формат давления достаточно широк – от мер экономического воздействия до «церберских окриков» и обращений в правоохранительные и судебные органы.

В свою очередь, представители власти отрицают наличие давления в прямой форме, называя подобные практики «переговорным процессом при урегулировании тех или иных сложностей», «противостоянием аргументов», попутно обвиняя СМИ в желании привлечь внимание, развивая тему давления.

Подобная неоднозначность, тем не менее, не отменяет общего проблемного характера сложившейся модели коммуникаций власти и СМИ. Журналистское сообщество находится сегодня полностью в подчиненном положении, либо обслуживая власть, либо выступая действенным инструментом давления на нее. И одна, и другая модель не исключают применения различных форм давления на СМИ. Изменить сложившуюся

юся ситуацию могут комплексное реформирование законодательства, установление жестких правил игры для каждой из сторон и принятие мер по обеспечению финансовой самостоятельности изданий.

Информационная повестка

Информационная повестка региональных изданий формируется в конкурентных условиях. Базовыми факторами ее структурирования выступают политико-экономические интересы владельцев и спонсоров издания, информационные запросы аудитории, а также собственные представления редакции медиа-ресурса о важности тех или иных событий.

Важным технологическим звеном формирования медиа-повестки является информация о деятельности органов власти, поступающая в том числе по каналам пресс-служб. Официальная повестка – фундамент информационной работы всех изданий и, пожалуй, ключевое условие для их позиционирования в информационном пространстве.

Современные информационные контент крайне дифференцирован и фрагментирован. От-

ражение в СМИ находят лишь отдельные сюжеты и моменты, что исключает возможность воспроизвести общую картину действительности, позволяя изданиям замалчивать или минимально затрагивать значимые для общества проблемы.

Современные издания испытывают дефицит обратной связи, что легко объясняется как форматом самих современных изданий, так и ограниченными ресурсными возможностями гражданского общества на нынешнем этапе развития. Выстраивание этих коммуникаций началось, но до настоящего времени качество таких практик остается крайне низким, реализуясь, главным образом, в блогосфере и площадке соцсетей и возвращаясь оттуда в СМИ в крайне искаженном виде.

Рейтинги СМИ

Рейтинг региональных СМИ представлен в табл. 1. Фактически он включает в себя пять различных рейтингов в зависимости от того или иного основания. Формат научной статьи делает избыточным комментарии относительно каждого издания. Большой интерес представляют различия между группами изданий (интернет-изда-

Таблица 1

Рейтинг региональных СМИ

Издание	Профессионализм	Оперативность	Аналитика	Аффилированность	Контент
Интернет-издания					
ИА «Взгляд-инфо»	4,0	4,5	2,7	5,0	3,7
ИА «СаратовБизнесКонсалтинг»	4,3	4,0	3,4	1,8	4,1
Интернет-газета «Четвертая власть»	3,0	3,3	2,7	4,7	2,7
Сетевое издание «Общественное мнение»	3,8	3,0	4,2	4,8	3,5
ИА «Регион 64»	3,4	4,6	2,2	5,0	3,4
ИА «Версия Саратов»	3,6	3,6	2,8	4,8	3,4
ИА «Свободные новости»	3,8	3,8	3,8	5,0	3,5
ИА «Saratovnews»	3,6	3,2	2,0	4,0	3,0
ИА «СарИнформ»	3,0	2,8	1,8	3,2	2,8
ИА «Саратов 24»	2,4	2,8	2,0	5,0	2,6
Печатные издания					
Саратовская областная газета. Регион 64	3,6	3,7	2,9	5,0	3,7
Провинциальный телеграф	3,6	3,0	2,8	4,8	3,6
Комсомольская правда	4,0	4,2	2,1	3,4	3,3
Московский комсомолец	3,6	3,3	3,4	3,4	3,4
Версия в Саратове	3,0	3,0	3,0	5,0	3,0
Коммерсант. Средняя Волга	4,5	4,2	3,8	2,5	4,2
Электронные издания					
ГТРК «Саратов»	4,4	3,9	2,9	4,1	3,9
Телеканал «Саратов 24»	2,5	2,8	2,3	4,8	3,0
Радио «Эхо Москвы в Саратове»	3,5	3,7	2,8	3,0	3,5
ТНТ-Саратов	4,0	4,0	2,6	3,9	4,0

ния, печатные издания, электронные издания) и сбалансированность внутри каждой из групп.

Средние показатели по группам изданий (табл. 2) позволяют выявить лидерство по сегментам СМИ, а отклонения от средней в ту и другую стороны – сбалансированность сегмента, наличие в нем явных «лидеров» и «аутсайдеров».

Как видим, печатные издания выигрывают у своих конкурентов по уровню профессионализма и качеству аналитики. Прежде всего, такая ситуация возможна в силу относительной сбалансированности показателей. Различия между минимальными и максимальными оценками для печатных изданий не являются столь значительными, как в группах интернет-изданий и

Таблица 2

Средние показатели по группам изданий

Тип изданий	Профессионализм	Оперативность	Аналитика	Аффилированность	Контент
Интернет-издания	3,49	3,56	2,76	4,33	3,27
Печатные издания	3,71	3,58	3,00	4,01	3,53
Электронные издания	3,60	3,60	2,65	3,95	3,60

электронных изданий. Наиболее разбалансированной выглядит группа интернет-изданий, в которой встречаются как высококлассные издания с точки зрения профессионализма сотрудников и уровня подготовки аналитических материалов, так и откровенно слабые медиа.

Фактически равными выглядят показатели оперативности изданий. И это может показаться довольно странным, так как технические особенности явно способствуют лидерству интернет-изданий. Все дело вновь в наблюдаемой разбалансированности участников медиа-рынка внутри одного сегмента. Относительно легкий доступ новых игроков именно в сегмент интернет-изданий, по сравнению с печатной прессой и теле-, радиовещанием, обусловил также наивысший

уровень аффилированности интернет-ресурсов различным политическим и бизнес-группам. Большая конкуренция среди интернет-изданий предопределяет и общий относительно низкий уровень контента в них: недостаток профессиональных кадров, низкий уровень финансовой обеспеченности, явная ангажированность приводят к объективному обеднению содержания ресурса.

Примечания

- ¹ См., например: Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россюханский А. В. Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2011.

Образец для цитирования:

Данилов М. В., Попонов Д. В. Масс-медиа в политическом пространстве. Опыт экспертного составления рейтинга региональных СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 443–447. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-443-447.

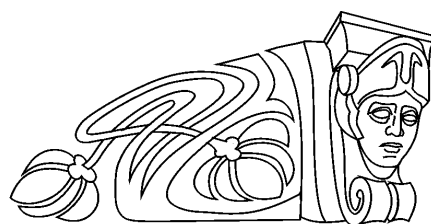
УДК 342.843.5

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

А. Ю. Цаплин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: anton.th2011@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности формирования электронной демократии в России. В фокусе внимания находится государственная политика в этой сфере: цели, задачи и механизмы ее реализации. Основным ее результат – это создание технологических и правовых предпосылок для внедрения механизмов электронной демократии в политическую практику. Главными же недостатками ее реализации автор считает отсутствие во властных структурах единого, комплексного подхода к развитию

электронной демократии, упрощенное представление о ней как лишь о новой форме политического участия граждан.

Ключевые слова: электронная демократия, информационное общество, информационно-коммуникативные технологии.

Political and Legal Factors of E-democracy in Russia

A. Yu. Tsaplin

The article considers peculiarities of formation of e-democracy in Russia. The focus of attention is the state policy in this area: goals, objectives and mechanisms for its implementation. Its main

result is the creation of technological and legal preconditions for implementation of electronic democracy mechanisms in political practice. The main disadvantage of its implementation, the author considers the lack of power structures and integrated approach to development of e-democracy, a simplified representation of it as only about new forms of political participation.

Key words: e-democracy, information society, information and communication technology.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-447-452

В научном сообществе уже давно ведутся дискуссии по поводу того, что такое электронная демократия и какой она должны быть. Тем временем сфера использования информационно-коммуникативных технологий в политике постоянно расширяется, способствуя тем самым появлению новой формы демократических режимов, которую все чаще называют электронной демократией. Процесс ее становления имеет свои особенности в разных странах, что связано с определенными политическими традициями, политической культурой, методами управления, конфигурацией политической системы и т. д.¹. Аналогичный процесс имеет место и в нашей стране. В этой связи изучение проблем, особенностей, движущих сил становления электронной демократии в России представляет определенный научный интерес.

В российском правовом пространстве понятие «электронная демократия» до сих пор отсутствует. Хотя для его закрепления имеются все правовые и политические предпосылки. Процесс становления электронной демократии был инициирован уже давно – принятием ряда принципиально важных нормативно-правовых актов, определяющих принципы и механизмы общественно-политического устройства на основе современных информационных технологий.

Отправной точкой, положившей начало процессам «информационного строительства» в нашей стране, стало подписание Россией Хартии глобального информационного общества. Этот документ стал не просто декларацией намерений движения по пути внедрения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) во все сферы жизнедеятельности общества, по сути, в нем определялся эталонный стандарт нового общества, которому де-факто должны следовать все страны.

Информационное общество – это, прежде всего, открытое общество как в политической сфере, где возможно свободное движение информации и знаний, так и в экономической. В экономических отношениях для преодоления существующих преград требуется «проведение экономических и структурных реформ в целях создания обстановки открытости, эффективности, конкуренции»². В политике же необходимо «активное использование ИКТ в государственном секторе и содействие предоставлению в

режиме реального времени услуг, необходимых для повышения уровня доступности власти для всех граждан»³. Иными словам, в политической сфере акцент делается на формирование так называемого электронного правительства.

Про электронную демократию в Хартии напрямую речь не идет, упоминается только, что ИКТ должны способствовать укреплению демократии. Каким образом это должно происходить, национальные правительства должны решать самостоятельно, разработав для этого соответствующие национальные стратегии. В нашей стране основные положения государственной стратегии цифрового развития нашли отражение в Федеральной целевой программе «Электронная Россия на 2002–2010 гг.» и Государственной программе «Информационное общество 2011–2020 гг.».

Ни в одной из этих программ напрямую речь не идет об электронной демократии. Вообще же отсутствие до сих пор четкой терминологической ясности во многом связано с отсутствием единого понимания того, что называть электронной демократией.

Термин «электронная демократия» используется сегодня в разных значениях. Электронной демократией или близким по смыслу к ней понятием «теледемократия», или «кибердемократией» называют концепции, призванные улучшить или изменить существующие механизмы народовластия за счет использования современных коммуникативных технологий. Таких идей было достаточно много. Самые первые появились с массовым распространением кабельного телевидения. Появление Интернета придало политической мысли новый импульс в этом направлении. Под электронной демократией при таком подходе подразумевается любой демократический политический режим, основанный на использовании информационно-коммуникативных технологий.

Достаточно часто понятие «электронная демократия» отождествляют с электронным политическим участием. В частности, такой подход нашел отражение в Проекте «Концепция развития в России механизмов электронной демократии до 2020 года», разработанном Министерством связи и коммуникаций РФ и представленном для всеобщего обсуждения в 2012 г. на Едином портале электронной демократии. В этом документе под электронной демократией понимается «форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами»⁴.

Следуя этой логике, в проекте выделяются наиболее распространенные механизмы такого участия, которые и следует развивать:

- электронное голосование (голосование по мобильному телефону, интернет-выборы и т. д.);
- механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line;
- механизмы формирования онлайн-сообществ, включая механизмы планирования и реализации гражданских инициатив и проектов коллективных действий;
- механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты воздействия на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти;
- механизмы общественного онлайн-управления на муниципальном уровне.

Электронное политическое участие и соответствующие ему механизмы являются ключевым, но не единственным компонентом электронной демократии. Такое понимание несправедливо ограничивает масштаб государственной политики, что не соответствует реальности, а также предметное поле научных исследований.

Подход к разработке государственной стратегии развития электронной демократии должен носить комплексный характер и согласовываться с уже существующими программами. Как представляется, он должен исходить из того, что электронная демократия – это форма современного демократического политического процесса, со свойственной ему совокупностью методов и средств властвования и управления обществом, основанных на использовании ИКТ. Основными характеристиками и признаками электронной демократии являются свобода слова и выражения мнения в Интернете, открытый доступ к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти в сети Интернет, наличие финансовой и технической возможности выхода в Интернет у подавляющего большинства граждан и т. д.

Развитие электронной демократии неразрывно связано с формированием информационного общества. Эти процессы нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Электронная демократия является ключевым элементом информационного общества. Старт процессам формирования информационного общества одновременно означает начало перехода от традиционной к электронной демократии. В этом ключе многое, что уже сделано для создания информационного общества в нашей стране, является фундаментом будущего здания электронной демократии.

Первым шагом на пути практической реализации ценностей информационного общества, зафиксированных в Окинавской Хартии, стала Федеральная целевая программа «Электронная Россия»⁵. Она же стала катализатором формирования необходимых предпосылок для создания

электронной демократии в нашей стране.

Программа «Электронная Россия» полностью соответствовала духу Хартии глобального информационного общества. Самой главной целью программы, как и основной идеей информационного общества, провозглашалось повышение эффективности функционирования экономики за счет внедрения ИКТ. Это лейтмотив процессов информатизации, объясняющий интерес к информационному обществу стран, являющихся локомотивами мировой экономики. ИКТ рассматриваются как фактор экономического роста. Для реализации экономического потенциала ИКТ нужна определенная информационно-техническая среда, создание которой является приоритетной задачей национальных стратегий. Одновременно с этим ставится еще несколько значимых целей: повышение эффективности (за счет внедрения ИКТ) государственного управления и местного самоуправления, создание технологических предпосылок для развития гражданского общества. Всего этого нельзя добиться без подготовки специалистов по информационным технологиям и квалифицированных пользователей, что и является последней целью программы.

Программа «Электронная Россия» положила начало формированию нормативно-правовых основ для будущего развития электронной демократии. Благодаря реализации программы были разработаны и приняты федеральные законы «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Они стали отправной точкой для обеспечения информационной прозрачности и открытости государства, для создания предпосылок эффективного электронного взаимодействия между государством и гражданами.

В период реализации программы было принято самое большое количество поправок в существующие законы и новых нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере ИКТ. Были приняты федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об электронной подписи», «О персональных данных» и т. д.

Принципиально важным результатом реализации программы стало расширение возможностей включенности органов государственной власти, структур гражданского общества и рядовых граждан в новую информационно коммуникативную среду. Все органы власти открыли свои интернет-представительства (создали интернет-сайты). Большое внимание уделялось внедрению новых ИКТ в деятельность независимых СМИ. В целях снижения территориальной неоднородности условий доступа к информационным системам и развития соответствующей инфраструктуры были проведены мероприятия по развитию как магистральных информацион-

но-коммуникационных линий, так и сетей доступа. Без всего этого становление электронной демократии было бы невозможно.

В программе ставился широкий круг задач, решение которых позволило бы уже сегодня продвинуться далеко вперед в деле создания эффективно работающей модели электронной демократии. К сожалению, этого не произошло. В фокусе реализации программы оказались, прежде всего, задачи модернизации органов власти, государственного муниципального управления посредством внедрения ИКТ, которые воплотились в создание так называемого электронного правительства. Были созданы Единый портал государственных и муниципальных услуг, портал государственных и муниципальных закупок, разработана и внедрена система межведомственного электронного документооборота – государственная автоматизированная система «Управление».

Однако многое другое, запланированное в программе, так и не было доведено до своего логического завершения. В частности, не решены задачи разработки нормативно-правовых актов, регулирующих использование информационных сетей для волеизъявления граждан, создания механизмов общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления.

Поэтому вполне ожидаемым стало, что сразу после завершения программы была принята другая. Распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2010 г. была принята новая государственная программа, которая стала называться «Информационное общество (2011–2020 годы)»⁶. Напрямую об электронной демократии в ней также речь не идет, о чем можно судить по отсутствию данного термина в тексте программы. Но многие ее аспекты имеют к ней непосредственное отношение.

Одной из главных целей программы «Информационное общество» является формирование современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг в сфере информационных технологий и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий. Это то, без чего электронной демократии не может быть в принципе. Базовым условием для реализации ее идей является массовая вовлеченность населения в процессы электронного взаимодействия. Для этого необходимо полностью решить проблему цифрового неравенства. В свою очередь, ее решение зависит, во-первых, от расширения электронного пространства взаимодействия, т. е. масштабного внедрения ИКТ не только в политическую, но и в экономическую, культурную, социальную сферы (образование, медицинское обслуживание и т. д.); во-вторых, от развития отрасли информационных технологий в нашей стране, замещения

импортного оборудования отечественными разработками, что должно снизить стоимость его приобретения и подключения к новой коммуникационной среде. На решение этих задач как раз и направлена программа «Информационное общество».

Не остаются без внимания и вопросы совершенствования правового регулирования в сфере использования ИКТ, для чего планируется разработка большого количества разных проектов федеральных законов. Это свидетельство того, что масштаб работ в правовой сфере запланирован большой, ряд правовых актов непосредственно касается создания благоприятной среды для развития электронной демократии, но среди них нет ни одного, который бы закреплял за механизмами электронной демократии официальный статус.

В какой-то степени в отсутствии в программе даже понятия «электронная демократия» нет ничего удивительного. Это является адекватным отражением состояния российской электронной коммуникационной среды. До сих пор Российское государство и общество находятся еще только на стадии создания технологических, институциональных и правовых предпосылок, без которых нельзя преобразовать традиционную систему демократических отношений. Особенность государственной стратегии на данном этапе такова, что в фокусе внимания находятся задачи развития информационного общества. Но нельзя сказать, что тема развития электронной демократии находится вне поля зрения власти. Скорее уровень внимания к ней соответствует реальным возможностям осуществления сегодня электронного народовластия.

Было бы опрометчиво считать, что развитие электронной демократии всегда находится в противоречии с интересами бюрократии, поскольку ограничивает их властные возможности. Как показывает практика, власть уже выработала и апробировала разные стратегии использования ИКТ в своих целях. Повысить эффективность власти с помощью ИКТ возможно разными путями и в разной степени. В современных внешнеполитических условиях компромисс может быть только в нахождении такого пути развития электронной демократии в России, который соответствовал бы интересам как власти, так и общества.

Решение этой непростой задачи было предложено лично Президентом РФ. Впервые тема развития интернет-демократии получила свое развернутое выражение в предвыборной статье В. Путина «Демократия и качество государства»⁷. В ней были сформулированы две ключевые идеи, которые определили тенденции развития механизмов электронной демократии в нашей стране. Во-первых, это создание эффективно работающего гражданского «фильтра», через который должны проходить все проекты

нормативно-правовых актов. Иными словами, создание и совершенствование механизмов общественного обсуждения законопроектов, решений, программ, принимаемых на всех уровнях государственной власти, оценки действующих законов и эффективности их применения. Во-вторых, необходимость дать возможность самим гражданам формировать законодательную повестку, выдвигать свои проекты и формулировать приоритеты. Речь идет о создании правила обязательного рассмотрения в парламенте тех общественных инициатив, которые соберут сто тысяч и более подписей в Интернете. Это предложение нашло свое дальнейшее выражение в Указе Президента РФ «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»»⁸.

Ранее (в 2012 г.) президентом был издан Указ «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»⁹. В соответствии с ним Правительству Российской Федерации ставилась задача сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения. Итогом стало создание единого ресурса в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, где размещается информация о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов, ходе и результатах их общественного обсуждения. Этим же указом правительству предписывалось утвердить концепцию «российской общественной инициативы», предусматривающую создание технических и организационных условий для публичного представления предложений граждан с использованием специализированного ресурса в сети Интернет с 15 апреля 2013 г.

О серьезности намерений, о том, что вопросы развития электронной демократии заняли свое место во властной повестке дня, говорит тот факт, что в 2012 г. в Администрации Президента РФ было образовано Управление по применению информационных технологий и развитию электронной демократии.

По характеру полномочий можно судить, что оно должно стать главным центром по разработке и реализации основных направлений государственной политики в области применения информационных технологий в государственном и муниципальном управлении, изучения и применения технологий электронной демократии, по мониторингу и анализу использования современных сетевых технологий и информационных ресурсов.

Ключевой функцией Управления является участие в подготовке проектов федеральных законов, вносимых Президентом Российской Федерации в Государственную думу Федерального

собрания РФ в порядке законодательной инициативы, а также проектов указов, распоряжений и поручений Президента России по вопросам, относящимся к его ведению¹⁰.

Наличие данного Управления хорошо вписывается в логику строительства электронной демократии «сверху». Такая структура является движущей силой создания и внедрения электронной модели взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с организациями, общественными объединениями и гражданами. Но важно учитывать, что электронная демократия не сводится только к одному этому механизму. Пока все свидетельствует о том, что власть трактует электронную демократию как возможность электронного взаимодействия с властью, как одну из форм электронного политического участия. Это достаточно упрощенный подход, не отражающий реального содержания демократии в информационном обществе.

Многое свидетельствует о том, что на официальном уровне отсутствует целостная картина электронной демократии. Разные ведомства видят только отдельные ее части, причем далеко не все, которые пока к тому же не удается собрать воедино. Министерством коммуникации и связи предпринималась такая попытка, которая материализовалась в проект Концепции электронной демократии. Министерство представляет электронную демократию как набор некоторых механизмов, которые должны быть реализованы в рамках Единого портала электронной демократии. Наличие электронной демократии должно было отождествляться с наличием этого интернет-ресурса подобно тому, как электронное правительство в сознании чиновников ассоциируется с Единым порталом оказания государственных услуг. Выносимый на всеобщее обсуждение проект наглядно демонстрирует существующий стиль мышления чиновников, подчиняющийся бюрократической логике, согласно которой, создав Единый портал электронной демократии, можно было бы отчитаться о создании электронной демократии в нашей стране и успокоиться.

Помимо всего прочего, создание Единого портала электронной демократии плохо согласуется с существующей социально-политической практикой, а именно с использованием механизмов электронной демократии в рамках разных интернет-ресурсов, созданных как органами власти, так и независимыми организациями и лицами. Например, что делать в этом случае с такой доказавшей свою востребованность площадкой, как «Российская общественная инициатива». К тому же во многих субъектах РФ уже созданы свои порталы электронной демократии.

Как представляется, главным препятствием на пути развития электронной демократии в России является отсутствие комплексного подхода, который нашел бы свое выражение в четкой

государственной политике, стратегии развития электронной демократии. До сих пор нет концепции развития электронной демократии, которая должна стать результатом согласования позиций и мнений как власти, так и общества в лице разнообразных общественных организаций.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия. (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов : ИЦ «Наука». 2010.
- 2 Окинавская Хартия глобального информационного общества. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Там же.
- 4 Проект «Концепция развития в РФ механизмов электронной демократии до 2020 года». URL: <http://e-democratiа.ru/s/blog/> (дата обращения: 13.02.2015).
- 5 См.: О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» : постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 6 См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014. № 313 (ред. от 17.06.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 7 См.: Путин В. В. Демократия и качество государства. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/> (дата обращения: 27.04.2016).
- 8 См.: О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» : указ Президента РФ от 04.03.2013 № 183. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 9 См.: Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления : указ Президента РФ от 07.05.2012. № 601. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 10 См.: Положение об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16282> (дата обращения: 27.04.2016).

Образец для цитирования:

Цаплин А. Ю. Политико-правовые факторы становления электронной демократии в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 447–452. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-447-452.

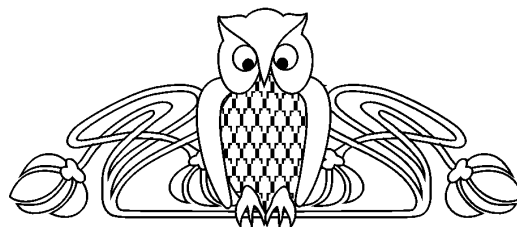
УДК 327.39

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ: ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

П. И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: petr.pash@yandex.ru

Рассмотрены проблемные теоретические аспекты исследования внешнеполитического механизма. Приведены подходы специалистов. Показано, что внешнеполитический механизм представляется в виде политической системы, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики и выделение ресурсов для её осуществления. Элементы внешнеполитического механизма разделены на конституционные (государственные органы) и внеконституционные (политические партии, НПО, экономические структуры, общественное мнение). Проблема движущих сил или «рычагов» влияния на процесс принятия внешнеполитических решений носит комплексный характер, обуславливаясь взаимодействием внешних и внутренних факторов, среди которых выделяются преимущественно национальные интересы, особенности системы международных отношений, структура внешнеполитического механизма и психологические детерминанты.

Ключевые слова: внешнеполитический механизм, внешнеполитические решения, внешняя политика, государство, международные отношения.

Foreign Policy Mechanism: Problematic Theoretical Aspects of the Research

P. I. Pashkovsky

Problem theoretical aspects of the study of the foreign policy mechanism have been considered. Approaches of researchers have been offered. It was shown that the foreign policy mechanism is in the form of the political system, which provides the definition of the goals, objectives, priorities and directions of the foreign policy, and the allocation of resources for its implementation. The elements of foreign policy mechanism are divided into constitutional (state bodies) and extra-constitutional (political parties, NGOs, economic structures, public opinion). The problem of the driving forces or «levers» of influence on the process of adoption foreign policy decisions has the complex character is determined by the interaction of external and

internal factors, mainly among which stand out national interests, features of the system of international relations, the structure of the foreign policy mechanism and psychological determinants.

Key words: foreign policy mechanism, foreign policy decisions, foreign policy, state, international relations.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456

Исследование механизма формирования внешней политики государств связано с необходимостью осмысления правительственного и неправительственного измерений, учитывая влияние внутренних и внешних факторов. Подобное позволяет определить скрытые от непосвящённого наблюдателя детерминанты и императивы различных международных процессов, принципы функционирования государственно-политических систем и их институтов, давать оценки и прогнозы тенденций трансформации международной системы, будущего внешней политики государств и государственных объединений.

Сложности в этом отношении возникают в силу «размытости» находящегося в динамике и постоянно ускользающего из поля зрения предмета анализа. «Мало в какой области так, как в этой, – отмечал А. Салмин, – уместна аналогия с “чёрным ящиком”, на входе в который всё и вся, а на выходе – собственно внешнеполитические действия. Отчасти это связано с естественной закрытостью предмета от посторонних глаз. Она, впрочем, всегда условна, в некоторой степени даже чисто ритуальна, и является одним из условий внешнеполитической игры»¹. В связи с этим проблемными для теории международных отношений остаются вопросы определения понятия «внешнеполитический механизм», его содержания, классификации, а также факторов принятия внешнеполитических решений, характеристике которых посвящена данная статья.

Исходя из классического понимания внешней политики целей, приоритетов государств относительно внешнего мира и основных направлений деятельности по их реализации², следует отметить, что тенденцией современности становится процесс усложнения и диверсификации её содержания³. В условиях высокой подвижности и стремительной изменчивости международной системы в настоящее время государства сталкиваются с необходимостью быстро адаптироваться к новым требованиям, соизмеряя цели и имеющиеся ресурсы⁴.

Что касается определения понятия механизма формирования внешней политики (или внешнеполитического механизма) государства, то исследователи, как правило, подразумевают под ним политическую систему, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики и выделение ресурсов для её осуществления. Данная система состоит из определённых элемен-

тов и, согласно классификации В. Антонова, по типу целеустремлённости является открытой, по сложности структуры и поведения – очень сложной, по характеру поведения – игровой⁵.

Основные элементы внешнеполитического механизма выделяются на базе нескольких подходов. Первый из них утверждает в качестве ответственных за внешнюю политику только государственные органы. Второй подход подразумевает изучение всех политических, экономических, социальных и иных институтов, воздействующих на этот процесс. Так, В. Шадурский акцентирует внимание на необходимости изучения во внешнеполитическом механизме роли «государственных органов, которые участвуют в планировании, подготовке, принятии и осуществлении политических решений, а также неправительственных структур, косвенно или непосредственно определяющих участие страны в международных отношениях»⁶. Указанный подход характерен для учёных, представляющих МГИМО, которые, помимо этого, относят к элементам внешнеполитического механизма «неправительственные организации, общественное мнение, академические круги и экспертное сообщество, средства массовой информации, регионы» и экономические лоббистские группы⁷.

На современном этапе в обстоятельствах демократизации и доминирования частной собственности усиливается тенденция вовлечённости во внешнеполитический механизм негосударственных институтов и общественных групп⁸. «К XX в. монополии профессионалов не осталось и в помине, – отмечает А. Шлезингер-младший. – Эра правительства как единого целостного субъекта в международных делах, рационально подсчитывающего издержки и выгоды, пришла к концу (в той степени, в какой модель “рационально действующего лица” вообще когда-либо соответствовала реальности). Отныне в условиях демократии творцам политики пришлось считаться с бюрократами-соперниками в сферах исполнительной власти, со скептиками из числа законодателей, с группами давления – идеалистическими и коррумпированными, с национальным и зарубежным общественным мнением. Усиление экономической взаимозависимости наций и распространение идеи об ответственности правительства за экономику умножили количество групп, претендующих на право определять национальный интерес во внешней политике»⁹.

Отсюда следует, что одна группа элементов исследуемой системы носит конституционный характер (законодательная, исполнительная и судебная ветви власти), поскольку их участие в формировании внешней политики закреплено на законодательном уровне. Другая же группа (политические партии, неправительственные организации, субъекты экономической деятельности, общество) имеет внеконституционный характер,

отличаясь латентным влиянием на внешнеполитический процесс.

В частности, У. Уоллес отмечает, что общественное мнение, складывающееся внутри государства, играет не менее важную роль, чем международная среда, вынуждая правительство постоянно на него оглядываться, чтобы избежать усиления оппозиции и падения престижа власти¹⁰. При этом роль общественного мнения представляется двойкой. Наряду с выражением позиции общества или его отдельных групп, оно выполняет и скрытую функцию социального контроля, способствуя интеграции и обеспечивая уровень консенсуса, необходимый для легитимации действий и решений властей¹¹.

Очевидность неоднородности общественного мнения позволяет говорить о наличии в нём некоторого количества уровней. Т. Риссе-Каппен выделяет таковых три: массовое мнение; мнение интересующихся в целом политикой; мнение небезразличных к отдельным проблемным вопросам. Во всём своём многообразии общественное мнение воздействует на государственные институты разными способами: прямым влиянием на процесс принятия решений элитой; сужением спектра возможностей осуществить решение; усилением или ослаблением позиций отдельных политических лидеров или институтов; смешением идеологических позиций внутри политических партий и т. д. Степень влияния общественного мнения на внешнюю политику государств определяется двумя факторами: гомогенное общество оказывает большее воздействие на государство, чем гетерогенное, а сильный государственный аппарат в меньшей степени учитывает общественное мнение¹².

В свою очередь, общественное мнение касательно международных вопросов формируется на основе внешнеполитического сознания, которое М. Шепелев определяет как «всю совокупность существующих в конкретный исторический момент представлений людей относительно международных отношений, внешней политики и мирового развития, взятую в единстве всех форм выражения этих представлений и в их исторической эволюции, в ее взаимосвязи и взаимодействии с реальной общественной практикой и с другими компонентами политического сознания»¹³.

Важно отметить, что внешнеполитический механизм, являясь частью политической системы общества, имеет подсистемы внутри собственной структуры. В исследованиях наиболее чётко обозначается подсистема, объединяющая элементы механизма, выступающие государственными институтами. Руководствуясь структурой внешнеполитического механизма, наиболее функциональной представляется следующая классификация его вариантов: доминирующий лидер (окончательное решение принимается одним человеком); единая группа (коллективное

принятие решений внутри одного института); несколько автономных акторов (решения принимаются в результате консенсуса между несколькими институтами). При этом отмечается, что в процессе принятия внешнеполитических решений структура механизма может быть различной на разных уровнях¹⁴.

В этом контексте наибольшие противоречия вызывает вопрос о факторах принятия внешнеполитических решений¹⁵. Одним из важнейших императивов процесса принятия внешнеполитических решений традиционно считаются национальные интересы. Они имеют три постоянных составляющих: интересы национальной безопасности (защита территории, населения и государственных институтов от внешних угроз); национальные экономические интересы (развитие торговли, рост инвестиций, защита частного капитала за рубежом); интересы поддержания мирового порядка (взаимоотношения с союзниками, выбор внешнеполитического курса). Выделяются также преходящие или промежуточные интересы со следующей градацией по степени значимости: интересы выживания (угроза существованию государства); жизненные интересы (возможность серьёзного ущерба безопасности и благосостоянию нации); периферийные или мелкие интересы (проблемы локального характера)¹⁶. Вместе с тем конкретное содержание национальных интересов различается, определяясь спецификой государств, и эволюционирует с течением времени¹⁷.

Кроме того, на практике национальные интересы нередко подменяются личными или корпоративными¹⁸. Так, А. Уолферс отмечает частое несоответствие между хладнокровным преследованием национального интереса и человеческими эмоциями и чувствами¹⁹.

Ведущим фактором принятия внешнеполитических решений является характер системы международных отношений, обуславливающий возможности внешнеполитического поведения государств²⁰.

Существенное влияние на внешнеполитические решения оказывает структура государственного внешнеполитического механизма. Согласно организационной концепции, как полагает Г. Аллисон, механизм формирования внешней политики не является монолитом, будучи высокодифференцированным²¹. Д. Розенау отмечает, что проблемы международной политики имеют комплексный характер, требуя их передачи в ведение отдельных организационных структур. Деятельность всех организаций в структуре государственного аппарата, как правило, строго формализована и запрограммирована, цели и средства их достижения определяются заранее и формулируются в строго очерченных рамках²².

С организационной концепцией сочетается бюрократическая, постулирующая, выражаясь словами Т. Соренсена, крупные действия

являются следствием бесчисленных, нередко конфликтующих, меньших действий, совершаемых личностями на разных уровнях бюрократических организаций. При этом роль лиц или институтов, формально принимающих решения, может быть невелика, поскольку коренные решения, ограничивающие их выбор, часто принимаются ранее²³.

В рамках инструменталистского подхода, базирующегося на приоритете нормативно-правовых и функциональных начал, устанавливаются роль и место отдельных элементов внешнеполитического механизма. Д. Стрельцов и Е. Колдунова отмечают, что данный подход позволяет исследовать внешнеполитический процесс через понимание правовых основ деятельности отдельных министерств и ведомств, а также организационных особенностей конкретных внешнеполитических ведомств и других институтов. Большое значение имеет и анализ концептуальных документов, определяющих внешнеполитические интересы, ставя конкретные цели перед какими-либо структурами государственной власти²⁴.

Среди психологических факторов влияния на процесс принятия внешнеполитических решений выделяются: личные качества политических лидеров, стресс, нехватка времени, кризисная обстановка, ошибки восприятия, недостаток информации, особенности группового мышления²⁵. В этой связи важной является мысль Г. Киссинджера, раскрывающая клубок противоречий, связанных с функционированием внешнеполитического механизма любого государства. «Учёные-исследователи, – размышлял он, – анализируют функционирование международных систем; государственные деятели их создают. И существует огромная разница между видением аналитика и государственного деятеля. Аналитик в силах выбирать, какую именно проблему он желает исследовать, в то время как на государственного деятеля проблемы сваливаются сами собой...»²⁶. Уточняя данное утверждение, А. Кокошин отмечал, что в этом смысле государственному деятелю противопоставляется только определённый тип учёного, который работает в академических условиях, сравнительно независимо от государственных органов. В свою очередь, имеется значительное число исследователей, работающих в различных научных центрах, тесно связанных с государственными органами власти. Таковые «отнюдь не свободны в выборе проблем исследований, они также ограничены во времени, которое им отпущено на исследование и анализ»²⁷.

Продолжая характеристику психологических факторов, А. Джордж и О. Холсти вводят понятие «операционального кода» как системы основных принципов, которыми руководствуются политические лидеры при определении внешнеполитической стратегии. В его состав входят:

правила, позволяющие лидерам преодолевать ограничения при принятии внешнеполитических решений (неполная или недостаточная информация и т. д.); понимание определения политики и её целей, закономерностей развития международных политических процессов; умение вырабатывать политическую стратегию и тактику; личностные качества и т. п.²⁸. Например, по мнению Г. Роуза, руководители государств часто неправильно истолковывают как распределение возможностей, так и эффективность наступательных и оборонительных военных стратегий вопреки системной теории. Однако подобные действия вероятны лишь в кратко- и среднесрочной перспективе. Затем системные факторы берут верх²⁹.

Итак, проведённое исследование показывает, что внешнеполитический механизм является политической системой, функционирующей которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики и выделение ресурсов для её осуществления. В данном случае применяется расширенный вариант понимания, когда элементы внешнеполитического механизма разделены на конституционные (государственные органы) и внеконституционные (политические партии, НПО, экономические структуры, общественное мнение). Проблема движущих сил или «рычагов» влияния на процесс принятия внешнеполитических решений носит комплексный характер, обуславливаясь взаимодействием внешних и внутренних факторов, среди которых преимущественно выделяются национальные интересы, особенности системы международных отношений, структура внешнеполитического механизма и психологические детерминанты. В то же время представляется, что данная исследовательская проблема является дискуссионной, имеющей различную интерпретацию в зависимости от методологических подходов специалистов, актуализируя необходимость её более углублённого изучения.

Примечания

- 1 Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская политика на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / гл. ред., пред. совета А. М. Салмин. М.: Летний сад, 2001. С. 102–103.
- 2 См.: Лебедева М. М. Мировая политика: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 314.
- 3 См.: Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Внешнеполитический процесс на Востоке. Некоторые подходы к методологии исследования // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 146.
- 4 См.: Кортунов С. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. 2004. № 2. С. 59.

- 5 См.: Антонов А. В. Системный анализ : учебник для вузов. М. : Высш. шк., 2004. С. 20–22.
- 6 Шадурский В. Г. Внешняя политика Франции (1945–2002). Минск : Изд-во БГУ, 2004. С. 102.
- 7 Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Указ. соч. С. 146, 148.
- 8 См.: Шенелев М. А. Теорія міжнародних відносин : підручник. Киев : Вища школа, 2004. С. 104.
- 9 Шлезингер А. М. Циклы американской истории : пер. с англ. М. : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. С. 118.
- 10 См.: Быков О. Н. Национальные интересы и внешняя политика. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 46.
- 11 См.: Основы общей теории международных отношений / под ред. А. С. Манькина. М. : Изд-во МГУ, 2009. С. 338.
- 12 См.: Risse-Kappen T. Public Opinion, Domestic Structure and Foreign Policy in Liberal Democracies // World Politics. 1991. Vol. 43, № 4. P. 482–483.
- 13 Шенелев М. А. Указ. соч. С. 340.
- 14 См.: Hermann M. G., Hermann C. F. Who Makes Foreign Policy Decisions and How : An Empirical Inquiry // International Studies Quarterly. Vol. 33. № 4. December 1989. P. 363–364.
- 15 См.: Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев : Интерсервис, 2012 ; *Его же*. К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. Материалы XI Международной научно-практической конференции (29 сентября 2015 г.). СПб. : Стратегия будущего. 2015. № 11. Т. 3. С. 88–90 ; *Его же*. Россия в международных системах : исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41–53 ; *Его же*. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14–20.
- 16 См.: Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль : Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М. : Международные отношения, 1976. С. 81.
- 17 См.: Быков О. Н. Указ. соч. С. 26.
- 18 Там же. С. 30.
- 19 См.: Wolfers A. Discord and Collaboration : Essays on International Politics. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1962. P. 26.
- 20 См.: Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). С. 7 ; Шенелев М. А. Указ. соч. С. 138.
- 21 См.: Allison G. T. Conceptual Models and «The Cuban Missile Crisis» // The American Political Science Review. 1969. Vol. 63, № 3. P. 690.
- 22 См.: Мировая политика и международные отношения : учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб. : Питер, 2007. С. 266–267.
- 23 См.: Allison G. T. Op. cit. P. 690.
- 24 См.: Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Указ. соч. С. 146.
- 25 См.: Лебедева М. М. Указ. соч. С. 315–318 ; Холсти О. Р. Кризисы, эскалация, война // Теория международных отношений : хрестоматия / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Гардарика, 2002. С. 300–315.
- 26 Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. С. 19.
- 27 Кокошин А. А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям : краткий очерк. 2-е изд, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2008. С. 68–69.
- 28 См.: Мировая политика и международные отношения. С. 270.
- 29 См.: Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. № 51. P. 160–161.

Образец для цитирования:

Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм : проблемные теоретические аспекты исследования // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–456. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456.

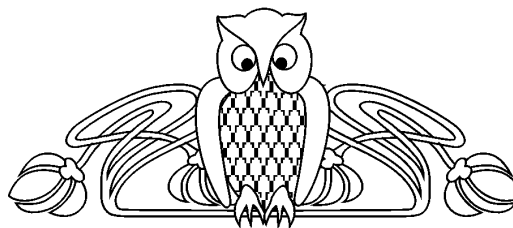
УДК 327

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В АТР

А. М. Бобыло

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
E-mail: sibiryak_84@mail.ru

В статье исследуются вопросы образовательной стратегии Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте ее геополитических задач и национальных интересов на современном историческом этапе. Рассматриваются ключевые инструменты и меры государственной поддержки по продвижению и интеграции системы российского образования в образовательное пространство АТР (совершенствование нормативно-правовой базы, реализация инновационных образовательных

проектов по поддержке национального образования, участие России в международных образовательных и экономических проектах со странами АТР, активизация работы в сфере развития гуманитарного сотрудничества за рубежом). На основе проведенного анализа строятся прогнозы и оцениваются перспективы дальнейшей работы по данному направлению.

Ключевые слова: образование, Азиатско-Тихоокеанский регион, национальные интересы, гуманитарное сотрудничество,

интернационализация, совместные проекты, иностранные студенты, экспорт образования.

Educational Aspects of Russia's Policy in Asia-Pacific

A. M. Bobylo

The article examines the issues of Russian educational strategy in the Asia-Pacific region in the context of its geopolitical objectives and national interests at the present stage of history. The key instruments and measures of state support for promotion and integration of Russian educational system to educational space of Asia-Pacific region (improvement of legislation, implementation of innovative educational projects for national education support, participation of Russia in international educational and economic projects with Asia-Pacific countries, intensification of work in the field of development the humanitarian cooperation abroad) are considered. Based on the analysis the prospects for further work in this area are estimated.

Key words: education, Asia-Pacific region, national interests, humanitarian cooperation, internationalization, joint projects, foreign students, export of education.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-456-461

Активизация сотрудничества России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в настоящее время превращается в один из главных внешнеполитических приоритетов страны. Это обусловлено, с одной стороны, ее уникальным геополитическим положением – Россия имеет общие сухопутные и морские границы, обладает многовековым опытом взаимодействия со многими государствами, расположенными в данном регионе. С другой стороны, АТР фактически превратился в новый экономический и политический центр мира. Достаточно сказать, что сегодня четверть российского товарооборота приходится на страны данного региона.

Произошедший в начале XXI в. судьбоносный «поворот России на Восток» во многом предопределил внешнеполитические ориентиры страны на ближайшие десятилетия, к числу которых относятся: возобновление политического, экономического и культурного присутствия в регионе; глубокая интеграция в региональные политические, экономические и культурные процессы, прежде всего, экономический подъем Сибири и Дальнего Востока; активизация сотрудничества со странами АТР в сфере обеспечения безопасности, глобальных вызовов человечеству, развития человеческого капитала и т.д.

Кроме того, в настоящее время стало вполне очевидным, что для формирования инновационной экономики и политической репутации России в Азиатско-Тихоокеанском регионе большое значение имеет именно качество развития человеческого потенциала. В современном мире многие страны в стратегии своего развития делают ставку на повышение эффективности образования, поскольку именно оно должно стать одним из факторов формирования новых общественных отношений и укрепления безопасности на

национальном, региональном и международном уровнях.

Сегодня нет никаких сомнений, что будущее Земли, ее безопасное существование во многом будут зависеть от скорости научно-технического прогресса; качества воспитания человека нового тысячелетия, готового к использованию продуктов нового технологического развития; формирования «личности безопасного типа»; перехода от «квалифицированного потребителя» к человеку-творцу, организованному, морально и интеллектуально вооруженному на основе современных социально-гуманитарных и интеллектуальных технологий.

Осознавая всю важность развития гуманитарного и культурного сотрудничества, Россия проводит активную политику по вхождению в мировое образовательное пространство, включая образовательное пространство АТР. Между Россией и странами АТР разрабатываются и реализуются программы образовательного и научно-технического сотрудничества. Среди них – различные масштабные международные проекты, которыми предусмотрено выделение правительственных стипендий на обучение, обмен студентами и преподавателями, активизация международного партнерства российских университетов с образовательными и научными учреждениями стран АТР (Китай, Вьетнам, Япония, Республика Корея, Сингапура и др.), создание международных ассоциаций университетов на двухсторонней и многосторонней основе (например, с Китаем, Республикой Корея, Вьетнамом).

Кроме того, достигнутые на правительственном уровне договоренности – о сотрудничестве между Россией и странами АТР (КНР, РК, Япония, Индонезия, Вьетнам и др.) в сфере топливной и атомной энергетики, гражданской авиатехники, фундаментальных космических исследований, военно-технического и торгово-экономического сотрудничества, строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), глобального изменения климата на планете в связи с парниковым эффектом – дают основание полагать, что уже в ближайшее время от российских и азиатских университетов потребуются разработка совместных образовательных программ по подготовке специалистов, обладающих уникальными профессиональными знаниями и компетенциями для технологического осуществления разрабатываемых проектов, проведения их экономической, правовой и иной экспертизы, со знанием двух и более иностранных языков, создание совместных научно-исследовательских центров и лабораторий. Например, согласно экспертным оценкам, строительство к 2016 г. железной дороги для перевозки угля на острове Калимантан в Индонезии при участии российских специалистов обеспечит создание 2,5 тыс. рабочих мест и 10 тыс. в смежных отраслях, а строительство АЭС Ниньтуан-1 во Вьетнаме – от 4 до 7 тыс. чел.¹

Не менее амбициозны и задачи по увеличению количества иностранных обучающихся, расширению студенческих обменов, определенные правительствами ряда стран АТР. Например, в КНР в настоящее время обучаются около 17 тыс. студентов из России, а в России – более 25 тыс. китайских студентов. В соответствии с утвержденным на государственном уровне планом, к 2020 г. Россия и Китай договорились довести общее число участников программ академических обменов до 100 тыс. чел.² Во многом это связано с реализацией масштабных международных проектов между двумя странами в области совместного освоения углеводородных месторождений в Арктике, транспортной логистики и др. В настоящее время в данных сферах ощущается острая нехватка профессиональных переводчиков, юристов, обслуживающего персонала. Существует спрос на подготовку специалистов в России со стороны Индонезии, Вьетнама, КНДР, Республики Корея, Индии и ряда других стран региона.

В этой связи ключевой задачей развития для российских образовательных организаций становятся повышение уровня конкурентоспособности, открытости и укрепление репутации на национальном и международном уровнях. Большое значение в деле подготовки специалистов для зарубежных стран имеет совершенствование национальной нормативно-правовой базы в сфере интернационализации образования. За последние годы Правительством РФ был утвержден ряд важных документов, таких как Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях (октябрь, 2002 г.); Постановление Правительства Российской Федерации № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (октябрь, 2013 г.); Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы; Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (июнь, 2007 г.) и т. д.

В настоящее время на государственном уровне активную работу по продвижению российских образовательных услуг и расширению сотрудничества между образовательными учреждениями за рубежом, в том числе в странах АТР, проводит Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое является основным государственным институтом, реализующим важнейшие внешнеполитические задачи, направленные на укрепление «мягкой силы» и международного престижа России, в сфере продвижения и закрепления позиций российского образования и русского языка за рубежом.

В соответствии с утвержденной 27 марта 2014 г. министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым Концепцией продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом, данное агентство призвано содействовать приоритетам внешней политики России, направленным на укрепление положительного образа страны в мире, «соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества», повышение конкурентоспособности российской системы высшего образования и социально-экономического развития страны в целом. В Концепции признается, что одним из наиболее эффективных инструментов создания и поддержания положительного образа страны за рубежом является именно система высшего и послевузовского профессионального образования, привлекающего на обучение в страну иностранных граждан³.

Следует отметить увеличение доли России на международном рынке образовательных услуг с 2% в 2007 г. до 4% в 2011 г. По состоянию на 2014 г. в вузах РФ насчитывалось более 186 тыс. иностранных студентов, и их число ежегодно продолжает увеличиваться. В соответствии с Концепцией продвижения российского образования наша страна должна обеспечить обучение в образовательных организациях не менее 5% иностранных студентов, отправив в свою очередь не менее 6% российских студентов на обучение за рубеж⁴.

Кроме этого, в рамках установленной квоты Правительства РФ с 2013 г. 15 тыс. иностранных граждан принимаются на обучение за счет средств федерального бюджета. Значительную долю иностранцев в вузах РФ составляют граждане СНГ. По статистике, первенствуют в этом списке выходцы из Казахстана (53 809 чел., или 28,8%), на втором месте – граждане Белоруссии (17 724 чел., или 9,4%), на третьем – Украины (15 978 чел., или 8,5%), далее следуют представители Туркмении (15 631, или 8,4%) и Узбекистана (15 025, или 8%). Также в десятку стран входят граждане Азербайджана, КНР, Таджикистана, Молдавии и Индии⁵.

Наиболее востребованными направлениями подготовки среди иностранных граждан в российских университетах являются специальности в области: филологии и изучения русского языка; электроники и новых материалов; биотехнологии и современной медицины; логистики; энергоресурсов; менеджмента и управления; юриспруденции; маркетинга.

Основной проблемой в работе по набору за рубежом абитуриентов является, несомненно, присутствие в мировом образовательном пространстве острейшей конкурентной борьбы. Известно, что роль признанных лидеров этой образовательной гонки играют США, Великобритания и Германия. По нашему мнению, со-

хранение и усиление позиций российского образования на международном рынке услуг требует выработки эффективного механизма реализации обозначенных задач на государственном уровне, а также дополнительной финансовой поддержки.

Важнейшим инструментом поддержки и продвижения российского образования за рубежом является популяризация русского языка и обучение на русском. Это один из главных факторов гуманитарного и политического влияния России и распространения российской культуры в мировом сообществе. В этой связи Президент РФ В. В. Путин утвердил концепцию «Русская школа за рубежом». Концепция определяет приоритетные цели и задачи государственной политики в отношении общего образования на русском языке в международном образовательном пространстве, подходы к обеспечению доступа к общему образованию на русском языке за рубежом, а также виды господдержки соответствующих образовательных организаций⁶.

Серьезным преобразованиям подвергается и сама российская высшая школа. К настоящему времени в России сформирована сеть федеральных и национальных исследовательских университетов. В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» поставлена задача об обеспечении вхождения к 2020 г. не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов QS (проект 5-100). На эти цели университетам-участникам проекта ежегодно предоставляется государственная поддержка из федерального бюджета в объеме от 200 млн до 1 млрд руб. Общий объем финансирования из федерального бюджета по проекту на 2014–2016 гг. составил 45 млрд руб.⁷ С целью координации деятельности и консолидации усилий в сфере высшего и дополнительного профессионального образования, а также в сфере научной и инновационной деятельности российскими вузами-участниками проекта создана Ассоциация образовательных организаций высшего образования «Глобальные университеты». По мнению экспертов, реализация проекта «5-100» позволит продвинуться в модернизации системы высшего образования, научных исследований и разработок, в том числе появится возможность тиражировать значимые эффекты от проекта на систему высшего образования в целом⁸.

В качестве примера активной образовательной политики России в АТР можно назвать создание в г. Владивостоке в 2011 г. Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Интернационализация ДВФУ как необходимое условие его развития определяется масштабом задач, которые стоят перед университетом с учетом его нового статуса; последними решениями руководства страны в части повышения качества

высшего образования и конкурентоспособности ведущих отечественных университетов; а также тенденциями развития лучших мировых университетов. Миссия вуза такова: «Образованием и просвещением, приумножением научных знаний и созданием новых технологий способствовать взаимопониманию и сотрудничеству стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их социальному и культурному процветанию, развитию молодого человека АТР»⁹.

В 2016/2017 учебном году в ДВФУ обучаются 3200 иностранных студентов (около 20% от общего числа обучающихся) из 52 стран мира, что является хорошим показателем по российским меркам, но недостаточным по международным. Правительством РФ поставлена задача в течение ближайших пяти–семи лет довести его до 7–9 тыс. чел., что составит третью часть от всего студенческого контингента ДВФУ. Сейчас в ДВФУ 65% иностранных студентов из Китая, и, вероятно, что с ростом числа иностранцев в университете это соотношение будет сохраняться. В соответствии с утвержденной Правительством РФ Программой развития университета, к 2020 г. ДВФУ станет настолько интегрирован в образовательные и научные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что не только будет привлекать к себе на обучение абитуриентов из этих стран, но также сможет значительную часть своих студентов отправлять в зарубежные вузы по различным обменным программам, пока же масштабы таких стажировок российских студентов недостаточны. Доля профессорско-преподавательского состава, имеющего опыт работы и прошедшего стажировки в ведущих российских и зарубежных университетах и научных центрах, возросла до 30% от общей численности штатных сотрудников университета¹⁰.

ДВФУ проводит большое количество мероприятий в сфере работы с молодежью стран АТР. Так, например, ежегодно проводятся международные летние и зимние школы «Россия – Дальний Восток», «Мост дружбы Владивосток – Янцзы», фестиваль иностранных студентов из стран АТР, дни открытых дверей ДВФУ в КНР и др.

Важную роль в укреплении сотрудничества России со странами АТР в сфере образования играют университеты, заинтересованные в установлении и поддержании взаимовыгодных связей. Наиболее значимым институциональным партнером ДВФУ в сфере интернационализации образования является Ассоциация тихоокеанских университетов (APRU) – ведущий в АТР образовательный сетевой консорциум, объединяющий 45 ведущих университетов из 16 стран Тихоокеанского региона (США, Канады, Мексики, Чили, Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Индонезии, Малайзии, Филиппин, Таиланда, Кореи, Японии, Китая, Тайваня, России). При этом ДВФУ является единственным российским членом этой ключевой для региона НПО в сфере

образования. ДВФУ – единственный российский вуз, имеющий аккредитованный японским правительством филиал на территории Японии¹¹.

Цель Ассоциации – содействие социально-экономическому развитию АТР через расширение научного, образовательного и культурного сотрудничества между странами и университетами региона. В своей деятельности она придерживается глобальных академических и исследовательских стандартов и в качестве сетевой структуры стремится вносить вклад в развитие мирового и регионального сообщества с помощью: 1) поиска новых форм организации высшего образования и научных исследований в АТР; 2) воспитания глобальных лидеров в АТР; 3) партнерства в решении проблем, стоящих перед АТР, и поиске ответов на глобальные и региональные вызовы.

Большое внимание в университете уделяется развитию программ обучения русскому языку для иностранных граждан и их популяризации в странах АТР. Так, к настоящему времени на базе средних и высших образовательных учреждений стран АТР в ДВФУ создано 12 центров подготовки иностранных граждан по русскому языку с общей численностью обучающихся более 1000 чел., а с 2014 г. ДВФУ совместно с Государственным советом КНР по стипендиям реализует масштабный международный проект «Китай – остров Русский», поддержанный правительствами России и КНР и направленный на подготовку китайских студентов и преподавателей по русскому языку¹².

Вышеприведенные примеры деятельности ДВФУ дают основания полагать, что существующий задел в сфере интернационализации образования и науки позволит достигнуть стратегической цели университета на период до 2020 г. – становление его в качестве ведущего научно-образовательного и инновационного центра России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Также следует отметить, что помимо ДВФУ на образовательном рынке АТР активно работают и вузы Сибири, Урала, Республики Татарстан и Центральных регионов России. Так, например, Новосибирский государственный университет (НГУ) и Хэйлунцзянский университет (Китай) реализуют пилотный образовательный проект «Китайско-российский институт», в рамках которого происходит русскоязычное обучение китайских студентов как в Китае, так и непосредственно в НГУ силами преподавателей университета. Томским политехническим университетом реализуются сетевые бакалаврские программы (2+2) с Цзилинским университетом и Шеньянским политехническим университетом Китая. С сентября 2016 г. начинает свою работу созданный на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова совместный российско-китайский университет в г. Шэньчжэнь¹³.

В последние годы активно развиваются совместные сетевые университеты СНГ, БРИКС, ШОС, где на паритетных началах ведется работа

между российскими и национальными университетами стран регионов. С учетом положительного опыта университета ШОС перспективным проектом могло бы стать создание Евразийского университета и университета АТЭС, которые бы готовили специалистов, в том числе и в области интеграции, для стран Евразийского союза и АТР. Это особенно важно для России, так как речь идет о соседних государствах, объединенных общим историческим прошлым, значительная часть населения которых говорит на русском языке¹⁴.

С 2013 г. при поддержке Россотрудничества и Министерства образования и науки РФ рядом российских университетов ежегодно проводится цикл предметных олимпиад «Время учиться в России!» для школьников, желающих получить образование в России. В настоящее время проект реализуется в КНР, Вьетнаме, Индии, Монголии и ряде других стран. Цель олимпиад – повышение интереса к российскому образованию и отбор талантливых ребят для обучения в российских университетах на бюджетной основе¹⁵.

Кроме этого, Россия регулярно принимает участие в заседаниях рабочих групп международных организаций (АТЭС, АСЕАН, ШОС, БРИКС) по проблемам глобальных вызовов, развития человеческого капитала, экономики, основанной на знаниях, вопросов экологии, здравоохранения, разоружения, международного права, на которых обсуждаются актуальные вопросы современности, такие как воспитание глобальных лидеров, личности безопасного типа, человека третьего тысячелетия. Главная роль при этом отводится развитию образования и интернационализации национальных университетов на региональном уровне.

Таким образом, в настоящее время в АТР реализуются крупные международные проекты, направленные на усиление интернационализации образования и формирование единого образовательного пространства. Потенциал региона огромен и с точки зрения численности населения, и с учетом темпов социально-экономического развития. В интересах России как евроазиатской страны – стать активным участником динамичных процессов интеграции образовательного пространства в АТР и на уровне Правительства, Министерства образования и науки РФ, и на уровне университетов, в первую очередь, представляющих дальневосточные регионы страны. Это особенно актуально в постиндустриальную эпоху, когда образование выдвигается в число ключевых элементов «высокой» мировой политики, становясь одним из факторов обеспечения национальной безопасности государств, формирования их позитивного восприятия на международной арене.

Российская высшая школа может и должна стать эффективным инструментом «мягкой силы» во внешней политике нашей страны на ближайшую перспективу. В первую очередь, данный инструмент должен быть направлен на решение следующих важнейших задач: повы-

шение академической репутации российских университетов; укрепление позиций России в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом; рост востребованности российских специалистов и ученых на международном рынке труда; большая включенность России в работу международных образовательных институтов (ассоциаций, организаций, сетевых университетов) на двухсторонней и многосторонней основе; увеличение потока взаимобмена студентами, профессорско-преподавательским составом.

Одним из ключевых аспектов интеграции российского образования в образовательное пространство АТР является создание университетской сети в АТР, которая поможет подготовить высококвалифицированных специалистов, будет способствовать доступу к достижениям ведущих вузов региона, мобильности студентов, преподавателей и научных сотрудников, разработке совместных программ и курсов, созданию центров коллективного пользования.

Значительная роль в достижении указанных целей и задач на образовательном пространстве АТР, помимо Россотрудничества, во многом отводится и самим российским вузам, прежде всего Дальневосточному федеральному университету, призванному, по мнению Президента РФ В. В. Путина, стать «интеллектуальной доминантой», центром коммуникации и партнерства России с элитами и субъектами инновационной экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Как представляется, в настоящее время работа по продвижению российских образовательных услуг требует более масштабного, системного и скоординированного подхода. В частности, на государственном уровне России следовало бы проводить более масштабную и точечную работу с соотечественниками в странах АТР при существенном увеличении количества иностранных граждан, принимаемых на обучение за счет ассигнований федерального бюджета. Целесообразно создание эффективно действующих ассоциаций иностранных выпускников российских вузов в странах региона, разработка гибких академических, правовых и финансовых траекторий, приведение их в соответствие с международными образовательными стандартами.

Кроме этого, российским университетам необходимо повышать качество и конкурентоспособность разрабатываемых образовательных и научных продуктов в странах АТР, с их привязкой к дальнейшей профессиональной траектории обучающихся в соответствии с требованиями рынка труда АТР, реализации перспективных международных проектов стран региона с участием России, что повлечет за собой рост ин-

тереса к российскому образованию и изучению русского языка.

Решение указанных задач в образовательной сфере будет способствовать повышению эффективности реализации национальных интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ее поэтапной интеграции в политическое и экономическое региональное пространство, регулярному участию в глобальной повестке по ключевым вопросам, таким как развитие человеческого капитала, борьба с международным терроризмом, обеспечение устойчивого развития.

Примечания

- 1 См.: Давыденко А. Россия и страны АТР заинтересованы в развитии многостороннего и взаимовыгодного сотрудничества // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/12093> (дата обращения: 18.02.2016).
- 2 Там же.
- 3 См.: Концепция продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом (утв. МИД России 27 марта 2014 г.). URL: <http://base.garant.ru/70892382/#ixzz4DQ8tyxSx> (дата обращения: 18.02.2016).
- 4 См.: Российские вузы с успехом привлекают иностранных студентов, чтобы подняться в мировом рейтинге. URL: <http://www.newsru.com/russia/19feb2015/inostud.html> (дата обращения: 18.02.2016).
- 5 Там же.
- 6 См.: Утверждена концепция продвижения русского языка за границей // Информационно-аналитический портал SakhaNews. URL: <http://www.sakhanews.ru/151852.html> (дата обращения: 18.02.2016).
- 7 См.: Программа повышения конкурентоспособности российских университетов (Проект 5-100). URL: <http://минобрнауки.рф/projects/5-100> (дата обращения: 18.02.2016).
- 8 «Единая Россия» проконтролирует ситуацию с реализацией проекта «5-100» // Партия «Единая Россия»: [сайт]. URL: <http://er.ru/news/125735/> (дата обращения: 14.05.2016).
- 9 Дальневосточный федеральный университет : [сайт]. URL: <http://www.dvfu.ru/web/international/news> (дата обращения: 10.05.2016).
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 См.: Министерство образования и науки Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 10.05.2016).
- 14 Там же.
- 15 Там же.

Образец для цитирования:

Бобыло А. М. Образовательные аспекты российской политики в АТР // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 456–461. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-456-461.

УДК [328.1. + 329.1/6 + 342.8]

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ: КОНТУРЫ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУЦИЙ

В. Г. Семёнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: semenovavg@mail.ru

В статье изложены основные условия и принципы становления российского парламентаризма, дана краткая характеристика основ избирательного процесса того времени. В качестве ведущих факторов, обусловивших развитие института парламентаризма в нашей стране, выделены: высокая степень политизированности российского общества, отсутствие взаимодействия законодательной и исполнительной властей, их обособленность друг от друга, фрагментация политико-идеологического спектра, способствующая высокой степени конкуренции политических партий и партийных фракций.

Ключевые слова: парламент, парламентаризм, правительство, политическая партия, политические институты.

Formation of Parliamentarism in Russia: Contours of New Political Institutions

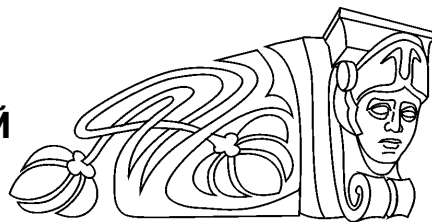
V. G. Semenova

The article describes the main conditions and principles of formation of the Russian parliamentarism, the brief description of basics of the electoral process at that time. As the leading factors in the development of the Institute of parliamentarism in our country, allocated: high degree of politicization of the Russian society, the lack of cooperation of legislative and Executive authorities, their isolation from each other, the fragmentation of the political-ideological spectrum, contribute to the high degree of competition of political parties and party factions.

Key words: parliament, parliamentarism, government, political party, political institutions.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-462-466

Парламентаризм как политическая практика подразумевает наличие сложного набора понятийных и сущностных характеристик. Некоторые исследователи склонны отождествлять парламент с парламентаризмом. Но с терминологической точки зрения это не совсем верно. Парламентаризм – явление общественно-политического характера, выражение качественного уровня общественных отношений в государстве, основанных на принципах представительства общественных интересов, суверенитета народа, коллегияльного принятия политических решений, верховенства закона. В то время как парламент – это орган законодательной и представительной власти государства, формирующийся посредством выборов и осуществляющий деятельность на принципах коллегиальности. Важно понимать, что парламент может быть лишь формальным институтом, внешним атрибутом,

не реализующим на практике истинных принципов парламентаризма.

Зарождение российского парламентаризма и его последующее, порой весьма противоречивое развитие приходится на богатый судьбоносными событиями XX век. Отмена крепостного права в России, крестьянская и земская реформы, а также многие другие предшествующие события, в том числе внешнеполитические, послужили контекстом учреждения первого российского парламента.

Как известно, 18 февраля 1905 г. Николаем II был издан рескрипт, поручавший министру внутренних дел А. Г. Булыгину подготовить проект закона о новом государственном органе, формировавшемся на избирательной основе. Формальной датой учреждения законодательного органа в России считается 6 августа 1905 г., именно в этот день император Николай II издал Высочайший Манифест об учреждении Государственной думы, а также утвердил разработанное Положение о выборах в Государственную думу. Согласно этим документам Государственная дума представлялась как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»¹.

Однако в таком виде законодательное собрание так ни разу и не собиралось. Причиной этого стала общая политическая дестабилизация в стране, в различных городах России проходили постоянные манифестации, готовилась всеобщая политическая забастовка, что во многом способствовало провозглашению императором Манифеста 17 октября, в котором в том числе объявлялось и о созыве законодательного собрания с гораздо большими полномочиями, нежели в первом проекте. Так, Государственная дума наделялась правом принимать законы, предложенные на рассмотрение правительством, правом делать депутатские запросы, а также утверждать государственный бюджет.

В декабре 1905 г. был опубликован закон о выборах в I Государственную думу, где фиксировались основные избирательные права граждан. Согласно обнародованным положениям происходил «отсев» низших слоев от избирательного процесса и закрепление позиций привилегированного положения крупных землевладельцев и промышленников. Все избиратели разделялись на курии – группы, составленные по имущественному и сословному происхождению. Всего

было выделено четыре курии: крестьянская, рабочая, городская и землевладельческая. Последняя имела наибольший вес, хотя по численности ее нельзя было назвать самой представительной общественной группой. Не наделялся правом голоса тот, кто не владел крупным недвижимым имуществом или не являлся плательщиком внушительных размеров промыслового или квартирного налога. Крестьянство имело право голоса в исключительных случаях. В то время как, согласно данным члена-корреспондента Петербургской академии наук Российской империи В. И. Покровского, доля крестьян от общего населения империи составляла на тот момент времени около 77%². Куриальная система была уже устоявшимся явлением в России на земском (местном) уровне и полностью устраивала консервативно-монархически настроенную часть российского общества.

Помимо представлений о политической целесообразности, политическая элита Российской империи всерьез опасалась прохождения в Государственную думу «недружественных» элементов, сословий, недовольных принятой в стране социально-политической линией. Крестьяне требовали землю, нехватку которой, по их мнению, можно было компенсировать за счет обширных помещичьих владений. Рабочие требовали, главным образом, сокращения рабочего времени и улучшения условий труда. Требования рабочих и крестьян затрагивали также политическую повестку, наиболее активно в этом плане проявляли себя рабочие заводов, требовавшие гражданских свобод и введения всеобщего, прямого, равного и тайного голосования на выборах в Государственную думу.

В этом контексте и были объявлены выборы в I Государственную думу. Некоторые левые политические партии бойкотировали выборы (РСДРП, национальные социал-демократические партии, Партия социалистов-революционеров и Всероссийский крестьянский союз), отказались от участия в выборах и крайне правые партии. Но вопреки всем недовольствам определенных сословий избирательными принципами, в марте–апреле 1906 г. в России состоялись первые выборы в Государственную думу, и 27 апреля парламент страны начал официально функционировать.

Ведущей политической силой в новом парламенте стала Партия конституционных демократов (кадетов), представлявших либеральное крыло в политико-идеологическом спектре российского общества, – 176 депутатов, представители правоцентристской партии «Союз 17 октября» – 16 человек, сторонники левоцентристской «Трудовой группы» – 97, социал-демократы (меньшевики) – 18, также было избрано 12 прогрессистов. Остальные политические партии были образованы по национальному принципу (польская, эстонская, латышская и т.д.), пример-

но 70 человек. Отдельно было избрано примерно 100 беспартийных депутатов, которые не объединились в какую-либо фракцию³. В итоге, можно констатировать серьезный уровень партийного представительства, партийной конкуренции, которые, с одной стороны, подтверждают принцип демократичности народного представительства, а с другой стороны, стали основой чрезвычайной фрагментированности политико-идеологического и фракционного представительства Государственной думы.

Депутаты I Государственной думы изначально проявили достаточно радикальный настрой, сделав за 70 дней более 300 депутатских запросов правительству, заявив о требовании амнистии политических заключенных⁴. Достаточно острые дискуссии вызвал аграрный вопрос, представители различных партий весьма ожесточенно спорили о возможности и условиях отчуждения помещичьих земель. В итоге, видя такой радикальный настрой, император Николай II издал манифест о роспуске I Государственной думы, а также объявил о проведении новых выборов⁵. Именно таким стал первый опыт парламентаризма в нашем государстве.

К выборам во II Государственную думу правительство Российской империи готовилось более основательно, поскольку хотело получить тот состав народного представительства, который был бы склонен к конструктивному взаимодействию с властью. По некоторым свидетельствам, правительство предпринимало попытки вести «разъяснительную» работу среди сторонников основного политического курса, а также политических сил, идеологически близких к нему⁶.

На этот раз в выборах принимали участие представители всего партийного спектра, в том числе и крайне левые партии. Достаточно условно можно выделить четыре основных идейных течения: правые (стоящие за укрепление самодержавия), октябристы (принявшие программу П. А. Столыпина), кадеты и левый блок (социал-демократы, эсеры и другие социалистические группы). Устраивалось много шумных предвыборных собраний с «диспутами» между кадетами, социалистами и октябристами. По сути, борьба шла внутри общества между избирательными блоками партий.

Однако, несмотря на определенные старания правительства по привлечению своих сторонников, II Дума оказалась заметно радикальней первой. Всего во II Думу было избрано 518 депутатов. Кадеты, потеряв часть мандатов, по сравнению с I Думой, сохранили значительное число мест во второй. Во II Думе в этой фракции состояло 98 человек. Значительную часть мандатов получили левые фракции: социал-демократы – 65, эсеры – 36, Партия народных социалистов – 16, трудовики – 104. Во II Думе были представлены и фракции правого толка: октябристы – 32, фракция умеренно правых – 22.

Существовали и национальные фракции: польское коло (представительство Царства Польского) – 46, мусульманская фракция – 30. Представлена была казачья фракция, в которую входило 17 депутатов. Беспартийных было 52 депутата⁷.

Рассмотрение правительственных законов было по-прежнему основной функцией парламентариев. В этот раз правительство предложило на рассмотрение ряд достаточно либеральных законопроектов о свободе вероисповедания, упразднении земских начальников, расширении прав земских органов самоуправления. Ранее с такими требованиями выступали либеральные партии. Однако депутаты искусственно затягивали рассмотрение правительственных законопроектов, поскольку на повестке дня стояли более актуальные проблемы. Точнее, каждая партия имела свою повестку дня, которую собиралась отстаивать. В итоге партии социалистов-революционеров и социал-демократов призывали к свержению существующего строя, польские депутаты требовали независимости Польши от Российской империи, кадеты и трудовики настаивали на необходимости принудительной национализации помещичьей земли и передачи ее в безвозмездное пользование крестьянам. Конструктивного диалога внутри самой Государственной думы не сложилось. Сложно было его ожидать в такой ситуации и от правительства. Требования депутатов не представлялись правительству разумными и возможными. В результате П. А. Столыпин, обвинив некоторую часть депутатского корпуса в попытке организации государственного переворота, инициировал роспуск второго состава Государственной думы. 3 июня 1907 г. Николай II издал Манифест о роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу и Положения о выборах в Государственную думу.

По сути, роспуск парламента стал нарушением основных государственных законов Российской империи, составленных и принятых самой же властью. Безусловно, разрабатывая первый вариант избирательного закона, власть предполагала достичь «послушности» Государственной думы за счет права императора распустить ее в любой момент. Однако депутаты, как оказалось, за места не держались и четко отстаивали свою политическую позицию. Более того, роспуск Думы для большинства думских активистов был выгоден. Так, например, эсеры и социал-демократы могли обосновать призывы по насильственному свержению режима фактическим отказом властей действовать в рамках правового поля. С таким же успехом пользовались в своих интересах и представители национальных окраин в Азии и на Кавказе. Крайние призывы становились все более популярными и в усмиренной некогда Польше.

Результатом оппозиционности, конфликтности и радикальности предыдущих двух созывов

российского парламента стали логичные в этой ситуации изменения избирательного законодательства. Согласно новым положениям круг избирателей на порядок снизился, избираться и избирать своих представителей в значительной степени имели право лишь люди с высоким имущественным показателем. Землевладельцы и состоятельные горожане (домовладельцы) стали основными акторами избирательного процесса в России. По самой процедуре выборов существенных изменений не последовало, как мы уже отметили, изменились некоторые показатели по квотам и серьезно подрос имущественный ценз. Сохранилась непрямая система выборов, которая не предусматривала равного народного представительства. Куриальная система выделяла волостную (крестьянскую), землевладельческую, первую городскую (высокий имущественный ценз), вторую городскую и рабочую курии. Помимо этого, некоторые местности предполагали выделение казачьих курий (в местах компактного проживания). Также имели место курии по национальному признаку – русские и нерусские⁸.

В Думу третьего созыва выбирали 446 депутатов, 405 из которых шли от Европейской России, 16 депутатов – от Польши, 10 депутатов – от Кавказа, Азиатская часть России выдвигала 15 депутатов. Обязательным условием было выдвижение от национальных окраин русских и православных – из 16 депутатов от Польши один депутат должен был быть русским и один православным (национальность не имела значения). Из десяти депутатов от Кавказского края обязательно два депутата должны были представлять казачество и один депутат – русское население⁹.

Система сохранила многоступенчатость, благодаря чему был возможен цензовый отбор и естественный «отсев» низших слоев. Выглядело это следующим образом: на начальном этапе крестьяне на волостных сходах выбирали уполномоченных на уездный избирательный съезд. Крестьяне выбирали по два уполномоченных от волостного схода. Со своей стороны рабочие выбирали уполномоченных на губернский избирательный съезд, по одному от фабрики с числом работающих от 50 до 1999, и далее по одному на каждую следующую полную тысячу работающих. На втором этапе выборов в каждом уезде собирались отдельные избирательные съезды четырех курий. Главным показателем неравенства были то, что от крестьян и рабочих в съездах участвовали лишь уполномоченные, тогда как землевладельцы и горожане по двум спискам являлись на съезды лично. В столице губернии отдельно собирался также и избирательный съезд рабочей курии.

Второй этап, согласно куриальной системе, предполагал избрание съездами выборщиков от своего состава для формирования губернского избирательного собрания, который являлся общим для всех курий. Выборщиками могли стать

только участники избирательных съездов. При этом местные власти имели полномочия делить съезды по избирательным округам, а в городах – по участкам. Правом местных властей было и деление избирательных съездов по принципу русских и нерусских, таким образом, сохранялась национальная идентичность. Третьим этапом выборов являлось губернское избирательное собрание. Участники данного собрания именовались выборщиками, которые априори должны были избирать, но также могли заявить о желании избираться в депутаты Государственной думы.

Особый принцип квотирования существовал и у различных регионов. В итоге из 446 мандатов Государственной думы третьего созыва 222 оказались квотированными по куриям и национальностям. Практика квотирования, особенно по национально-конфессиональному признаку, выражала намерение властей сохранить равновесие в тех областях, в которых могли нарушаться права национальных и религиозных меньшинств.

Но наиболее важным результатом предпринятых правительством поправок в избирательный закон являлось наделение правительства правом принимать законы без предварительного обсуждения с Думой. Данное правило действовало в случаях роспуска Государственной думы или ее временного отсутствия по другим причинам.

Таким образом, в результате существенной избирательной реформы 1 ноября 1907 г. в Государственную думу третьего созыва вошли 446 депутатов, которые в своем большинстве, ввиду положения и статуса, были лояльны правительству. Расстановка политических сил в парламенте существенно изменилась. Контроль в Думе перешел к проправительственным политическим силам – октябристам («Союз 17 октября») – 120 депутатов, и националистам (Русская национальная фракция) – 75 депутатов. Левые составляли меньшинство – 13 социал-демократов и 11 трудовиков, польское коло представляли 11 депутатов, мусульманскую группу – 9 человек, польско-литовско-белорусскую – 7 депутатов. В новой Думе оказались также кадеты – 53 депутата, прогрессисты – 36 членов фракции, но уже в значительно меньшем составе¹⁰.

Безусловно, подобный состав законодательного органа и условия игры полностью устраивали правительство, потому что практически любые инициативы правительства имели в Думе поддержку со стороны большинства. Дело в том, что в итоговом составе партийных фракций ни одна из них не могла в одиночку ни «протащить» законопроект, ни заблокировать. В такой ситуации все решала позиция центра, т. е. октябристов. По сути, именно от октябристов зависел итог голосования. Если октябристы голосовали вместе с другими правыми фракциями, то создавалось правооктябристское большинство (около 300 человек), если вместе с кадетами, то – ок-

тябристско-кадетское (около 250 человек). Эти два блока в Думе позволяли правительству лавировать и проводить как консервативные, так и либеральные реформы¹¹. Таким образом, в истории российского парламента не только реализовывался принцип партийного большинства, но и формировался опыт партийных коалиций, осуществлялся поиск консенсусных решений внутри законодательной власти.

Оппозиционные силы вынуждены были быть сдержаннее, потому как несогласие с волей монарха и правительства могло привести лишь к очередному роспуску созыва. Если ранее роспуск Государственной думы мог осложнить работу правительства, то теперь это, напротив, давало право правительству принимать законы самостоятельно до избрания нового созыва. Именно поэтому парламента России перестал быть местом для выражения активной политической позиции, плюрализма мнений и многих других присущих парламентаризму характеристик.

С другой стороны, небезосновательно мнение российских исследователей, полагающих, что опыт III Думы был положительным, так как страна преодолела политический кризис и правительству удалось восстановить работу в штатном режиме. Очевидно и то, что у правительства появлялось понимание необходимости «опоры» внутри парламента, что также являлось фактором стабилизации политической системы в целом. С другой стороны, роспуск оппозиционной Думы, изменение избирательного законодательства и созыв нового «проправительственного» парламента не прибавило легитимности правящему режиму. Третий созыв Государственной думы проработал весь положенный пятилетний срок.

В соответствии с установленными законом сроками 28 ноября 1912 г. была избрана IV Государственная дума. Избирательный процесс не отличался от опыта прошлых выборов, но на этот раз число депутатов составило 432. Численность их менялась из-за сложной куриальной и цензовой системы. Большинство в Думе вновь досталось октябристам и националистам – 98 и 88 мест соответственно. Относительно сильны были позиции кадетов, стремившихся к более конструктивному диалогу с властью, они получили 59 мест. Среди левых политических партий в четвертом созыве российского парламента были представлены трудовики (10 депутатов) и социал-демократы (14 депутатов). В ноябре 1912 г. оформилась партия прогрессистов, программа которой предусматривала конституционно-монархический строй с ответственностью министров перед народным представительством. Появление этой партии стало попыткой консолидации либерального движения, в итоге они получили 48 депутатских мандатов. Учитывая голоса кадетов, можно было говорить о формировании устойчивой либеральной оппозиции¹².

Однако в штатном режиме новый российский парламент проработал недолго в силу начавшихся серьезных политических потрясений. С началом Первой мировой войны в 1914 г. Государственная дума работала в чрезвычайном режиме. Последний раз Государственная дума Российской империи собиралась в разгар Февральской революции 1917 года, по итогам которой официально прекратила свое существование и Российская империя. Члены Государственной думы и Государственного совета собирались в частном порядке до основания Временного совета в начале октября 1917 г. В результате Октябрьской революции был положен конец Временному правительству, а вместе с ним и Временному совету. Так завершился первый достаточно противоречивый этап становления российского парламентаризма.

Несмотря на то, что из четырех созывов полностью отработали лишь депутаты третьего созыва Госдумы, российская политическая система получила серьезный опыт либерализации политической системы, ограничения абсолютной власти, поиска институтов взаимодействия между основными политическими силами, публичной политической дискуссии, попытки перевода острых проблем и тем из поля непримиримой борьбы в поле обсуждения и выработки общего решения, принципов развития партийной системы, право политического выбора. Это важнейшие принципы на пути формирования представительной демократии. В то же время многие из этих принципов оказались ограниченными, не осуществимыми на практике, искаженными, видоизмененными, что в конечном итоге привело к их обесцениванию, подрыву авторитета самого парламента. Совокупность внутривнутриполитических непримиримых противоречий и внешнеполитических коллизий не позволили российскому парламентаризму, так же как и российской партийной системе, завершить институциональное и содержательное оформление на первом этапе, предоставив им второй шанс уже в конце XX столетия.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-33-12009).

Примечания

- 1 Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. СПб., 1908. Ст. 26656. С. 637–638. URL: <http://elibrary.shpl.ru/nodes/178> (дата обращения: 01.11.2016).
- 2 См.: Социально-демографические проблемы населения в российской литературе во второй половине XIX – начале XX вв. : библиографический справочник / сост. В. М. Моисеенко. М., 2011. С. 29.
- 3 См.: Выборы в I–IV Государственные Думы Российской империи : (Воспоминания современников. Материалы и документы) / авт. проекта и сост. И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко. М., 2008. С. 18.
- 4 Там же.
- 5 См.: Митрохина Н. В. История Первой Государственной Думы Российской империи // История государства и права. 2000. № 2. С. 29–36.
- 6 См.: Крыжановский С. Е. Воспоминания : Из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 68–69.
- 7 См.: Маклаков В. А. Вторая Государственная дума // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи : (Воспоминания современников. Материалы и документы). С. 425.
- 8 См.: Выборы в I–IV Государственные Думы Российской империи : (Воспоминания современников. Материалы и документы). С. 23.
- 9 Там же. С. 24.
- 10 См.: Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века : новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 2009. С. 132.
- 11 См.: Институт выборов в России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. / авт.-сост. Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой ; под общ. ред. А. А. Вешнякова. М., 2001. С. 536.
- 12 Там же.

Образец для цитирования:

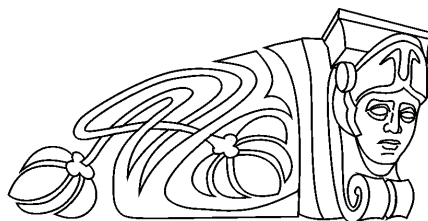
Семенова В. Г. Становление парламентаризма в России : контуры новых политических институций // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 462–466. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-462-466.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ЭТНОСОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ФАКТОРЫ

О. Е. Герасимова

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, С.-Петербург
E-mail: OI.Gerasimova@yandex.ru

В статье рассматривается процесс социальной мобилизации этносов. Автор выявляет основные факторы мобилизации и оценивает степень интенсивности и эффективности каждого

из них на всех этапах процесса социальной мобилизации этносов.

Ключевые слова: этническая идентичность, социальная мобилизация этносов, политизация этничности, полиэтничное государство, национализм.

Social Mobilization of Ethnic Groups: the Main Stages and Factors

O. E. Gerasimova

The paper discusses process social mobilization of ethnic groups. The author identifies the main factors of mobilization and assesses the degree of intensity and efficiency of each of them on all stages of the process of social mobilization of ethnic groups.

Key words: ethnic identity, social mobilization of ethnic groups, politicization of ethnicity, multi-ethnic state, nationalism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-466-474

Особое значение гармонизация этносоциальных отношений имеет в этнически неоднородных странах, где проблема сосуществования различных этносов в рамках одного государственного образования является наиболее актуальной. Причины межэтнических противоречий разнообразны. В прошлом они чаще всего порождались ущемленным статусом этнических меньшинств (ограничениями на использование национального языка и выражение религиозных убеждений, проявлениями расизма и великодержавного шовинизма, ограничениями доступа к престижным профессиям и т. д.). В современном обществе этнические конфликты чаще вызывает не прямая дискриминация, нарушающая права человека, а социальные факторы. В той мере, в какой эти конфликты связаны с социальными причинами, их определяют как этносоциальные. Рост динамизма общественного развития в XX в., социальные перемены, связанные с модернизацией экономики, непосредственно затронули положение многих этнических меньшинств, что стало причиной всплеска этничности и ее социальной мобилизации.

Безусловно, ключом к пониманию природы и сущности понятия «мобилизация этносов» является понятие «этническая идентичность». Именно этническая идентичность играет огромную роль и является основным фактором консолидации и мобилизации этнических групп.

Исходя из этого, наше исследование процесса социальной мобилизации этносов мы начнем именно с определения понятия «этническая идентичность». Введенное Э. Эриксоном¹ в начале XX в., понятие «идентичность» приобрело огромную популярность и сегодня используется во многих сферах социогуманитарного знания и приобрело междисциплинарный характер. **Этническая идентичность** в наиболее обобщенном виде может быть представлена как активный процесс усвоения и соотнесения себя с культурой,

традициями, языком и т. д. определенной этнической группы. Речь идет о некоей самоидентификации индивида, о его представлениях о себе как члене той или иной этнической группы. Именно самоидентификация позволяет человеку приобрести «социальный статус» и «социальную роль», которые предопределяют позицию человека в обществе. Таким образом, идентичность в этнологии рассматривается как вхождение индивида в определенную социальную роль, которая обусловлена той этнической группой, с которой он себя идентифицирует. Этническая идентичность – это динамичное понятие, так как мы можем говорить об изменении этнической идентичности личности в процессе жизнедеятельности.

Попробуем разобраться, в чем же разница между понятиями «этничность» и «этническая идентификация»? Каждый человек рождается с определенной этничностью, которую он унаследовал от своих родителей. Здесь под этничностью мы понимаем набор врожденных биологических характеристик, определяющих этническое происхождение человека, т. е. примордиальное понимание этничности. Если человек в процессе своей жизни живет в этнической среде и в этнических границах своего этноса, усваивает язык, культуру, обычаи определенной этнической группы и соотносит, отождествляет себя с ней, то мы можем говорить о процессе этнической идентификации индивида. Вместе с тем можно говорить об этнической идентификации индивида, проживающего за пределами границ своей этнической группы, но при этом отождествляющего себя с ней. В данном случае главное для определения этнической идентификации – это самоидентификация человека, то, кем сам человек себя видит, чью культуру, язык, обычаи унаследовал, биологические характеристики в данном случае вторичны. Но здесь стоит отметить, если человек отождествляет себя с той этнической группой, чьи биологические характеристики он унаследовал, то в данном случае такой набор будет только усиливать этнические чувства человека и такие индивиды легче поддаются этническим мифам, манипуляциям со стороны этнических предпринимателей, ими легче управлять и мобилизовать на конкретные цели. Такой человек более остро будет реагировать на возможное ущемление этнических чувств и политико-социальное ущемление представителей своего этноса, он более трепетно относится к своим истокам и истории, сочувствует и соперничает своей этнической группе, так как имеет биологическую, врожденную связь со своим этносом. Вместе с тем человек, проживающий в иноэтничной среде и усваивающий в процессе своей жизни чуждую своей этничности культуру, язык, традиции и т. д., безусловно, будет отождествлять себя с ней, но этнические чувства этого человека будут, как правило, менее сильными, переживания менее острыми. Этническая

идентичность дает человеку не только возможность осознать свою принадлежность к определенной этнической группе, но и увидеть свое отличие от других этнических групп, противопоставить себя им.

Прежде чем перейти к непосредственному разговору о социальной мобилизации этносов, необходимо разобраться еще в одном важном для нашего исследования понятии, а именно «полиэтническое общество», а также уяснить, как данное условие может влиять на процесс социальной мобилизации. Этническая идентификация человека происходит в определенной этнической среде, которая оказывает первостепенное влияние на этот процесс и, по сути, обуславливает его. Под **этнической средой** мы понимаем языковую, культурную и бытовую обстановку жизнедеятельности человека (или этнической группы), которая оказывает непосредственное влияние на процесс самоидентификации, на образ жизни человека, его мышление. И здесь стоит отметить, что этническая среда может быть однородной, а может быть смешанной. Безусловно, что находясь в однородной этнической среде, у индивида процесс усвоения духовно-нравственных ценностей происходит гораздо быстрее, очень быстро формируется необходимый набор признаков, исходя из которых, он соотносит себя с определенной этнической группой. Гораздо сложнее этот процесс идет, если человек попадает в иноэтническую или неоднородную этническую среду. В этом случае процесс этнической идентификации становится более сложным явлением и требует тщательного рассмотрения.

Полиэтническое общество – это неоднородная этническая среда, характеризующаяся наличием нескольких различных этносов, проживающих в территориальных границах одного государства. При этом сами границы расселения этносов могут быть четко очерчены, тогда речь идет о наличии у этнических групп территориальной автономии (например баски в Испании). А может быть и другая ситуация, когда нет четких этнических и территориальных границ и этносы дисперсно расселены по территории государства (Эстония) или, например, как в Российской Федерации, некоторые этнические группы имеют свою территориальную автономию, а некоторые нет. И вот здесь, безусловно, стоит оговориться, что наличие у этнической группы своей государственности или, по крайней мере, своей территориальной автономии существенным образом влияет на статус этноса, а также на его способность к мобилизации.

Полиэтническое общество всегда более уязвимо с точки зрения межэтнической напряженности, так как в многонациональном государстве необходимо учесть интересы каждого этноса, и государство в равной мере должно защищать права и чаянья всех этнических групп, что на деле оказывается крайне сложным. Чаще всего

мы видим ситуацию, когда государство выражает интересы этнического большинства, при этом этнические меньшинства остаются ущемленными в своих правах. В этой ситуации на фоне социального и политического ущемления обостряются этнические чувства, просыпается чувство социальной несправедливости и группа мобилизуется на борьбу за свои права.

Под **социальной мобилизацией этносов** в нашем исследовании мы будем понимать деятельность, направленную на активизацию этнической идентичности, на усиление этнических чувств, формирование и популяризацию идеи сплочения представителей этнической группы для достижения конкретных целей. Схожее понимание понятия «мобилизация» предлагает Ч. Тилли и определяет ее как «процесс, посредством которого группа переходит из пассивного собрания индивидов в активное участие в публичной жизни»². Этничность, организованную в поисках достижения общей цели, мы, вслед за М. Н. Губогло, будем именовать «мобилизованной этничностью»³. Основными целями, как правило, являются самоопределение, борьба с ущемленным положением этнических меньшинств, повышение статуса этноса и др. Исходной предпосылкой этнической мобилизации является **политизация этничности**. В самом общем виде процесс политизации этничности описал в своей книге «Этнополитика» Дж. Ротшильд. В его интерпретации суть процесса политизации этничности заключается в переходе этничности из культурного социального или психологического фактора «в политическую силу, целью которой становится изменение или стабилизация систем неравенства этнических групп, сложившихся в обществе»⁴. Исходя из формулируемых в процессе этносоциальной мобилизации требований этнических групп, Дж. Ротшильд выделяет доминирующие этнические группы – «этнические господа», которые стремятся, как правило, защитить свое доминирующее положение и сохранить статус-кво, а также подчиненные этнические группы – «этнические подчиненные», которые, естественно, стремятся улучшить свое политическое и экономическое положение. Соответственно, можно выделить два основных стимула, которые способствуют развитию процесса этносоциальной мобилизации. Это либо угроза интересам этнической группы, либо открытие перед этнической группой новых заманчивых перспектив. Так, П. Брасс и М. Эсман предложили различать два типа мобилизации: оборонный (реактивный) тип, который ставит своей целью отражение угрозы политическому статусу и интересам группы; наступательный (проактивный) тип, главная цель которого в использовании возможности для достижения групповых благ в будущем⁵. Стоит отметить, что периоды политического транзита и ожидаемого в ходе него перераспределения сложившихся политических сил (образование

новых независимых государств, процесс деколонизации, распад многонациональных государств, попытки их демократизации) становятся мощным катализатором процесса политической мобилизации, поскольку способствуют осознанию членами этнических групп как новых угроз, так и новых возможностей.

Соответственно, **социальная мобилизация этносов** – это динамичный процесс, который в своем развитии проходит **несколько основных этапов**:

I этап – конструирование мифов и традиций. Это своего рода формирование представлений у этнической группы, которые используются для сплочения группы и противопоставления ее другим этническим группам.

Таким образом, на этом этапе воссоздаются и реконструируются старые мифы, обычаи, традиции, символы, а также придумываются новые мифы и образы, на базе которых происходит возрождение этнической идентификации, усиливаются этнические чувства. Об «изобретенных традициях» писал еще Э. Хобсбаум, определяя их как совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение⁶. Происходит поиск ритуалов, церемоний, любых других приемов, которые связывают группу с прошлым, а также нацелены на «рутинизацию» новых обрядов. Связь с прошлым чаще всего оказывается фиктивной, да и само прошлое – придуманным. «Изобретенные традиции» Хобсбаум разбивает на три группы с точки зрения функций, которые они выполняют: традиции первого типа призваны установить социальную связь между членами группы, символизируют эту связь; традиции второго типа легитимируют изобретенные институты, социальные отношения и статусы, придают им законную силу; основной функцией традиций третьего типа стала социализация, т. е. внедрение в сознание представителей группы новой системы ценностей, верований, правил поведения.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что насаждение «изобретенных традиций» начинается сверху. Традиции тщательно конструируются, а потом внедряются в группу и распространяются там всеми возможными способами. Чем ближе и понятней конструктор для масс, тем более успешным он будет. Так, «если национальные лозунги, используемые агитаторами для выражения социального напряжения, действительно соответствуют непосредственному повседневному опыту, уровню грамотности и системе символов и стереотипов, принятой большинством представителей недоминантной этнической группы, то достижение фазы С (развития этнического движения) будет быстрым»⁷. В западной литерату-

ре мы также зачастую можем встретить термин «политическая этничность». Данное понятие предполагает некое совместное (коллективное) действие, направленное на конкретные цели. А. Коэн в своих работах отмечает инструментальность этничности и ее прикладной характер. Так, ее можно использовать для достижения в том числе и политических целей. Для обозначения подобных действий А. Коэн вводит понятие «ретрайбализация», под которой он понимает процесс манипулирования обычаями, символами и мифами в борьбе между различными этническими группами и создания с их помощью различных этнических движений. Ключевую роль в этом процессе, безусловно, играют политические элиты⁸.

II этап – политизация исторического и культурного наследия этнической группы. На этом этапе историческое и культурное наследие и даже язык приобретают функцию политического инструмента. Кроме этого, мы можем наблюдать процесс институционализации этничности, когда происходит постепенное формирование национального движения, использующего «изобретенные традиции» как политический ресурс для достижения целей, например, борьба за создание собственной государственности.

Таким образом, культурное и историческое наследие широко используется для формирования национальной идентичности. Политические элиты влияют на историческое сознание масс путем внедрения изобретенных мифов, традиций, символов и статусов. Политизация исторического наследия и «изобретенных традиций» при конструировании национальной идентичности, а также в строительстве («воображение») наций – нередкое явление. Стоит согласиться с С. Хантингтоном, который утверждает, что «без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации»⁹. Исторические факты и события анализируются с точки зрения их влияния на сознание группы и возможности их использования как орудия для политической борьбы. Таким образом, исторические эпизоды используются для поддержки или, наоборот, опровержения тех или иных политических аргументов и формирования нужных (выгодных) для политической элиты представлений об истории. По мнению М. Фуше, «прошлое имеет смысл, только исходя из его применения в современных условиях. Оно таит в себе неисчерпаемый источник представлений и аргументов, которые могут быть мобилизованы или, наоборот, вовремя забыты»¹⁰.

Использование истории в политических целях оправданно, так как в каждом историческом периоде можно найти массу возможностей для различных интерпретаций тех или иных исторических фактов и событий и, соответственно, использовать наиболее актуальные из них в по-

литической борьбе. История оставляет огромное количество взаимных претензий, антагонизмов и поводов для потенциальных конфликтов, особенно между соседними народами, которые можно актуализировать и использовать как мощный инструмент для мобилизации этнической групп, для усиления этнических чувств, чувства несправедливости и т. д. Историческая память, исходя из этого, является превосходной базой для провоцирования межэтнической напряженности и этнических конфликтов. «Память» о былой независимости или государственности, даже относящейся к очень далекому прошлому, может играть важную роль в стимуляции национальных движений¹¹.

Соответственно, можно сделать вывод об инструменталистском использовании истории для формирования национальной идентичности, национальной осознанности и мобилизации этнических групп на политическую борьбу, для оправдания тех или иных претензий и целей. Политизация исторического и этнического наследия осуществляется сознательно и целенаправленно, изучение истории требуется для определения места и роли народа, становления и развития суверенитета, обоснования его статуса, для разработки концепции и программы дальнейшего его развития.

Стоит обратить внимание на то, что на первых двух этапах первостепенную роль играет этническая элита, основная функция которой – актуализация этнической проблематики, когда этнические проблемы начинают доминировать над социальными. Благодаря лидерам-просветителям происходит осознание этнической группой своих проблем, ущемленность ее положения. Основной способ борьбы за этническую проблематику – апелляция к утраченным примордиальным этнообразующим признакам, своеобразная маргинализация этнического сообщества¹². Этнические лидеры пытаются привлечь власти к решению этнических проблем, так как именно это поможет признать значимость этнических проблем, продвинуть их в средствах массовой информации и т. д.

Таким образом, на втором этапе происходит постепенное укрепление и институализация этнополитической элиты, усиление ее роли в политической борьбе, и это усиление проявится на следующем этапе.

III этап – конструирование образа врага и его популяризация. На этом этапе особую роль начинают играть националистические идеологии, призывающие к этническому очищению. Идеология национализма в данном случае применяется как идеология интеграции, которую можно использовать в строительстве наций. Как утверждает Э. Геллнер, «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их не существует»¹³.

Ю. Хабермас выделяют **два типа национализма**: дополитический (внеполитический) на-

ционализм, который опирается на идентичность, основанную на примордиальных этнокультурных маркерах; гражданский национализм, в его основе политическая (гражданская) идентичность. Исходя из этого, можно разделить этнические организации на два типа: внеполитические, которые затрагивают только культурную составляющую этноса, не переходя в политическое поле, и не претендуют на политическую борьбу, так как нет политических притязаний; организации, которые намеренно используют этнический ресурс в политических целях. Стоит отметить, что в реальной этнополитической практике обе эти идентичности сосуществуют и переплетаются. Вместе с тем стоит отметить некий «дрейф» в сторону явно политизированных организаций.

Когда мы говорим об этнической мобилизации, то здесь в первую очередь нас будут интересовать этнические организации и движения, которые являются политизированными и используют этничность как инструмент в политической борьбе. Идеология национализма, как мы уже отмечали, используется для сплочения группы и мобилизации ее на решение политических задач. Идеология национализма и этноцентризм возводят культуру, традиции, достижения и историю этнической группы в абсолютную ценность и противопоставляют всем другим культурам и этносам. Безусловно, сравнение не в пользу чужака. Именно поэтому собственную культуру необходимо защищать от пагубного влияния чужих культур. Здесь этноцентризм обращается к идее чистоты нации, которая предполагает и пропагандирует закрытость и враждебность ко всему инаковому, чуждому. Изоляционизм этих идей в современном мире выглядит несколько утопично и потенциально может привести к межэтническим конфликтам и насилию. На этом этапе этносоциальная мобилизация может перерасти в открытое противостояние.

Чешский историк М. Хрох в своем труде «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе» предлагает нашему вниманию фазы развития этнических движений¹⁴.

Фаза А – на этом этапе «национальные активисты» исследуют языковые, культурные, социальные и исторические маркеры этнической группы. Это некий когнитивный этап, итогом которого становится изучение и донесение до сознания масс основных этнических черт исследуемой группы. «Национальные активисты» «открывают» этническую группу и тем самым закладывают основу для последующего формирования национальных идей.

Фаза В – основной задачей этого этапа становится превращение целей и планов активистов этносоциальных движений в культурно-политические преобразования. Таким образом, происходит политизация национальных идей. Кроме этого, на данном этапе «национальные активисты»

сты», используя этнические чувства людей и пропаганду национальных идей, пытаются завоевать максимальное количество сторонников из числа представителей этнической группы для реализации своих политических целей, например для создания собственной нации. В качестве метода используется патриотическая пропаганда, призванная пробудить национальное самосознание.

Фазой С М. Хрох назвал момент перехода, который характеризуется появлением должного отклика в сознании представителей этнической группы на действия «национальных активистов». На этом этапе этнические группы начинают придавать особое значение своей этнической идентичности, начинается формирование массового движения.

Говоря об этнической мобилизации, необходимо оценить ее потенциал, т. е. разобраться в основных **факторах этносоциальной мобилизации**, которые подробно разобраны в работах М. Эсмана¹⁵.

1. Структура политических возможностей, в основе которой лежат существующие в политической системе нормы и принципы. Исходя из этих существующих норм, можно говорить об ограничении или, наоборот, способствовании этническим движениям мобилизоваться и выражать свои политические требования. Соответственно, для развития политической мобилизации необходимы **политические возможности**. И вот здесь интересен подход, который предлагает Ч. Тилли, отмечая в своих работах, что чем более открытой будет политическая система, тем скорее граждане станут использовать прямые (ненасильственные) пути для решения проблем и конфликтов, и, наоборот, чем более закрытой (репрессивной) будет система, тем больше они станут прибегать к непрямым (незаконным) способам воздействия. В связи с этим он приходит к выводу, что для формирования этнического движения политические возможности должны находиться между двумя полюсами – «открытости» и «закрытости»¹⁶.

2. Ролевая дифференциация внутри этнических движений. Безусловно, участники этносоциального движения – это один из основных факторов, влияющий на его эффективность. Так, вслед за М. Эсманом мы выделяем следующие группы участников: этнические лидеры, этнические активисты, рядовые участники движения и симпатизирующие, которые еще не являются членами движения, но разделяют интересы этнического движения и потенциально могут быть в него рекрутированы.

3. Этническая идеология. Залогом успеха и эффективности этнической мобилизации является наличие у этнического движения собственной идеологии. Так, М. Эсман выделяет ряд основных функций, которые выполняет этническая идеология. Во-первых, идеология выступает в качестве главного фактора национального самосознания, это сформулированный набор убеж-

дений, ценностей, которые определяют коллективную идентичность. Как правило, в идеологии сделан акцент на единстве внутригрупповых интересов и необходимости их защищать. Идеология трактует всех членов этнической группы как жертв навязанного им статуса этнического меньшинства, и поэтому все они должны мобилизоваться на борьбу с существующей или воображаемой несправедливостью и дискриминацией. Во-вторых, этническая идеология обосновывает необходимость участия в этнической борьбе. Именно поэтому этническая идеология несет в себе конфликтный потенциал и может привести к межэтническому конфликту. В-третьих, этническая идеология описывает конечную цель этнополитического движения, что необходимо для мотивации участников к действию. В-четвертых, с помощью СМИ, особенно телевидения, этническая идеология позволяет создать некий образ этнического движения, который популяризируется для привлечения и рекрутирования новых участников¹⁷.

4. Особенности политической организации этнического движения. С точки зрения М. Эсмана, при оценке эффективности движения следует учитывать наличие или отсутствие организационного плюрализма (наличие нескольких организаций внутри одного движения). Так, согласно концепции М. Эсмана, организационный плюрализм может как облегчить и ускорить процесс мобилизации, поскольку ведет к увеличению числа участников и усилению внешних связей движения, так и затормозить этот процесс через препятствие внутригрупповой сплоченности.

5. Цели этнического движения. Безусловно, что издержки и риски этносоциальной мобилизации должны быть компенсированы достижением поставленных целей этнического движения. Исходя из исторического и современного опыта, основными целями этнического движения становятся следующие: гегемония (контроль), сецессия (выход из состава государства и обретение независимости), автономия (региональное самоуправление с широкими полномочиями), равенство (равноправное положение с большинством и отсутствие дискриминации). Важнейшим аспектом ощущения дискриминации и осознания ущемления своих прав является проблема неравенства. Поэтому американские исследователи социальных движений Тед Гурр и Джеймс Дэвис, считают чувство ущемленности главным мотивом к коллективному протестному действию.

Т. Гурр в своем исследовании выделяет четыре принципа, которые лежат в основе изучения целей этносоциальной мобилизации и в целом этнических движений¹⁸. Во-первых, коллективные этнические интересы необходимо рассматривать сегментированно, выделяя среди коллективных интересов частные (индивидуальные). Во-вторых, выражение коллективных интересов должно быть организовано, т. е. необходима

некая политическая организация. В-третьих, на первом этапе этносоциальной мобилизации мы можем наблюдать, как этнические предприниматели и этнические антрепренеры продают свои этнические идеологии, которые выражают национальный интерес, потенциальным сторонникам и участникам этнических движений. Исходя из проявленного интереса и степени поддержки, можно судить об аутентичности предлагаемых этнических интересов и требований. В-четвертых, необходимо понимать, что национальные интересы меняются со временем.

В своем исследовании политических требований Т. Гурр использует сравнительный метод и предлагает шкалу, которая показывает степень поддержки предлагаемых требований и целей: 0 – вопрос не поддерживается; 1 – вопрос малозначим для некоторых сегментов группы; 2 – вопрос существен и значим для всей группы. Данную шкалу можно использовать для анализа и оценки всех видов требований, таких как: требование политической автономии; требование политических прав, политического участия, равенства; расширение экономических и социальных прав. Безусловно, все эти требования можно оценить, с точки зрения поддержки этнической группой, с помощью шкалы Т. Гурра.

6. Мобилизуемые ресурсы. Ресурсы этносоциальной мобилизации могут как благоприятствовать, так и, наоборот, препятствовать ей. Для оценки уровня и потенциала этносоциальной мобилизации можно использовать формулу, предложенную американским социологом Чарльзом Тилли¹⁹. Согласно предложенной формуле уровень и эффективность мобилизации прямо пропорциональны совокупности находящихся под контролем групп ресурсов (в том числе и основного ресурса – мобилизованных в этносоциальное движение людей), помноженных на вероятность вовлечения этих ресурсов в коллективное политическое действие для реализации групповых интересов.

В свою очередь, ресурсы мобилизации можно разделить на потенциальные и актуальные. Данное деление предлагает М. Эсман²⁰. К потенциальным ресурсам он относит: численность группы и ее долю в общем количестве населения исследуемого региона; географическое распределение населения на территории (концентрация на одной территории или дисперсно); наличие финансовых средств; организацию и коммуникацию. Актуальные ресурсы: групповой политический статус и доступ к политическим ресурсам; сплоченность или фрагментация социально-экономических интересов; материальные ресурсы; наличие объединяющей идеологии; наличие поддержки со стороны соотечественников за рубежом.

Ресурсы мобилизации также можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним ресурсам можно отнести такие, как стили ли-

дерства, идеологии, формы организации, средства, методы, используемые группой. Внешние ресурсы характеризуются экономическими и политическими условиями, в которых зарождается этническое движение. Для анализа совокупности внешних и внутренних ресурсов, а также факторов, влияющих на успех того или иного этнического движения, американские социологи Ч. Тилли и С. Тэрроу предложили понятие **«структура политических возможностей»**. Речь идет о структуре ресурсов, обуславливающих вероятность возникновения этносоциальных движений, формы их деятельности (консенсусные или конфликтные), а также эффективность. Ученые стали основателями одного из наиболее интересных направлений в социологии этносоциальных движений, а именно **«состязательной политики»**²¹. Данная теория сложилась из интеграции двух подходов теории мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей. В основе теории лежат представления о том, что на зарождение и развитие мобилизации оказывают влияние как структурные факторы, обстоятельства, которые мы не в силах изменить, например внешние условия, так и когнитивные факторы, основанные на познавательной деятельности людей и их восприятии сложившейся ситуации. И те, и другие факторы оказывают существенную роль в объединении людей в движения и на борьбу за свои интересы.

Наличие или отсутствие каждого из перечисленных видов ресурсов может как облегчать этносоциальную мобилизацию и способствовать ее эффективности, так и осложнять (тормозить) ее.

Рекрутирование в протестное движение осуществляется посредством нескольких фреймов. Само понятие **«фрейм»** было введено в научный оборот американским социологом Э. Гоффманом²² и представляет собой набор «верований и убеждений, вдохновляющих активистов на коллективные акции и легитимирующих их деятельность в протестных кампаниях», это некая призма, сквозь которую человек смотрит на мир и интерпретирует его. Соответственно, это некая система интерпретации окружающего мира и восприятия его. Фреймы коллективного действия выполняют несколько принципиальных функций²³:

– диагностическая – определение проблемы, т. е. интерпретация события или явления в качестве проблемы, а также мобилизация граждан к решению этой проблемы;

– прогностическая – поиск возможных стратегий решения проблем и конфликтов, поиск консенсуса;

– мотивационная – привлечение людей к решению конфликта или проблемы. В основе мотивации лежит попытка логического обоснования необходимости принять участие в общественном движении, привнести потенциальному

участнику чувство значимости для него лично в этой деятельности и заинтересованность в его результате.

Стоит отметить, что потенциальные участники этнополитических движений, на которых направлено действие соответствующих фреймов, не слепо им следуют, данные фреймы анализируются, оцениваются. Поэтому задача людей, их конструирующих, сделать их максимально приближенными и понятными для тех, на кого они направлены. Таким образом, фреймы могут быть использованы как один из видов ресурсов для рекрутирования в этнополитическое движение и его мобилизации.

7. Политические стратегии этнических движений. Стратегия и тактика этнического движения отражает способы использования в этнополитическом действии своих доступных ресурсов. Вслед за Т. Гурром, можно выделить три варианта этнополитического действия: выход – требование расширения автономии или независимости (сецессии); голос – требование улучшения политического и социального положения группы; лояльность – отказ от открытого выражения недовольства. Существуют различные формы выражения политического действия. Выделяют **конвенциональные формы политического поведения**, к которым можно отнести политическую пропаганду, выборы и другие общепринятые и правовые формы политического действия, и **неконвенциональные формы** – акты гражданского неповиновения, протесты, политическое насилие и др. (такие формы политического поведения выходят за рамки общепринятых и законных). Стоит отметить, что разной бывает и степень интенсивности стратегий политического действия. Здесь Т. Гурр выделяет **этнополитический протест**, цель которого – выразить коллективное недовольство, как правило, протест носит ненасильственный характер, насильственный характер он приобретает в основном только в ответ на действия полиции; **этнополитическое восстание** – цель стратегии – достижение серьезных изменений во властных отношениях. В этом случае происходит мобилизация всех имеющихся у группы ресурсов для достижения заявленных целей. Также возможно использование насильственных методов от вооруженных столкновений и террористических актов вплоть до развязывания этнической войны²⁴.

Таким образом, рассматривая процесс социальной мобилизации этносов, можно прийти к выводу, что это динамичный процесс, который в своем развитии проходит несколько этапов от зарождения и сплочения этнической идентичности и ее политизации до появления этнического движения. На каждом этапе мобилизации этносов на этот процесс оказывает влияние огромное количество факторов, которые обуславливают его потенциал и эффективность. Безусловно, процесс мобилизации этносов, как и процесс политиза-

ции этничности, несет в себе конфликтогенный потенциал и может привести к межэтническим противоречиям и напряженности в этносоциальной среде, но без мобилизации, без сплочения этнической идентичности и защиты социальных и культурных интересов группы мы рискуем потерять этничность, она ассимилируется в этническом большинстве. Именно поэтому задача современных политических лидеров – попытаться направить этническую и социальную мобилизацию в мирное русло, в русло ненасильственных методов и форм выражения этносоциальных интересов.

Примечания

- 1 См.: Erikson E. H. Identity and Life Cycle. N. Y., 1980. P. 25.
- 2 Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. N. Y., 1978. P. 69.
- 3 Губогло М. Н. Язык и этническая мобилизация / Доклад на семинаре «Этнический фактор в федерализации России» 18 января 2000 г. URL: <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar3/guboglo.htm> (дата обращения: 11.09.2016).
- 4 Rothschild J. Ethnopolitics : A Conceptual Framework. N. Y., 1981. P. 2.
- 5 См.: Brass P. Language, Religion and Politics in North India. Cambridge, 1974; Esman M. Ethnic Politics. Ithaca, 1994.
- 6 См.: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1 (8). С. 48.
- 7 Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации : процесс строительства наций в Европе // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. [и др.]. Нации и национализм / пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002. С. 132.
- 8 См.: Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa : A Study of Hausa Migrants in Yoruba Town. L., 1969.
- 9 Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 185.
- 10 Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999. С. 12.
- 11 См.: Хрох М. Указ. соч. С. 128.
- 12 См.: Качкин А. В. Этническая мобилизация и процесс регионализации : формы и механизмы // Мир России. 2000. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-mobilizatsiya-i-protsess-regionalizatsii-formy-i-mehanizmy.pdf> (дата обращения: 15.09.2016).
- 13 Gellner E. Thought and Change. L., 1964. P. 169.
- 14 См.: Хрох М. Указ. соч.
- 15 См.: Esman M. Political and psychological factors in ethnic conflict // Montville I. V. (ed.) Conflict and Peacemaking in Multiethnic Societies. Lexington, 1990 P. 53–64; Idem. Ethnic Politics.
- 16 См.: Tilly Ch. Op. cit.
- 17 См.: Esman M. Ethnic Politics. P. 34–35.
- 18 См.: Gurr T. R. Minorities at Risk : A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, DC, 2000.

¹⁹ См.: Tilly Ch. Op. cit.

²⁰ См.: Esmen M. Ethnic Politics. P. 34–35.

²¹ См.: Tilly Ch. Op. cit.

²² См.: Gofrman E. Frame analysis : An essay on the organization of experience. N. Y., 1974.

²³ Цит. по: Скокова Ю. А. Социология общественных

движений : возможности и ограничения основных теоретических концепций // Факты. Комментарии. Заметки. 2014. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_3/132-140_Skokova.pdf (дата обращения: 11.09.2016).

²⁴ См.: Gurr T. R. Op. cit.

Образец для цитирования:

Герасимова О. Е. Социальная мобилизация этносов : основные этапы и факторы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 466–474. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-466-474.

УДК 328.36

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье рассмотрены основные направления исследований различных аспектов политического ислама в современной России, выделены ключевые проблемы, на которых делают акцент отечественные исламоведы в изучении процессов интеграции мусульман в поликонфессиональное российское сообщество, проанализированы основные способы, предлагаемые авторами для их решения.

Ключевые слова: политический ислам, историография политического ислама, методология изучения политического ислама.

Political Islam in Modern Russia: Historiography of Issue

D. G. Mirzakhanov

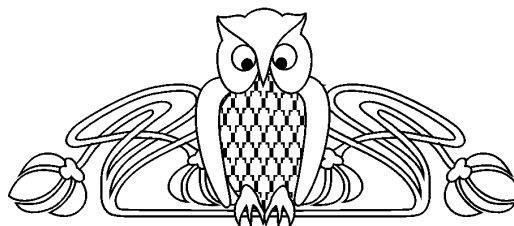
This paper is examine crucial aspects of studies of political Islam in modern Russia. The main aim of article is improvement the understanding of the key problems of Russian Islam in terms of integration of muslim people into policonfessional Russian society.

Key words: political Islam, historiography of political Islam, methods of study of political Islam.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-474-478

Проблема политического ислама является одной из самых актуальных в мировой политологии. Обусловлено это тем, что процессы глобализации и миграции существенно изменили картину мира за счет распространения исламского населения в большинстве западноевропейских государств. Активизация радикальных исламских течений и возникновение так называемого ИГИЛ, открыто заявившего о борьбе за создание мирового исламского халифата, актуализировали не только проблему борьбы с исламским терроризмом, но и интерес к проблеме ислама в целом.

Для России данная тематика имеет особую значимость в силу исторически обусловленного поликонфессионального состава населения, а

также в силу особой остроты исламского фактора в ряде российских регионов. Поэтому различные аспекты данной темы стали предметом для исследований отечественных политологов и обществоведов в целом. Имеющуюся литературу по политическому исламу можно условно разделить на несколько направлений.

Одним из них является изучение места и роли ислама в мировой политике. Доктор исторических наук Д. Б. Малышева прослеживает историю взаимоотношений США и их союзников с арабским миром в контексте взаимоотношений с Израилем и рассматривает сложную и противоречивую систему возникших взаимоотношений в качестве одной из причин террористических актов против американцев и европейцев. Один из ключевых выводов автора состоит в том, что «как элемент политики, а тем более надгосударственный фактор, способствующий формированию нового типа отношений между государствами (“исламская солидарность”), воздействие ислама минимально: оно скорее относится к области мифологии и умозрительных построений, нежели к международной практике»¹. Как представляется, данное утверждение справедливо именно к сфере взаимоотношений исламских государств, имеющих собственные и противоречащие друг другу интересы. Однако вряд ли обоснованно отрицать существенное воздействие исламского фактора как элемента политики на всю сферу международных отношений. Подтверждением тому служат исследования отечественных исламоведов.

Например, один из известных специалистов по данной проблематике Г. И. Мирский в своих исследованиях акцент делает на возможностях и противоречиях процесса встраивания исламской цивилизации в западноевропейские сообщества². Тем самым он фактически признает ислам базовым идентификатором, который определяет сущностные характеристики мусульманских со-

обществ и их политическую субъектность в европейских странах, независимо от того, из каких государств прибывают мигранты.

Еще одним предметом рассмотрения отечественных исследователей стали геополитические аспекты распространения ислама в условиях глобализирующегося мира³. По мнению К. М. Труевцева, одной из причин успеха исламистов является тот факт, что, опираясь на традицию, они «создали такую систему сетевых организаций, которые, будучи в своей основе традиционными, в то же время вполне соответствуют условиям глобализации... именно исламистские организации, а также прямо или косвенно связанные с ними хозяйственные, социальные и политические структуры оказались в наибольшей степени способны и адаптироваться к процессу глобализации, и использовать многие его черты в своих интересах»⁴.

Особое внимание авторы уделяют проблематике исламского экстремизма⁵. Среди различных причин его активизации в последние десятилетия авторы выделяют, прежде всего, отставание многих исламских государств в социально-экономической сфере. Г. И. Мирский объясняет его совокупностью исторических и современных факторов: длительная самоизоляция, гипертрофированная роль мусульманских богословов, «патриархально-патерналистская традиция, которая в сочетании с клановостью, партикуляризмом и мозаичностью общества благоприятствовала установлению авторитарных и деспотических режимов и препятствовала формированию гражданского общества и утверждению демократических начал общественного развития»⁶.

Одним из важнейших аспектов, отражающих сложности взаимоотношений с мусульманами в западноевропейских обществах, стала проблема исламофобии. Особенно актуализировалась данная проблема после акции Брейвика и судебного процесса над ним. Например, О. П. Бибилова провела сравнительный анализ проявления исламофобии в западноевропейских странах и в современной России и рассмотрела основные направления борьбы с данным явлением⁷. По ее мнению, России целесообразно учитывать накопленный мировой опыт для противостояния исламофобии и действовать, главным образом, в направлении повышения образовательного и культурного уровня мусульман, прежде всего молодежи, а также «расширять знакомство с мусульманской культурой среди населения России»⁸.

Особую роль в формировании образа ислама и мусульман играют средства массовой коммуникации. Противоречивым последствием воздействия российских СМИ на массовое сознание в результате использования исламского дискурса посвящены исследования Ш. С. Сулеймановой⁹. Нельзя не согласиться с утверждением автора,

что «формирование и дальнейшее развитие как национальных идеологий отдельных народов России, так и интегрирующей, отвечающей интересам всех российских народов общероссийской национальной идеологии (российской идеи) невозможно без включения в эти идеологии концепции нового российского интернационализма, являющегося важнейшим условием успешного этнического развития народов России в составе единого Российского государства»¹⁰. Однако отечественные СМИ не всегда нацелены на данную стратегическую установку, например, используя в своих публикациях стандартные клише – «ваххабиты», «исламские фундаменталисты», «моджахеды», «шахиды», «пояс шахида» и т. д. Тем самым, по мнению автора, «роль СМИ в формировании чуждого образа носит двойственный характер. Они улавливают доминирующие в обществе настроения и одновременно формируют стереотипы массового сознания. Обладая колоссальным манипуляторским потенциалом, массмедиа способны сформировать в сознании любого фобийные установки»¹¹.

Большой пласт научных работ отечественных обществоведов посвящен непосредственно различным аспектам взаимосвязи России и исламского мира¹². В рамках данного направления представлены исследования основных демографических тенденций исламского населения в современной России, особенности исламской культуры как фактор взаимоотношений мусульман с представителями других конфессий, конкретно-исторические условия вхождения исламских народов в состав России и опыт совместного проживания в составе единого Российского государства. На наш взгляд, отдельные авторы, рассматривая проблемы исламского экстремизма на Северном Кавказе, несколько сгущают краски и драматизируют сложившуюся ситуацию¹³. Как представляется, анализируя наличие противоречий и накопившихся проблем в данном регионе, нельзя забывать о накопленном позитивном опыте в истории совместного проживания северокавказских народов в составе России и наличии у них серьезного потенциала для борьбы против проявлений исламского экстремизма.

И. Л. Бабич, рассматривая проблемы Северного Кавказа в контексте национальных интересов России, акцент делает на взаимоотношении горской идеологии и исламских традиций¹⁴. По ее мнению, идет борьба между тремя основными составляющими современного культурного пространства – национального, исламского и глобального. В результате «горские культуры практически беззащитны перед натиском процессов культурной глобализации и формирования общества потребления при отсутствии какой бы то ни было современной идеологии»¹⁵. Думается, что автор справедливо отметила значение идеологического фактора (точнее его отсутствия) в современной России, который является одной из важ-

нейших причин того, что «молодежь абсолютно потеряла ориентиры, частично уйдя в ислам»¹⁶.

В отдельное направление можно выделить исследования, посвященные региональным аспектам ислама в современной России¹⁷. Такой подход представляется совершенно оправданным с методологической точки зрения, так как отражает объективно сложившуюся ситуацию в различных российских регионах, имеющих уникальную культуру и традиции (в том числе религиозные) представителей разных мусульманских народов России. Без анализа конкретных этнических и региональных особенностей невозможно понять общую картину положения мусульман в современной России и выявить политические, социально-экономические и духовные корни тех причин, которые обостряют ситуацию в отдельных российских регионах. Это особенно важно с учетом того, что миграционные процессы меняют этноконфессиональную ситуацию в различных субъектах РФ, и необходимо анализировать ситуацию в данной сфере¹⁸.

Еще один блок литературы посвящен непосредственно проблематике взаимоотношений ислама и государства, ислама и сферы политики в современной России¹⁹. Одним из важнейших предметов исследований данного направления является государственная политика Российской Федерации в отношении ислама²⁰. Например, А. В. Малашенко, анализируя простую историю взаимоотношения Российского государства и ислама, приходит к выводу, что в современной России в различных субъектах РФ, по существу, складывается вариативность политики взаимоотношений между властью и мусульманским населением, которая зависит от многих региональных факторов, и не в последнюю очередь от характеристик личности главы региона²¹. Еще одним предметом исследований являются государственно-конфессиональные и конфессионально-общественные отношения²². Представители данного направления анализируют взаимоотношения ислама и православия (а также других традиционных российских религий). Кроме того, исследователи рассматривают проблематику политизации ислама в контексте функционирования исламских организаций как институтов гражданского общества в современной России.

Особую актуальность имеет изучение соотношения шариата и государственных законов²³. Дискуссия по этому поводу не прекращается на протяжении всего постсоветского периода. По справедливому утверждению одного из известных отечественных специалистов по исламскому праву Л. Р. Сюкияйнена, «каждая из сторон в споре о перспективах мусульманского права в России стоит на своем: первая ссылается на Конституцию и принципы российской правовой системы, которые якобы абсолютно несовместимы с шариатом, а вторая прямо или завуалированно

отвергает Конституцию и зовет к подчинению воле Аллаха вместо соблюдения законодательства, созданного людьми. И той, и другой не хватает желаний или умения обсуждать проблему в позитивном ключе и искать правовое решение ситуации, недостает знания истинных основ шариата, ознакомления с опытом его применения в современном мире и путями его взаимодействия с государственным законодательством, ориентирующимся на европейские правовые традиции»²⁴.

В отдельное направление целесообразно выделить исследования о соотношении исламской и общегражданской идентичности²⁵. Несмотря на наличие существенных проблем в этой сфере, авторы отмечают, что «исторические императивы общего сосуществования приверженцев различных религиозных традиций отражаются в современном понимании роли государства, параметров культурного и политического оформления поликонфессиональности и многоэтничности. Во многом единые представления об общих принципах совместного бытия отражают специфику общественной солидарности, концентрирующуюся вокруг единой исторической судьбы всех конфессий, народов и самого Российского государства. Идея сильной государственности представляется ролевой в силу исторических и социокультурных факторов, концентрированно выражающих особенности цивилизационного развития России, что отражается в понимании патриотизма и общественных ориентациях последователей традиционных для России конфессий»²⁶.

В рамках статьи невозможно охватить всю имеющуюся отечественную научную литературу по проблематике ислама в современной России. Однако даже представленная выше совокупность исследований позволяет констатировать, что большинство отечественных специалистов признают первостепенную важность объективного, взвешенного и профессионального анализа различных аспектов исламского фактора в политическом, социально-экономическом и духовном развитии российского общества.

Несмотря на наличие большого количества работ по каждому из обозначенных направлений, их тематика не может считаться закрытой и исчерпанной. Обусловлено это, прежде всего, тем, что по целому ряду аспектов политического ислама существуют различные точки зрения и дискуссия их сторонников продолжается. Во-вторых, динамика исламского фактора в современной России такова, что постоянно появляются новые обстоятельства и социальные риски (например, вызванные внутренней и внешней миграцией), которые необходимо изучать и давать им научную оценку для выработки грамотной и ответственной государственной стратегии разрешения накопившихся старых и новых проблем в сфере этноконфессиональных отношений. В-третьих, важно учитывать, что в

условиях обострения международных отношений конкуренты России еще более активно начнут разыгрывать «исламскую карту» для того, чтобы ослабить единство российских народов и внести разлад во взаимоотношения мусульман и представителей других отечественных конфессий. Поэтому неизменно актуальным остается научный мониторинг настроений российских мусульман, структуры их идентичностей, мотивации их политического участия, особенностей поведения в отношении российского государства и институтов гражданского общества.

Примечания

- 1 *Мальшева Д.* Мусульманский компонент мировой политики // Pro et Contra. 2002. № 4. С. 125.
- 2 См.: *Мирский Г. И.* Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 111–125; *Его же.* Политический ислам и западное общество // Полис. 2002. № 1. С. 78–86.
- 3 См., например: *Модестов С. А.* Геополитика ислама. М.: Молодая гвардия, 2003; *Попов В.* Исламский фактор в мировой политике // Азия и Африка сегодня. 2004. № 1. С. 9–13.
- 4 *Труевцев К. М.* Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации // Полития. 2007. № 4(47). С. 75.
- 5 См.: *Арухов З. С.* Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала: Агентство «Кавказ», 1999.
- 6 *Мирский Г. И.* Исламский мир: «отстающее развитие» и его влияние на возникновение мусульманского радикализма // Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН / отв. ред. В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 164.
- 7 См.: *Бибикова О. П.* Исламофобия на Западе и в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 87–100.
- 8 Там же. С. 97.
- 9 См.: *Сулейманова Ш. С.* Политический дискурс ислама в XXI веке // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 3. С. 155–162.
- 10 *Сулейманова Ш. С.* Образ мусульман в федеральных СМИ: мифы о «чужаках» и «врагах России» как угроза единству нации // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 139.
- 11 Там же. С. 140.
- 12 См.: *Белокреницкий В. Я.* Россия и исламский мир: политико-демографические тренды // Полития. 2007. № 4 (47). С. 104–121; Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб., 2013. 162 с. URL: <http://east.philosophy.spbu.ru/docs/islam2013.pdf> (дата обращения: 24.11.2015); *Малашенко А.* Ислам для России / Моск. центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2007; *Его же.* Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. центр Карнеги, 1998; *Мухетдинов Д. В.* Российское мусульманство. М., 2015; *Малашенко А. В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001; *Его же.* Российские мусульмане в международном контексте. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Rossiiskie-musulmane-v-mezhdunarodnom-kontekste-17204> (дата обращения: 24.11.2015); *Мчедлова М. М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 93–102; *Нуруллина Р. В.* Формирование мусульманской общины в современной России как проблема исследования // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 3. С. 85–92.
- 13 См.: *Авьяюцкий В.* Северный Кавказ как «внутреннее зарубежье» России // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 5 (23); Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / под ред. А. Г. Матвеевой, А. Ю. Скакова, И. С. Савина. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012.
- 14 См.: *Бабич И. Л.* Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1191.pdf> (дата обращения: 24.11.2015); *Ее же.* Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 154–164.
- 15 *Бабич И. Л.* Поиски современной горской идеологии. С. 164.
- 16 Там же.
- 17 См.: Ислам в Среднем Поволжье: История и современность / под ред. Р. Мухаметшина. Казань: Мастер Лайн, 2001; Ислам и татарский мир: концептуальные основы развития. Проект концепции. URL: <http://www.dumrt.ru/ru/concept/> (дата обращения: 22.05.2013); Концепция татарской махалли. Проект. Казань: ИИ АН РТ, 2014; *Павлова О. С.* Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичность чеченцев и ингушей: содержание и проблемы соотношения // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 123–124; *Ходжаева Е. А.* Особенности мусульманской идентичности молодежи Татарстана: по материалам массовых социологических опросов и глубинных интервью // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы, перспективы: в 2 т. / под ред. Б. М. Ягудина. Казань: Intelpress+, 2009. Т. 2. С. 226–237.
- 18 См.: *Шмелев А. П., Потапова Ю. С.* Влияние миграционных процессов на мусульманское сообщество России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 145–152.
- 19 См.: *Игнатенко А. А.* Ислам и политика. М.: Ин-т религии и политики, 2004; *Его же.* Ислам в XXI веке: главные направления исследования // Полития. 2007. № 4 (47). С. 7–34; *Кудряшова И. В.* Как изучать взаимодействие религии и политики? // Политическая наука. 2013. № 2. С. 9–24; *Ее же.* Культурно-религиозные ценности как ресурс общественно-политического развития // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 65–74; *Ланда Р. Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005; *Его же.* Политический ислам и отношения Восток – Запад // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 119–134;

- Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект / Моск. центр Карнеги. М. : Весь мир, 2006 ; Семедов С. А. Ислам в политике : идеология и практика. М. : Экон. информ., 2009.
- ²⁰ См.: Егунов А. В. Государственная политика Российской Федерации в отношении ислама : проблемы и перспективы // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 4. С. 46–56 ; Яхьяев М. Я. Государственно-конфессиональная политика новой России : состояние и тенденции : сб. ст. / под общ. ред. М. К. Горшкова и А.-Н. З. Дибирова. М. ; Махачкала, 2012.
- ²¹ См.: Малашенко А. Ислам для России. С. 98–110.
- ²² См.: Абдулагатов З. М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама). Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006 ; Ваганова Ф. Г., Ваганов Р. Н. Взаимодействие исламских организаций и государства в Российской Федерации : пути обеспечения общественно-политической и социальной стабильности // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 101–108 ; Джабраилов Ю. Д. Ислам и власть на Северном Кавказе : пути сотрудничества // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 4. С. 177–186 ; Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. М. : Духов. упр. мусульман Европ. части России, 2001 ; Почта Ю. М. Мусульманский мир : роль института гражданского общества в процессе принудительной демократизации // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2012. № 3. С. 5–18 ; Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Ислам и православно-мусульманские отношения в зеркале истории и социологии. М. : Культурная революция, 2010 ; Мишучков А. А. Цивилизационное единство мусульман и христиан народов Евразийского союза как основа общенациональной системы безопасности // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 1. С. 75–86 ; Малашенко А. Русский национализм и ислам. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/etni-2/malashenko.htm> (дата обращения: 22.11.2015) ; Рюмишин С. А. Религиозные организации как посредник в диалоге власти и общества // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 2. С. 137–144 ; Семенов В. Мусульманский фактор в развитии институтов гражданского общества (на примере Саратовской обл.) // Власть. 2011. № 5. С. 85–87.
- ²³ См.: Абдулагатов З. М. Северокавказский мусульманин : между законами государства и нормами ислама // Дагестанский социологический сборник. Махачкала : Алеф, 2013. С. 25–38 ; Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть : опыт системного и социокультурного исследования. М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт+, 2005 ; Першиц А. И., Смирнова Я. С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81–89 ; Сюкияйнен Л. П. Шариат и мусульманско-правовая культура. М. : Ин-т государства и права РАН. 1997 ; Его же. Мусульманский опыт миростроительства : базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/doklad.pdf> (дата обращения: 03.06.2016) ; Его же. Исламская правовая мысль о глобализации и перспективах политического реформирования мусульманского мира // Полития. 2007. № 4 (47). С. 76–89.
- ²⁴ Сюкияйнен Л. О правовой природе шариата и его взаимодействии с европейским правом. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/syk/prav_prir.php (дата обращения: 03.06.2016).
- ²⁵ См.: Делокаров К. Х. Цивилизационная идентичность России как социально-философская проблема // Конкурентоспособность России в условиях глобализации / под общ. ред. В. К. Егорова, С. В. Степашина. М. : РАГС, 2006 ; Его же. Проблемы российской идентичности в контексте современных вызовов // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 3. С. 119–132 ; Каишаф Ш. П. Вызовы национальной идентичности : мусульманский ответ, российский случай // Власть. 2015. № 4. С. 107–115 ; Его же. Национализм в современной России в рамках дискурса о гражданской, этнической и религиозной идентичности в мусульманских регионах // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2013. № 4. С. 105–116 ; Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 2-е изд. М. : Икар, 2012. С. 27–59 ; Мусина Р. Н. Ислам и проблемы идентичности татар в постсоветский период // Конфессиональный фактор в развитии татар : Концептуальные исследования. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 86–100 ; Мчедлова М. М. Религиозная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. / отв. ред. И. С. Семенов. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 1. Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий. С. 123.
- ²⁶ Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Российская идентичность : патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий факт // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11, № 3. С. 47.

Образец для цитирования:

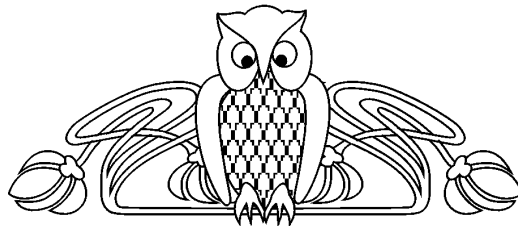
Мирзаханов Д. Г. Политический ислам в современной России: историография проблемы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 474–478. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-474-478.

УДК 323

20 ЛЕТ ПЕРВОМУ НАБОРУ ПОЛИТОЛОГОВ В САРАТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. А. Вилков, Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru, nikshestov@mail.ru

В статье анализируется многолетний опыт подготовки дипломированных политологов в Саратовском государственном университете. Характеризуются основные достижения педагогической и научно-исследовательской работы кафедры политических наук. Обосновывается подход к корректуре «идеологии» современных профессиональных и образовательных стандартов для вузовской подготовки политологов.

Ключевые слова: политологическое образование, политическая наука в регионе, государственные образовательные стандарты, профессиональные стандарты.

20 Years of the First Political Science Enrollment at Saratov State University

A. A. Vilkov, N. I. Shestov

Longstanding experience of teaching fully trained political science students at Saratov State University is analyzed in the article. Key achievements of pedagogical and scholarly work of the Political Science Department are characterized. An approach to correction of the "ideology" of the modern professional and educational standards of political science students' university training is substantiated.

Key words: political science education, political science in the region, state educational standards, professional standards.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-479-482

20-летний юбилей первого набора на специальность «Политология» в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского стал хорошим поводом для того, чтобы оглянуться назад, оценить сделанное, подвести итоги, разобраться в существующих проблемах и наметить пути их решения.

Данные проблемы стали предметом обсуждения на региональном научно-практическом форуме Саратовских отделений Российской Ассоциации политической науки на тему «20 лет политологическому образованию в СГУ: итоги и перспективы». Целью форума было заявлено обсуждение итогов и опыта становления и развития политологического образования в СГУ и других вузах г. Саратова, выявление достижений и существующих проблем подготовки политологов в регионе, способов оптимизации и перспектив обучения бакалавров, магистров и аспирантов в этой области.

Становление специальности «Политология» начиналось не на пустом месте. Важнейшим фак-

тором ее становления в СГУ стало наличие хорошо развитых традиций преподавания обществоведческих наук. История кафедры политических наук СГУ насчитывает 75 лет. Образована она была как общеуниверситетская кафедра истории КПСС и стала одной из крупнейших в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского. В разные годы она возглавлялась такими известными учеными, как Г. Ф. Ходаков, В. Б. Островский, В. В. Всемиров, В. М. Долгов.

Еще в 1960–1970-е гг. профессор, заведующий кафедрой В. Б. Островский заложил теоретико-методологический фундамент прикладного изучения проблем деревни и одним из первых в СССР создал научную школу сельской социологии. Именно сильная обществоведческая база (кадровая и методологическая) определила благоприятные возможности для развития в Саратове новой науки – политологии. Появилась также возможность для открытия специальности «Политология» в СГУ и других крупных вузах г. Саратова, где в то время трудились многие преподаватели и выпускники университета.

Начиная с 1991–1992 гг. кафедра политических наук Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского подготовила теоретико-методологическую базу преподавания политологии на всех факультетах СГУ. С 1992 г. на базе исторического факультета стала осуществляться специализация старшекурсников по политологии и были защищены первые дипломные работы по данной специальности¹. В этот же период был открыт набор в аспирантуру по политическим наукам и начали формироваться основные кафедральные направления научных исследований по политологии.

С 1996 г. начался набор студентов на специальность «Политология» в Саратовском государственном университете, а в 2001 г., соответственно, состоялся первый выпуск². За прошедшие годы диплом специалиста-политолога получили более 400 выпускников дневной и заочной формы обучения. Сегодня они успешно трудятся и продвигаются по карьерной лестнице в различных органах власти города Саратова и районных центров Саратовской области и других регионов России, в структурах политических партий и общественных организаций, в региональных и федеральных СМИ, в ведущих саратовских, других региональных и столичных вузах, консалтинговых центрах, рекламных агентствах и коммерческих структурах.

Непросто шло накопление опыта организации образовательного и научного процессов. За это время четыре раза менялись государственные образовательные стандарты подготовки профессиональных политологов. А это влекло за собой изменения учебных планов и содержания учебных дисциплин. Благодаря высококвалифицированному составу преподавателей и технических работников каждый раз коллектив кафедры успешно справлялся с обновлением учебно-методической базы преподавания базовых и вариативных дисциплин по политологии. Сейчас кафедра осуществляет подготовку политологов в рамках академического бакалавриата, двух магистерских программ («Государственная политика и управление» и «Политическое управление этноконфессиональными процессами в регионах РФ»), а также двух специальностей аспирантуры («Теория и философия политики, история и методология политической науки» и «Политические институты, процессы и технологии»). Сотрудники и аспиранты кафедры все эти годы были и остаются постоянными участниками различных научно-исследовательских коллективов, работающих по грантовой проблематике.

Особое значение для развития политологии в Саратове и в Поволжском регионе имело открытие в СГУ диссертационного совета по политическим наукам под руководством В. М. Долгова. Среди первых защищенных кандидатов политических наук в Поволжье стали А. Г. Чернышов и С. Б. Суоров, О. В. Шудра (Афанасьева), Е. В. Ислентьева, Т. Н. Митрохина, М. В. Мамонов, Э. М. Гущин, И. В. Федорова-Кузнецова, И. И. Кузнецов, С. Г. Сергеев и многие другие. С 1999 г. диссовет по политическим наукам стал докторским и обеспечил подготовку кадров высшей квалификации не только для СГУ и других вузов города Саратова, но и для многих российских регионов от Ульяновска и Самары до Новосибирска и Владивостока. Всего за годы работы диссовета кафедра политических наук СГУ обеспечила научную экспертизу более 30 докторских и более 110 кандидатских диссертаций.

Диссертационный совет дал возможность профессионального роста и создания собственных направлений исследовательской работы докторам политических наук А. Г. Чернышову (Москва), В. С. Слобожниковой (Саратов), Н. И. Шестову (Саратов), О. Н. Фомину (Саратов), Л. М. Семеренко (Ростов-на-Дону), В. А. Труханову (Саратов), Н. С. Мухаметшиной (Самара), И. И. Санжаревскому (Тамбов), И. В. Андроновой (Самара), В. А. Титаренко (Тамбов), Г. Н. Долговой (Саратов), Т. Н. Мирохиной (Саратов), В. Н. Демченко (Ростов-на-Дону), О. В. Суоровой (Саратов), О. Г. Овчаровой (Москва), Н. И. Изергиной (Саранск), В. И. Головченко (Саратов), Э. В. Чекмареву (Саратов), И. И. Кузнецову (Москва), Е. В. Матвеевой (Кемерово), М. В. Данилову (Саратов). Фактически СГУ стал «кузницей» высококвалифи-

цированных педагогических и научных кадров для вузов Саратова. И как следствие этого – по-своему уникальный в масштабах остальной постсоветской провинциальной России мультипликационный эффект бурного роста политической науки и политологического образования в Саратовском регионе в целом. Специальность политологии была открыта еще в трех вузах Саратова – Поволжском институте управления им. П. А. Столыпина, Саратовском социально-экономическом институте Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; Саратовской государственной юридической академии.

По ходу решения всех этих организационных и экспертно-исследовательских задач выявилось немало проблем содержательного плана, требующих дальнейшего осмысления и, как представляется, решения совместными усилиями регионального сообщества политологов.

Ключевой видится проблема профессионального стандарта, на который уже сегодня в определенной мере ориентирована вся подготовка бакалавров и магистров политологии в современном российском вузе. Точнее было бы сказать, что проблема не в самом стандарте. Сам по себе профстандарт необходим в качестве инструмента, обеспечивающего согласованность работы образовательных структур и взаимопонимание между будущими работниками и работодателями. При надлежащем подходе к его разработке и дальнейшему усовершенствованию профстандарт способен играть роль аккумулятора всего того лучшего, что к настоящему времени есть в системе подготовки кадров политологов. Стандарт этот находится в процессе разработки и оптимизации, и тем важнее экспертному политологическому сообществу уже сейчас обратить внимание на те принципиальные моменты этой работы, которые в перспективе могут просто лишиться ее конструктивного смысла.

Проблема в том, что этот нормативный документ будет действовать в российском пространстве правовых и административных отношений, которое организовано по своим традиционным правилам. Одно из таких негласных правил гласит, что «запрещено все, что не разрешено». Именно эта традиция побуждает разработчиков не только профстандарта, а вообще всех нормативных документов для современной отечественной системы высшего политологического (и не только политологического) образования идти по пути максимальной, доходящей до мелочности, детализации всевозможных знаний (входных и выходных), умений, навыков и компетенций (общих, общепрофессиональных, профессиональных), которыми должен обладать дипломированный российский политолог.

Вся эта титаническая систематизаторская работа больших административных и экспертных коллективов обесценивается в перспективе одним единственным соображением. Политическая жизнь современных обществ интенсивна и раз-

нообразна. Сегодня она требует от политологов одних знаний и навыков, которые и закрепляются в нормативных документах. А каких знаний и навыков она потребует завтра? Этого никто сказать не может. Хотя не сложно понять, что документы эти создаются с расчетом на то, что вузы, обучающиеся и работодатели будут ими руководствоваться в оказании и получении «образовательных услуг» не год и не два.

В свете этого обстоятельства не трудно предвидеть вероятную ситуацию, когда политолог бакалавр или магистр, которого вузы уже сегодня обязаны готовить строго в соответствии с теми квалификационными позициями, которые предписывают профессиональные и образовательные стандарты (и за рамки которых выходить вузы не могут), завтра не будет востребован на рынке труда. По формальным, но весомым основаниям. Просто потому, что работодатель, чьи потребности в знаниях и способностях политического менеджера либо аналитика изменил ход политической жизни, предъявит выпускнику вуза богатый список компетенций из нынешнего, разработанного до мельчайших деталей профессионального и образовательного стандарта и скажет соискателю трудового места: «В списке ваших компетенций нет тех, которые в данный момент нужны, а значит, вы не соответствуете должности, на которую претендуете». И получится так, что нормативные документы, которые должны в идеале обеспечить максимальную гарантированность трудоустройства дипломированного политолога, станут для последнего источником реального риска остаться безработным. Либо потребуются непрерывная адаптация профессиональных и образовательных стандартов к меняющимся запросам сферы политических отношений и меняющейся конъюнктуре рынка труда, которая поставит под сомнение сам факт существования каких-либо «стандартов» в функционировании российской системы высшего политологического образования.

На примере ФГОС 3+ по магистратуре можно продемонстрировать суть этой проблемы, общей для всей нынешней государственной политики детальной регламентации образовательного процесса в вузе.

В соответствии с ФГОСом, выпускники-магистранты могут готовиться к шести **видам профессиональной деятельности**:

- научно-исследовательская;
- экспертно-аналитическая;
- политико-управленческая;
- консультативная;
- коммуникативная;
- педагогическая.

И задачи профессиональной деятельности выпускников прописаны по соответствующим направлениям.

Соответственно этим направлениям формализуются и компетенции. И тут возникают проблемы. Если общекультурные компетенции еще едины для

всех видов профессиональной деятельности, то общепрофессиональные компетенции уже строго распределены по отдельным видам деятельности. Такой подход входит в противоречие с аксиоматическим требованием мировой и отечественной педагогической науки к соблюдению внутреннего смыслового единства во всем образовательном процессе. Возникает противоречие структурного порядка. С одной стороны, пункты 5.2. и 5.3. ФГОС 3+ четко формулируют, что выпускник, освоивший программу магистратуры, должен обладать конкретными общекультурными (ОК) и общепрофессиональными (ОПК) компетенциями, после чего без исключения перечисляются все три ОК и все девять ОПК. Но в отношении профессиональных компетенций уже откровенно используется подход, основанный на традиционном для российской административной практики разрешительном принципе. Например, если обучающиеся выбрали для себя два вида деятельности – научно-исследовательскую (ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-7) и политико-управленческую (ПК-11, ПК-12, ПК-13), то компетенции ПК-8, ПК-9 и ПК-19 они использовать уже не вправе.

Хотя здравый смысл, например, подсказывает, что без компетенции ПК-8 – «осуществление комплексной политической диагностики, участие в экспертизе нормативно-правовых документов и организации работы по объяснению, прогнозированию политических процессов и проблемных ситуаций», как представляется, невозможно проводить ни научно-исследовательскую деятельность, ни политико-управленческую.

То же самое можно сказать и в отношении корреляции большинства из 22 обозначенных во ФГОС 3+ профессиональных компетенций.

Можно, наверное, разрешить эту проблему механически, т. е. дать возможность обучающемуся выбрать все виды профессиональной деятельности и, соответственно, все 22 профессиональные компетенции. Но тогда теряют смысл идея «выбора» и принцип деления магистратуры на академическую и прикладную. Сам «компетентностный подход» теряет смысл.

Есть опасность, что такой формальный подход на основе «разрешительного» принципа будет закреплён и в профстандарте для нынешних и будущих политологов бакалавров и магистров. Соответствующая тенденция уже обнаружила себя в проекте профстандарта, обсуждавшемся на специально для этого созданном Советании РОП в ноябре 2015 г. в Нижнем Новгороде. Взаимосвязь между профстандартом и тогдашним проектом ФГОС 3+ была очевидной в выделении основных видов профессиональной деятельности. Соответственно, и в этом нормативном документе прогнозируемы те проблемы, о которых уже было сказано выше.

Например, в проекте профстандарта отсутствовала специальность 23.00.06 – «Конфликтология», и почти отсутствовала соответствующая характеристика трудовых функций, связанных с

этой областью. Понятие «конфликт» упоминается в проекте всего три раза. Первый раз – в рамках трудовой функции «Организация подготовки, принятия, оформления и экспертизы управленческих решений в сфере политики» в качестве необходимых знаний отмечалось знание конфликтологии. Второй раз – в рамках трудовой функции 3.2.4. «Политическое консультирование» в качестве необходимых знаний также отмечалось знание конфликтологии. И наконец, в рамках трудовой функции 3.4.3. «Проведение воспитательной работы с обучающимися» в качестве необходимого умения отмечалось: «Регулировать конфликты в коллективах обучающихся».

Такая формализация не просто ограничивает возможности применения профессиональных знаний, умений и навыков политологов различных уровней, но может также ограничить и возможности их трудоустройства в соответствии с данным профстандартом. В сложившейся ситуации выходом, возможно, единственным, не требующим принципиального изменения самих подходов к проектированию профессиональных и образовательных стандартов, а лишь отказа от нынешней дробности требований к профессиональному качеству дипломированного политолога, является изменение официальной трактовки самого смысла и назначения этих нормативных документов. А именно трактовка их не как стандартов, определяющих обязательный **минимум** и **максимум** компетенций дипломированного политолога, а как стандартов, определяющих только **минимум** компетенций, благодаря освоению которых выпускник специальности «Политология» может претендовать на вузовский диплом и в со-

ответствии с которыми работодатель будет вправе требовать от профессионального политолога при предоставлении ответственной работы и повышении по службе больше, чем того когда-то научили в вузе. Но и сам политолог не будет себя чувствовать на рынке труда человеком, уже некогда достигшим своего профессионального «потолка» и потому потенциально бесперспективным.

Примечания

- 1 Среди первых выпускников, специализировавшихся на кафедре по политологии, многие к настоящему времени стали кандидатами и докторами политических наук (И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, профессор МГУ, исполнительный директор Российского общества политологов; М. В. Мамонов – канд. полит. наук, доцент, руководитель проектов управления мониторинговых и электоральных исследований ВЦИОМ; Н. В. Трошина – канд. полит. наук, доцент, Советник министра Саратовской области – председателя комитета общественных связей и национальной политики Саратовской области; С. Г. Сергеев – канд. полит. наук, доцент Поволжского института управления им. П. А. Столыпина и многие другие).
- 2 Среди первых выпускников – М. В. Данилов, В. Г. Семенов, Г. М. Барашков, Д. В. Попонов, которые после окончания аспирантуры стали кандидатами политических наук, доцентами и плодотворно работают на кафедре политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. В 2014 году М. В. Данилов успешно защитил докторскую диссертацию. Канд. полит. наук, доцент О. С. Скороходова работает в Поволжском институте управления им. П. А. Столыпина.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Шестов Н. И. 20 лет первому набору политологов в Саратовском государственном университете // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 479–482. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-479-482.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

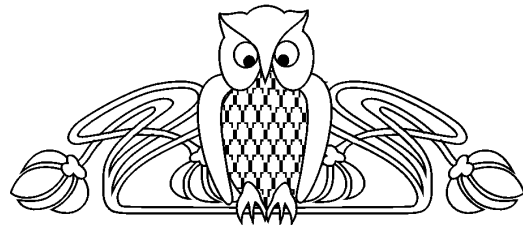
УДК 321.7+316.3

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. ДЕ ТОКВИЛЯ

С. С. Ширханян

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения)
E-mail: saqshir@gmail.com

Научная традиция одного из наиболее известных политических мыслителей XIX в. А. де Токвиля характеризуется высокой степенью разработанности. В то же время идеи автора зачастую

подвергались и продолжают подвергаться искажениям. Данная статья представляет собой попытку внесения некоторых коррективов, в частности, при рассмотрении одного из наиболее существенных пластов токвилевской концепции демократии – проблемы соотношения свободы и равенства, что будет осуществлено в контексте определения и отчасти переопределения политико-идеологического портрета французского графа и выяв-

ления ряда оговорок касательно сложившейся в данном вопросе доминирующей научной позиции.

Ключевые слова: де Токвиль, политико-идеологический портрет, демократия, свобода, равенство.

The Issue of Freedom and Equality Correlation in the Political Theory of A. de Tocqueville

S. S. Shirkhanyan

The scientific tradition of A. de Tocqueville has been the subject matter of many studies. However, many Tocquevillian ideas have been misrepresented. This article tries to make some corrections over the essential part of Tocqueville's democratic theory, which refers, in particular, to the issue of freedom and equality correlation. That goal is expected to be reached in context of defining and partially redefining the political-ideological portrait of de Tocqueville and, thus, through revealing some reservations in that regard.

Key words: de Tocqueville, political and ideological portrait, democracy, freedom, equality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-482-487

Алексис де Токвиль – один из тех мыслителей, внимание к творческому наследию которого не угасало как при жизни, так и после его смерти. Известный французский публицист, литературовед и критик Сент-Бёв еще в середине XIX в. в одном из своих эссе писал, что Токвиль «предстанет как неисчерпаемый предмет рефлексии для многих будущих поколений»¹. Время подтвердило эти слова: Токвиль стал одним из наиболее исследуемых авторов XIX и XX вв., его творчество по сей день выступает как исключительно важная теоретико-методологическая составляющая исследований феномена демократии, в частности, ее современной формы.

На протяжении почти двух веков было проведено множество исследований, обращенных на различные аспекты токвилевского наследия. Тем не менее, многие вопросы в рамках токвилеведения получили неоднозначную интерпретацию: так, с сегодняшних позиций можно констатировать формирование противоборствующих друг с другом традиций толкования де Токвиля, что, по нашему убеждению, обусловлено прежде всего однобоким, искаженным представлением политического, особенно политико-идеологического портрета мыслителя. В частности, либералы считают Токвиля своим безусловным сторонником и аргументируют это взглядами мыслителя на ценность индивидуальной свободы; консерваторы же причисляют французского автора к своим рядам, делая акцент на позиции Токвиля относительно ценности порядка и сильного государства². Известный американский социолог Роберт Низбет и вовсе утверждает, что при исследовании научной и политической деятельности французского графа наблюдается существование «нескольких Токвилей»: консерватора, либерал-

консерватора, консервативного либерала и либерального аристократа³.

На наш взгляд, сложность данного вопроса заключается в том, что при его обсуждении речь идет не столько о сугубо научной стороне дела, о научном споре исследователей над определением основных идеологических установок политического сознания де Токвиля, сколько об аспектах идеологизирования и политизации токвилевского наследия: каждая традиция пытается интерпретировать его идеи сообразно своей идеологической линии, использовать авторитет мыслителя в своих целях. Именно это обстоятельство актуализирует необходимость критического пересмотра сложившихся в токвилеведении подходов и трактовок, их деконструкции, что позволит по-новому рассмотреть и оценить ряд ключевых идей французского графа. С этих позиций в данной статье будет рассмотрена, в частности, токвилевская проблема соотношения свободы и равенства, а также осуществлена попытка переосмысления сложившейся касательно данного вопроса традиции.

Реалистическая умеренность как ключевая характеристика политических воззрений де Токвиля

По рождению Токвиль – аристократ, его родители были убежденными роялистами, и хотя сам он не был классическим представителем родовой аристократии, тем не менее, традиции аристократизма пронизывали его сознание, что наблюдается также при рассмотрении им распада «старого порядка» и формирования новых демократических реалий. Так, он считал необходимым широкое разделение государственной власти, но без восторга относился к всеобщему избирательному праву; Токвиль был сторонником классической либеральной экономики, но при этом убежден, что правительство может многое сделать для народа, развивая средства связи между людьми, например, строя дороги, каналы и создавая хорошо действующую почту; он защищал индивидуальную свободу, но не поощрял индивидуализма. С этих позиций речь идет, по выражению И. О. Дементьева, о «странном либерализме»⁴ де Токвиля. В то же время, как пишет Г. Ласки в предисловии к «Демократии в Америке», еще «со школьных времен Токвиль по своим взглядам был близок к либерализму»⁵: он выступал за равенство, но за такое равенство, которое не уничтожает рвения человека к свободе; он за власть народа, но за такую власть, которая не поглощает всецело личность.

Отмеченные оговорки, а также далеко неоднозначное отношение самого мыслителя к различным аспектам демократии, либерализма и «старого порядка» дают основание утверждать, что Токвиля в строгом смысле слова нельзя назвать

ни классическим аристократом, ни классическим либералом, хотя его взгляды пронизаны идеями, свойственными как первому, так и второму. В то же время очевидно, что политическое сознание Токвиля в виде противоборства старого порядка (традиции), с одной стороны, и императива нового общества (неизбежных перемен), с другой стороны, в полной мере соответствовало состоянию политической системы Франции тех времен, которая в течение более полувека по логике известного «принципа маятника» металась от монархических реставраций к республиканским революциям. С этих позиций политическое мышление Токвиля, в частности, его взгляд на демократию, преисполнены, скорее, духом умеренности, взглядами умеренного аристократа и логикой умеренного либерала, убежденного, однако, что аристократия как вековой опыт общественного порядка осталась в прошлом, а демократия будет определяющим началом для будущих веков.

В связи с последним вопросом в токвилеведении часто апеллируют к оценке современника и соотечественника де Токвиля, историка и государственного деятеля Франсуа Гизо, который, рассуждая о политическом портрете Токвиля, отмечал, что он «судит о демократии как аристократ, который потерпел поражение и ныне убежден, что его покоритель абсолютно прав»⁶. На наш взгляд, однако, позиция Гизо представляется в большей мере некорректной, что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, отказ от аристократии и «выбор» демократии Токвиля следует рассматривать не в плоскости определения «лучшего» или более совершенного политического порядка, а в контексте реальной исторической социально-политической действительности: именно логика перемен, «духа времени» в значимой мере предопределила токвилевский энтузиазм к изучению демократии. Следовательно, Токвиль если и признает поражение аристократии, то делает это в философском духе, следуя логике неминуемого развития исторического процесса, а не утверждая, что старый порядок был «хуже». Более того, следует подчеркнуть, что это реалистическое допущение Токвиля имело ключевое значение в разработке его политической концепции: оно позволило «нащупать пульс» эпохи и на основании этого определить будущие тенденции ее развития, что и придает особую ценность наследию мыслителя. Во-вторых, в биографии самого де Токвиля нельзя найти период, который можно охарактеризовать однозначным словосочетанием «Токвиль-аристократ» или «Токвиль-либерал»: он выступает одновременно в двух ипостасях, в их сосуществовании, что вновь подтверждает первый довод: Токвиль не «предает» аристократию, он пытается по мере возможности «уместить» ее в контекст нового порядка. Следовательно, не было и перехода от аристократического к либеральному мышлению. Поэтому слова о «поражении Токвиля как аристократа» не вписываются в

контекст рассмотрения ни самих идей, ни даже биографии французского мыслителя. Более того, в рамках демократии ее отчасти аристократическая интерпретация не исключена (что и пытается сделать французский граф), поэтому в случае с Токвилем допущение, что аристократия уступила место демократии, не означает с необходимостью отказа от многих аристократических идей и принципов. Примечательно, что с этих позиций некоторые исследователи характеризуют токвилевское общественное устройство как «микс» аристократического и демократического начал, «аристократо-демократический континуум»⁷.

Представляется, что, наряду с обращением к токвилевской дихатомии «аристократ-демократ», в качестве еще одного важного аспекта при определении специфики политических воззрений французского мыслителя выступает то обстоятельство, что он был реалистом: его «миссия» заключалась не в определении лучших или худших обществ, а в определении того, какие глубокие трансформации и процессы наблюдались в его времена и какое будущее они предвещали для Европы и всего мира. Отношение Токвиля к демократии, как тонко подмечает Сент-Бёв, – это «брак по расчету, по необходимости, а не по любви»⁸. То есть концепция демократии Токвиля – это не столько гимн демократии, сколько продукт реалистического видения политических тенденций эпохи. Именно в этом контексте и следует оценивать слова Токвиля о том, что монархия и аристократия изжили себя и мир вступил в «эпоху великой демократической революции», которую «все замечают, но далеко не все оценивают сходным образом»⁹.

Таким образом, токвилевский либерализм и «демократизм» требуют понимания ряда специфических оговорок, которые выделяют его среди классических либеральных исследователей демократии. Более того, изучение концепции демократии де Токвиля с этих позиций позволяет по-новому рассматривать ключевые пласты его теории. В этой связи среди осевых проблем политического анализа французского графа выделяется вопрос соотношения свободы и равенства, специфика токвилевской «модели», которая ввиду попыток «либерализации» наследия мыслителя нуждается в переосмыслении и в существенных корректировках.

Специфика токвилевской модели соотношения свободы и равенства при демократии: от противопоставления к взаимодополнению

Несмотря на то, что в демократии понятия свободы и равенства тесно взаимосвязаны, Токвиль отмечает, что это явления разного порядка. Автор выступил первым мыслителем, который обратил внимание на то, что главной, «природной» отличительной характеристикой демократии

(ее современной формы) является, прежде всего, именно равенство (равенство возможностей), а не свобода, и это обусловлено тем, что люди (демократическое большинство) всегда предпочитают равенство свободе, потому что оно дается им легче. Радости, доставляемые равенством, не требуют ни жертв, ни особых усилий: чтобы удовлетвориться ими, надо просто жить. Другое дело – свобода (особенно политическая): существование в условиях свободы требует от человека напряжения, больших усилий, связанных с необходимостью быть самостоятельным, делать всякий раз собственный выбор, отвечать за свои действия и их последствия. Иначе говоря, за свободой надо «ухаживать». Характеризуя мысли Токвиля, В. С. Нерсесянц отмечает, что свобода представляет собой определенный «крест»; ее преимущества, достоинства «не дают себя знать, как правило, мгновенно; удовлетворение, которое она приносит, испытывает не столь широкий круг людей, какой охватывает сторонников равенства». Поэтому демократические народы с большим пылом и постоянством любят равенство, нежели свободу. Наконец, главная причина приоритета демократического равенства над свободой заключается в том, что «нет ничего труднее, чем учиться жить свободным»¹⁰.

Помимо отмеченных выше причин, демократия отдает предпочтение равенству и по ряду других соображений. Во-первых, свобода выделяет сути нового общества: свобода существовала и прежде – в аристократии, в монархии и т. д.; равенство же стало знаменем демократии (вновь сделаем оговорку – ее современной формы). Во-вторых, равенство намного сложнее «отнять» у народа, нежели свободу: для «отмены» равенства нужно «менять законы, трансформировать обычаи и нравы, менять все социальное устройство»¹¹. В то же время Токвиль уверен, что между подобным пониманием равенства и демократией существует асимметрия: абсолютного равенства достичь невозможно, так как люди наделены разными природными способностями, и если даже демократические законы максимально обеспечат равенство возможностей, все равно «каждый из граждан будет видеть подле себя людей, занимающих более высокое, чем он, положение». Кроме того, демократия представляет лишь власть большинства, и на деле речь идет также и о равенстве большинства, поэтому, пишет Токвиль, этот «образ равенства постоянно маячит перед людьми», иногда отдаляясь, иногда приближаясь очень близко, но люди не смогут приблизиться к ней «настолько, чтобы испытать радость общения с ней, и умрут прежде, чем это им удастся»¹².

Вместе с тем многие авторы в подобном понимании соотношения равенства и свободы усмотрели токилевское противопоставление, «непримиримую борьбу», «риски равенства для бытия свободы»¹³. На наш взгляд, однако, и здесь «борьба» между аристократией (свободой)

и демократией (равенством) у Токвиля находит решение в идее их взаимодополнения: свобода выступает как необходимое условие обеспечения равенства – обеспечения функционирования демократической системы как таковой. Примечательно, что этот момент Токвиль более детально рассматривает в контексте определения природы «демократического человека», к чему в свое время с иных позиций и в ином ракурсе обращался также выдающийся философ Платон. Более того, в этом срезе раскрывается пласт политической антропологии де Токвиля: не случайно, что известный токилевед Ф. Мелонию затем назовет французского мыслителя «первым антропологом современного равенства»¹⁴.

Подобно тому, как Платон видел в демократии врожденную склонность к тирании, Токвиль говорит, что современная демократия также имеет риски к вырождению и формированию деспотизма (и не обязательно деспотизма одного человека). Рассуждая над последствиями «любви» демократов к равенству, Токвиль говорит о формировании индивидуализма как естественного следствия демократии – либеральной демократии и понимаемого в рамках него либерального равенства: чем больше уравниваются социальные условия существования, тем больше повышается вероятность того, что в обществе не будет много людей, которые могут оказать исключительное влияние на все общество, в результате чего формируется широкий средний класс, представители которого имеют такой достаток, что не зависят в материальном плане от других. «Такие люди никому ничего не должны и ничего ни от кого не ждут; они привыкли всегда думать самостоятельно о самих себе... демократия, таким образом, постоянно принуждает человека думать лишь о самом себе, угрожая в конечном счете заточить его в уединенную пустоту собственного сердца», – пишет Токвиль¹⁵. Иначе говоря, демократия в форме могучего проявления равенства приводит к атомизму в обществе, к замкнутости личности вокруг своего собственного микромира, к своеобразному «демократическому аутизму» и некоторому равнодушию по отношению к другим людям, согражданам¹⁶. Социальные потрясения же на этой почве возникают лишь тогда, когда возникает конфликт интересов, когда меньшинства начинают представлять угрозу для большинства; лишь тогда безразличие большинства перерастает в равнодушие и демократический человек выходит из своего изолированного, индивидуализированного микромира. А если потрясения так и не происходят, то постепенно возникает риск деспотизма, поскольку индивидуализированное общество разобщено и никому нет дело до других, что и создает почву для возвышения деспота. Рассуждая над этими мыслями де Токвиля, французский исследователь Доминик Кола отмечает, что «демократический индивид, таким образом, существует в обществе, топология которого выглядит как рядом расположенные элементы, *partes extra partes*»¹⁷.

Вместе с тем, в отличие от Платона, Токвиль отмечает, что описанные проблемы и риски в рамках реалий демократического равенства не выступают в качестве «безнадежной» и, по определению, неискоренимой проблемы: Платон отталкивает демократию, Токвиль же пытается ее «спасти». Существующие при демократии проблемы разобщенности общества, отсутствие основ для «сообщественного» образа жизни и потому возможные склонности в перерастание демократии в деспотизм вполне решимы. Однако это возможно лишь при адекватном восприятии иного, наряду с равенством, важнейшего столпа демократии – свободы, посредством которой прежнее, ангажированное «незрело демократическим» видением восприятие равенства можно «реабилитировать». Когда в обществе устанавливается равенство и нет прежних критериев выделения людей в различные слои (на основе общей принадлежности к какому-либо сословию и, таким образом, на основе общих интересов), главным фактором социальной дифференциации выступает материальный достаток – деньги (идеалистическая философия Платона критикует демократию также по этой причине). Но благодаря именно свободе, ее проявлениям на разных платформах общественно-политической жизни, гражданской необходимости постоянно обсуждать, отстаивать позицию, убеждать и договариваться вокруг общественно значимых вопросов, вопросов, которые касаются всех и ради которых потому и надо выйти из «берлоги индивидуализма», благодаря формированию различных профессиональных ассоциаций, партий или групп интересов граждане разобщенного демократического общества смогут сохранить демократию, не позволив неотделимому от нее индивидуализму изнутри «разъесть» систему равенства. Именно свобода «в состоянии освободить от власти денег и мелочных повседневных забот о своих делах, чтобы заставить во всякую минуту помнить о родине и ощущать ее над собой и подле себя»¹⁸. Свобода, таким образом, не противоречит демократическому равенству, а «блокирует» ее негативные стороны. Следовательно, у Токвиля речь идет не о противопоставлении или борьбе равенства и свободы, но о возможности того, что равенство может как отвергать свободу (имея разрушительные последствия для демократии), так и сосуществовать с ней.

Таким образом, де Токвиль формулирует положение о неразрывности понятий равенства и свободы, постулат их взаимодополняемости. Его близкий друг Жан-Жак Ампер выразил эту мысль следующими строками: «Цените свободу, дабы изгнать зло из равенства»¹⁹. Следует отметить, что тезис социально-политической свободы, понимаемый в контексте идеи активного участия гражданина в общественных делах и выступающий как способ минимизации дезинтегративных последствий равенства (индивидуализации и ато-

мизации) посредством формирования различных ассоциаций, не только имеет осевое значение в концепции демократии де Токвиля, но и стал предметом дальнейших исследований у многих авторов. В частности, отталкиваясь от этих идей Токвиля, известный политолог из Гарвардского университета Роберт Патнэм, изучая проблемы демократии в Италии, дифференцированность «уровня» народовластия в разных регионах страны, отмечает, что демократия предполагает ряд условий, и среди наиболее важных из них он выделяет активное участие граждан в общественных делах, взаимодействие граждан как равных субъектов, взаимное уважение и доверие среди граждан и др. Автор подчеркивает, что демократия работает лишь тогда и в той мере, когда и в какой мере люди активно вовлекаются в «общее дело», начиная с самого низшего уровня взаимодействия: участие в спортивных клубах, кооперативах, различных культурных организациях, в союзах добровольцев и т. д.²⁰. Активное участие граждан в социально-политическом процессе, таким образом, выступает как необходимое условие функционирования демократии, в противном случае индивидуально-атомизированное общество поглотит гражданскую свободу. Более того, представляется, что именно в этом идейном положении Токвиля, которому следовал Патнэм, следует искать основы теорий гражданского общества: гражданская активность, ассоциации граждан, их объединение по решению различных общественно значимых вопросов – наиважнейшее средство предотвращения государственного (демократического) произвола.

Заключая же данную статью с позиций вышеотмеченных наблюдений, следует подчеркнуть, что токвилевская модель соотношения свободы и равенства в контексте современной демократии выступает в качестве важной грани теоретического фундамента по обеспечению стабильности ее функционирования. На наш взгляд, кризис современных демократий обусловлен в том числе отходом от данной традиции: именно это стало, по крайней мере, одной из причин активизации предугаданных де Токвилем деструктивных механизмов демократии, которые выступают как своеобразный «ответ» системы на всякие попытки своего искажения и в конечном итоге приводят к ее вырождению.

Примечания

- 1 Цит. по: *Craiutu A.* Tocqueville and the political thought of the French doctrinaires (Guizot, Royer-Collard, Remusat). URL: http://www.indiana.edu/~tcqville/docs/CraiutuHP_TarticleonTocquevilleandtheDoctrinaires1999.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
- 2 См.: *Матвеев С. П.* Философские истоки французского либерального консерватизма (Ф. Гизо, А. Токвиль) : дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. С. 7.

- ³ См.: Nisbet R. Many Tocquevilles // The American Scholar. Vol. 46, № 1 (Winter 1977). P. 64.
- ⁴ См.: Дементьев И. О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
- ⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр., предисл. Г. Дж. Ласки. М., 1992. С. 6.
- ⁶ Цит. по: Craiutu A. Op. cit.
- ⁷ Kazam A. A Tocquevillean Polity? : The Mixed Regime in Tocqueville's Democracy in America. URL: <http://www.gov.harvard.edu/files/Theory%20thesis%202.pdf> (дата обращения: 22.09.2016).
- ⁸ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 21.
- ⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁰ Нерсесянц В. С. История политических учений. М., 1998. С. 479, 480.
- ¹¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 372.
- ¹² Там же. С. 395.
- ¹³ См.: Lukes S. Equality and Liberty : Must they Conflict // Lukes S. Moral Conflict and Politics. Oxford, 1991.
- ¹⁴ Tocqueville A. de // Euvres Complètes, XVI : Mélanges / ed. Fr. Mélonio. Paris, 1989. P. 50.
- ¹⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 374.
- ¹⁶ С этих позиций обращаясь к реалиям наших дней, можно заметить, что одно из наиболее распространенных слов современного социокультурного и социально-политического дискурса «толерантность» (трактуемая как терпимость) также во многом объясняется не столько духовным возвышением «демократического человека», сколько свойственным ему безразличием, т. е. не уважением прав другого (иной расы, религии, сексуальной ориентации), а тем, что индивиду нет никакого дела до другого человека.
- ¹⁷ Кола Д. Политическая социология / пер. с фр.; предисл. А. Б. Гофмана. М., 2001. С. 165.
- ¹⁸ Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб., 2008. С. 11.
- ¹⁹ Цит. по: Kazam A. Op. cit.
- ²⁰ См.: Putnam R. D. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy / R. Putnam, R. Leonardi, R. Y. Nonetti. Princeton, 1993. P. 88–93.

Образец для цитирования:

Ширханян С. С. Проблема соотношения свободы и равенства в политической теории А. де Токвиля // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 482–487. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-482-487.

УДК 329.12

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОДАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

А. И. Камалетдинова

Самарский государственный университет
E-mail: alsoy08@mail.ru

В статье рассмотрены две основные трактовки роли информации в реализации электоральных процедур в современной России и обоснована авторская позиция о том, что большой объем информационного воздействия на избирателей конкурирующих электоральных субъектов формирует у граждан ощущение предопределенности результатов выборов и лишает их мотивации личного участия в голосовании.

Ключевые слова: сущность политики, выборы, политическая информация, легитимность власти, электоральная активность.

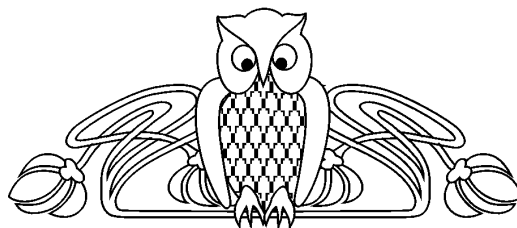
Information Suppression of Electoral Activity

A. I. Kamaletdinova

The author considers two main interpretations of the information's role in electoral procedures' fulfilment in contemporary Russia and substantiates his own point of view that a great deal of competing electoral subjects' information influence on voters forms a feeling of predetermined outcome of the elections and significantly decreases citizens' motivation to take part in voting.

Key words: an essence of politics, elections, political information, legitimacy of the government, electoral activity.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-487-489

Возможны различные варианты понимания сущности политики, в том числе электоральных процессов. Политику можно понимать, например, как процесс, в который включены и взаимодействуют общественные группы и государственная элита и по ходу которого происходит формирование лидерства, политической культуры элит и граждан, институтов управления политическими конфликтами и т. д. Иначе говоря, политику можно понимать как процесс исторический, долговременный, имеющий, соответственно, преобладающую объективную тенденцию. Более того, некоторые авторы акцент делают на сакральных основаниях власти, отмечая, что «современный политический процесс во многом связан с прошлым – политическая культура общества всегда опирается на традиционную политическую культуру, обуславливающую относительно стабильное воспроизведение моделей восприятия реальности и поведения»¹.

Другой подход состоит в том, что политику можно представить как «игру с нулевой суммой», в которой есть тактика, есть набор конкретных задач, подлежащих решению, но нет общей стратегии, т. е. видения ее различными участниками общей

перспективы, вероятных последствий и оптимальных путей решения этих задач. Основательный повод к целесообразности и эффективности такого подхода дает современная демократическая политика (особенно в электоральной своей части).

Оба определения работоспособны в приложении к изучению электоральных процессов в современной России. Более того, можно сказать, что именно второй вариант гораздо больше, чем первый, подходит для теоретического обобщения (концептуализации) тех фактов, которые политической науке поставляет электоральная сфера. В развитие такого взгляда на политику за последние годы было написано немало учебных пособий, диссертаций, монографий и статей, авторы которых исследовали электоральные процессы в России в разных местах и на разных уровнях политического пространства России².

Суммарный вывод, который напрашивается по прочтении этой апологетики PR – ресурсов электоральных компаний, что в современной политике ее исконное политическое качество (качество отношений между властью и обществом) полностью отсутствует. Оно заменено виртуальными имиджами и денежным ресурсом. С этой позиции мы не можем не только определить, в каком направлении движется современная политика, но и объяснить, почему год от года все хуже работают политические технологии³. Хуже не в смысле достигаемого результата. Результат получается, власть делится между субъектами электоральной политики. Хуже в том смысле, что каждый раз для достижения желаемого результата приходится менять общеполитический контекст применения этих технологий. Проще говоря, технологии, созданные для оптимального осуществления самых демократических избирательных процедур, сохраняют свою работоспособность все больше благодаря авторитарным усилиям элит и консенсусу общества и элит на почве традиционных ценностей авторитарной политики.

Не только в России, но и в мире в целом наблюдается заметное снижение электоральной активности граждан. Соответственно, падает уровень легитимности демократических институтов. Причину исследователи чаще всего видят в том, что избиратель был недостаточно вооружен информацией о предстоящей политической процедуре и потому не захотел или не смог проявить электоральную активность. Отсюда призывы специалистов по информационным аспектам политики еще более наращивать информационный ресурс политики, делать акцент на сетевых коммуникациях, способных доставить человеку максимальные объемы максимально разнообразной (на самом деле совершенно неразнообразной) информации⁴. Отсюда научная апологетика нынешних и будущих достижений электронной демократии, находящей свое практическое воплощение в государственных программах⁵.

Но ситуацию можно интерпретировать и иначе. Не случайно многие мыслители прошлого

утверждали, что в политике должна быть тайна. Именно желание узнать поподробнее (в том числе посредством участия в политических процедурах), как оно есть на самом деле, – влечет человека в политику больше, чем желание отстоять свои «естественные права». Именно поэтому людей влекло и влечет в политику даже тогда, когда это наносит очевидный вред их социальности и профессиональной статусности. В этом случае политика должна оставаться школой гражданского становления, приходя в которую, человек шаг за шагом усваивает каждый раз новые для него «предметы» и «уроки».

Однако современная либерально-демократическая политика, формально основанная на процедурах участия граждан в выборах, в условиях нынешней информационной революции в значительной степени утратила ореол таинственности и, соответственно, перестала выполнять роль такой школы гражданственности. Она стала ритуальным действием, в идеале вселяющим в граждан веру, что своим участием в голосовании они смогут изменить свой завтрашний день в лучшую сторону.

Подтверждением такой трактовки самой сути современной либеральной политики являются споры политологов о том, что такое открытая политика и что служит на практике индикатором такой открытости. Это, в сущности, вопрос о способности политики содержать в себе столько тайны, чтобы электорат не воспринимал ее, с одной стороны, как совершенно чуждую ему область интересов и практик, а с другой, в качестве естественного продолжения своих обыденных «кухонных разговоров» о политике.

Среди современных специалистов по вопросам транспарентности политических процессов и институтов существует разница мнений. Чаще всего сторонники либеральной демократии настаивают на том, что публичная политика должна быть максимально открытой, и тенденция к большей открытости знаменует развитие демократических начал в общественной и государственной жизни⁶. В случае если открытость не растет, либо убывает, то это свидетельствует о доминировании авторитарных начал. Оценки роста или убывания транспарентности и публичности политики привязаны обычно к оценкам медийной активности, масштабам распространения сетевых коммуникаций. Сам по себе такой разноразной оценок указывает на существование определенной проблемы: сколько и какой информации обществу нужно для функционирования в нормальном режиме электоральной демократии? Обязательно ли рост объемов информации, включенных в электоральный процесс, влечет за собой рост политической активности граждан, а снижение объемов ведет к их пассивности?

Может быть, ситуация складывается таким образом, что при вбросе больших объемов информации в пространство политики вообще и в электоральное пространство в частности гражданину становится в политике «понятно все». Точнее,

постоянное и в больших объемах ознакомление с политической информацией формирует у него субъективное ощущение такой «понятности». И это ощущение возникает раньше, чем он придет на избирательный участок. Получается, что ему туда незачем идти, поскольку у него более чем достаточно информации о конкурирующих на выборах политических силах, и есть возможность на основании этой информации «самостоятельно и компетентно» просчитать ожидаемый результат избирательной кампании. Для него выборы как акт гражданского самоопределения в ключевых проблемах политики уже состоялись в процессе повседневных информационных коммуникаций. В результате у гражданина исчезает интерес к узнаванию нового о политике за счет личного участия в политических процедурах, за счет обучения в «школе политики».

Часто отсутствие конкурентного начала в российской политике связывают с особыми качествами организации и участия политических партий. Это важный фактор, но не единственный по своей важности. Реальная конкуренция возможна тогда, когда в ряды партии идут рядовые граждане, движимые желанием по ходу своего непосредственного участия в партийной жизни существенно обогатить свой запас знаний и представлений о реальной политике. Если гражданин полагает, что, сидя дома за компьютером и читая политические новости, он составит для себя более широкую и достоверную картину политики, чем участвуя в партийной жизни и читая партийные программы, то такой человек перестает быть представителем сначала партийного электората, а при существовании системы выборов по партийным спискам и представителем электората вообще.

На избирательный участок приходит среднестатистический избиратель, который, как он сам считает, настолько информирован о политике, об электоральных проблемах, что самый его приход имеет смысл формальной демонстрации гражданской лояльности не столько политическим партиям и их программным идеям, сколько институтам государства и верховной государственной власти в целом. В развитии логики такой электоральной идентичности граждан перед думскими выборами в сентябре 2016 г. сам Президент РФ уговаривал граждан не пренебрегать демонстрацией своего гражданского статуса.

Кроме того, увлечение российских и зарубежных политических элит использованием медийного ресурса, идущее от их уверенности в справедливости теорий «информационного общества», лишает сами элиты интереса к выработке специфических (партийных) идентичностей. Последние выборы обнаружили странную пассивность политических партий в выборе тем, сюжетов для ведения агита-

ционно-разъяснительной работы с рядовыми гражданами. Похоже, что в данном случае сработал тот же механизм информационного подавления электоральной активности, только уже применительно к политическому участию элиты. Партии не стремились выделиться из общего ряда и предложить избирателю нечто «свое» потому, что для них эти выборы были политическим выбором, сделанным не в процессе подготовки предвыборной кампании (во временных границах, отведенных для этого законом), а много раньше. Партийный актив не стремился демонстрировать особо свою активность, поскольку результат выборов был ему в целом понятен. Понятен не вследствие каких-либо масштабных фальсификаций, а в результате обладания таким объемом информации о политической ситуации, складывающейся в стране, при котором само участие партий в предвыборной борьбе в значительной степени превращается в формально конкурентный, но на практике достаточно предсказуемый политический ритуал.

Примечания

- ¹ Вилков А. А., Захарова Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов : ИЦ «Наука», 2010. С. 4.
- ² См.: Александрова Т. А. Повышение активности избирателей средствами социально-психологических методов и технологий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2002 ; Байханов И. Б. Демократия, избирательные системы и избирательные технологии : учеб.-метод. пособие. М. : Проспект, 2013 ; Бызов Л. Г. Политическое сегментирование электората и идентификация участников избирательного процесса // Дайджест-Маркетинг. 1999. № 2. С. 63–81 ; Гринберг Т. Э. Политические технологии : PR и реклама : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2006 ; Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. 3-е изд., расш., доп. М. : Рус. панорама, 2002 ; Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. М. : Весь мир, 2008 ; Подлесный Г. И. Политические технологии в региональных избирательных процессах : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009 ; и др.
- ³ См.: Вилков А. А. Избирательные технологии : проблема эффективности и политических последствий // Власть. 2003. № 4. С. 17–18.
- ⁴ См.: Капель М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23–51.
- ⁵ См.: Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» : постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 17.06.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁶ См., например, материалы научной дискуссии: Курюкин А. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества : российская дискуссия // Власть. 2011. № 2. С. 166–173.

Образец для цитирования:

Камалетдинова А. И. Информационное подавление электоральной активности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 487–489. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-4-487-489.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бегина И. А. – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Бобыло А. М. – кандидат политических наук, докторант кафедры международных отношений, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований; директор Департамента интернационализации образования, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток. E-mail: bobylo.am@dvfu.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru

Герасимова О. Е. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, С.-Петербург. E-mail: ol.gerasimova@yandex.ru

Григорьева О. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: grigorievaoa@mail.ru

Данилов М. В. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: super9999@yandex.ru

Дыльнова З. М. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Зайцев Д. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры «Социология, социальная антропология и социальная работа», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: zaitsevd@bk.ru

Ивченков С. Г. – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Казakov А. А. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Калинкин А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Калугина Т. А. – доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Камалетдинова А. И. – аспирантка Самарского государственного университета. E-mail: alsoy08@mail.ru

Коселев А. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: koshelev76@mail.ru

Малинский И. Г. – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mig@info.sgu.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Немерюк Е. Е. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский нацио-

нальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Никифоров Я. А. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikiforovy@mail.ru

Новоселова Е. Н. – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии семьи и демографии по научной работе, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: novoselova@socio.msu.ru, alena_n_@mail.ru

Пашковский П. И. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Пивоваров В. А. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vpivovar55@gmail.com

Попонов Д. В. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: poponovdv@mail.ru

Романовская О. А. – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Межрегиональный институт развития образования, Саратов. E-mail: romanovska.ol@yandex.ru

Селиванова Ю. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры коррекционной педагогики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Семенова В. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: semenovavg@mail.ru

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ufim75@mail.ru

Цаплин А. Ю. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: can2002@yandex.ru

Черевичко Т. В. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Шахматова Н. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru

Ширханян С. С. – аспирант кафедры политологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Республика Армения). E-mail: saqshir@gmail.com

Шматова С. С. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: svshmatova@mail.ru

Юренков И. Н. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: www.igor1992@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beginina I. A. – candidate of philosophical sciences, professor, Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Bobylo A. M. – candidate of political sciences, doctoral student of the Department of international relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies; director of International education department, Far-Eastern Federal University, Vladivostok. E-mail: bobylo.am@dvfu.ru

Cherevichko T. V. – doctor of economic sciences, professor, head of the Department of tourism and cultural heritage, director of Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: cherevichko@inbox.ru

Danilov M. V. – doctor of political sciences, associate professor, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: super9999@yandex.ru

Dynova Z. M. – doctor of sociological sciences, professor, Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Gerasimova O. E. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of political sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: ol.gerasimova@yandex.ru

Grigorieva O. A. – candidate of sociological sciences, associate professor, Department «Sociology, social anthropology and social work», Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: grigorievaa@mail.ru

Ivchenkov S. G. – doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: ivchenkovsg@mail.ru

Kalinkin A. A. – postgraduate student, Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Kalugina T. A. – doctor of sociological sciences, professor, Department of history, theory and applied sociology, Saratov State University. E-mail: BegininaI@info.sgu.ru

Kamaletdinova A. I. – postgraduate student, Samara State University. E-mail: alsoy08@mail.ru

Kazakov A. A. – candidate of political science, associate professor, associate professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Koshelev A. A. – candidate of sociological sciences, associate professor, Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: koshelev76@mail.ru

Malinskiy I. G. – candidate of sociological sciences, associate professor, head of the Department of social informatics, Saratov State University. E-mail: mig@info.sgu.ru

Mirzakhonov D. G. – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Nemeryuk E. E. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of sociology of communication and management, Saratov State University. E-mail: evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Nikiforov Ya. A. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: nikiforovy@mail.ru

Novoselova E. N. – candidate of sociological sciences, associate professor, deputy head of the Department of sociology of the family and demography for science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: novoselova@socio.msu.ru, alena_n@mail.ru

Pashkovsky P. I. – candidate of political sciences, associate professor of the Department of political sciences and international relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol. E-mail: petr.pash@yandex.ru

Pivovarov V. A. – postgraduate student, Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: vpivovar55@gmail.com

Poponov D. V. – candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: poponovdv@mail.ru

Romanovskaya O. A. – doctor of sociological sciences, professor, deputy director for scientific work, Inter-regional Institute of Education Development, Saratov. E-mail: romanovska.ol@yandex.ru

Selivanova Yu. V. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of correctional pedagogy, Saratov State University. E-mail: juliaselivanova@mail.ru

Semenova V. G. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: semenovavg@mail.ru

Shakhmatova N. V. – doctor of sociological sciences, professor, Department of applied sociology, Saratov State University. E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

Shestov N. I. – doctor of political sciences, professor, Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Shirkhanyan S. S. – postgraduate student, Department of political sciences, Russian-Armenian University, Yerevan (Republic of Armenia). E-mail: saqshir@gmail.com

Shmatova S. S. – postgraduate student, Department of applied sociology, Saratov State University. E-mail: svshmatova@mail.ru

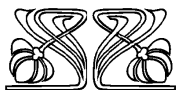
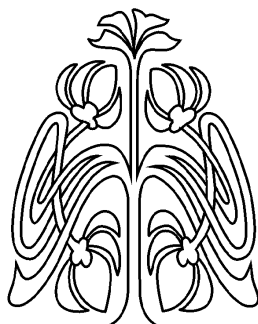
Tsaplin A. Yu. – candidate of political science, associate professor, associate professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: can2002@yandex.ru

Ufimtseva E. I. – candidate of sociological sciences, associate professor, Department of sociology of social work, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

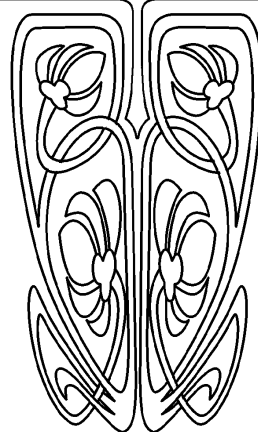
Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, head of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Yurenkov I. N. – postgraduate student of the Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: www.igor1992@gmail.com

Zaitsev D. V. – doctor of sociological sciences, professor of the Department «Sociology, social anthropology and social work», Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: zaitsevd@bk.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2017 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала:
410012, Саратов, Астраханская, 83;
тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izvestiya@sgu.ru